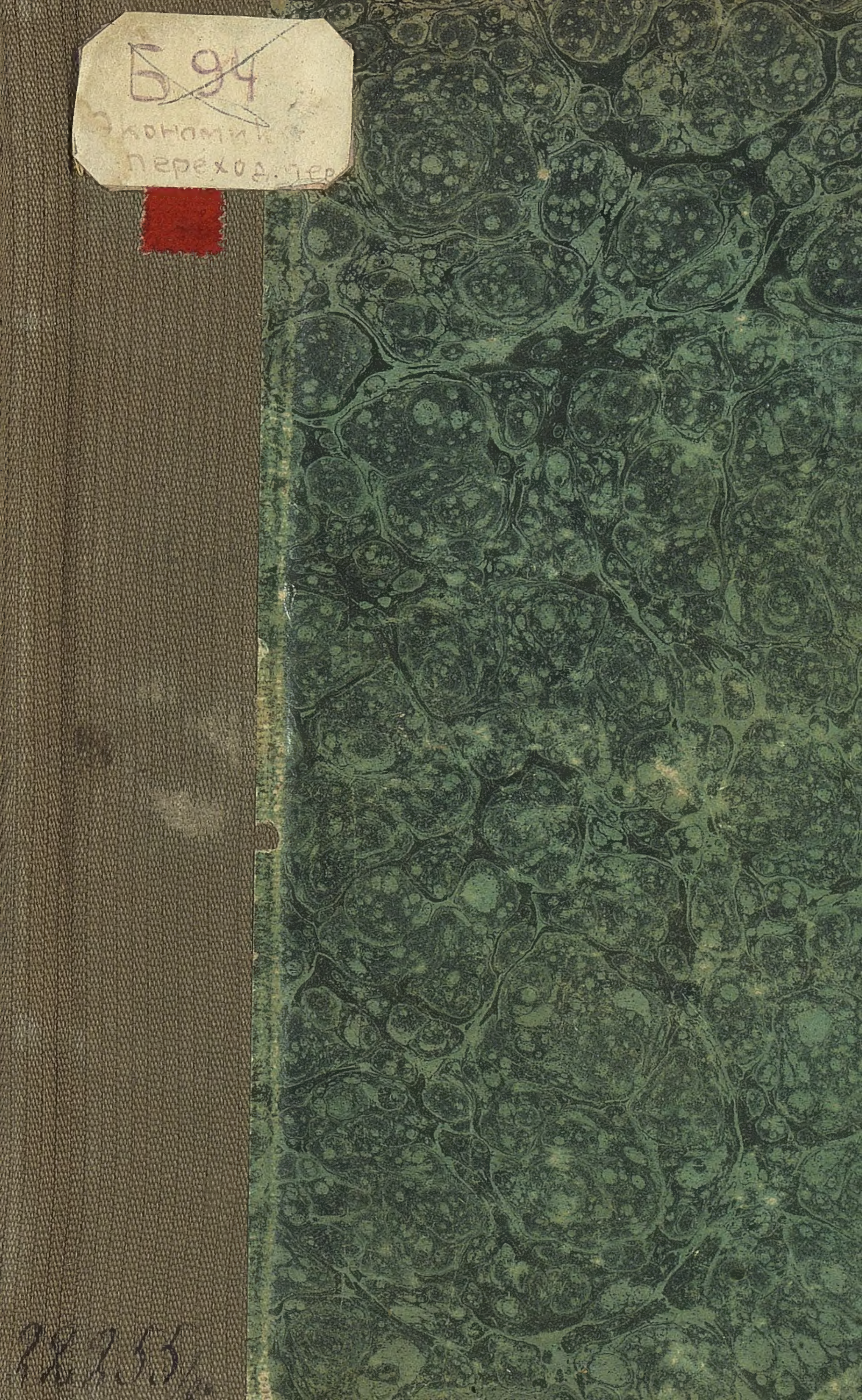

Б 94
переход. пер

ТРУДЫ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК.

Пролетарии всех стран соединяйтесь.

НИКОЛАЙ БУХАРИН.

ЭКОНОМИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Часть I

Общая теория трансформационного процесса.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА 1920.

ОИК

Вторая Государственная типография, Трехпрудный, 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая работа имеет своей задачей ниспровержение обычных, вульгарных, quasi—марксистских, представлений, как о характере того Zusammenbruch'а- который предсказывали великие творцы научного коммунизма, так и о характере процесса превращения капиталистического общества в общество коммунистическое. Тот, кто представлял себе революцию пролетариата, как мирный переход власти из одних рук в другие, а переворот в производственных отношениях как перемену в верхушках организационных аппаратов; тот, кто *так* рисовал себе классический тип революции пролетариата—в ужасе отшатнется от всемирной трагедии, переживаемой человечеством. Он не в состоянии будет рассмотреть в дыму пожарищ и грохоте гражданской войны торжественные и величавые очертания будущего общества. Он навсегда останется жалким обывателем, интеллект которого так же труслив, как и его «политика». Свое собственное бессилие он будет приписывать революции, выдумывая для нее всевозможные определения, кроме того, которое она действительно имеет, как революция пролетариата.

Жестокий опыт жизни показал, что прав был Маркс, когда он заявлял: «Мы говорим рабочим: вам придется пережить 15, 20, 50 лет гражданских войн и битв народов, не только чтобы изменить общественный строй, но чтобы изменить и себя самих».

Старое общество и в его государственной, и в его производственной формулировке раскалывается, *распадается до самых низов, вплоть до самых последних глубин.* Никогда еще не было такой грандиозной ломки. Но без этого не могла бы быть революция пролетариата, который из распавшихся элементов, в новой связи, в новых сочетаниях, по новым принципам строит

фундамент будущего общества. И притом строит его, как классовый субъект, как организованная сила, имеющая план и величайшую волю этот план провести, несмотря на какие бы то ни было препятствия. Ужасной ценой платит человечество за пороки капиталистической системы. И только такой класс, как пролетариат, класс-Прометей, сможет вынести на своих плечах неизбывные муки переходного периода, чтобы в конце концов зажечь светильник коммунистического общества.

Анализ переходной эпохи в его основных чертах я и пытаюсь дать в настоящей работе. Второй частью я предполагал выпустить в будущем конкретно-описательный труд по современной русской экономике. Потребность в такой обобщающей работе огромна. Материалу накопилось достаточно много; его нужно рассмотреть и теоретически осмыслить.

Лозунгом автора было: додумывать до конца, не боясь никаких выводов. К сожалению, не было времени изложить эту работу популярно, и потому приходилось писать почти алгебраическими формулами. Свою задачу автор считал бы выполненной, если бы те, у кого намечался аналогичный круг мыслей, окончательно их оформили, а те, кто верил в наивные иллюзии реформистского типа, по крайней мере, подумали, что дело обстоит гораздо сложнее, чем в вульгарных брошюрках ренегатского образца.

Излишне распространяться о том, что путеводной нитью для автора был метод Маркса, метод, познавательная ценность которого только теперь стала во весь свой гигантский рост.

Н. Бухарин.

ГЛАВА I.

Структура мирового капитализма.

1. Современный капитализм, как мировой капитализм. 2. Субъекты хозяйств—государственно-капиталистические тресты. 3. Анархия мирового производства и конкуренция. 4. Кризисы и войны. 5. Централизация капитала.

Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве *товаров*, т.-е. наука о *неорганизованном* социальном хозяйстве. Только в обществе, где производство является анархическим, точно так же как анархическим является и распределение продуктов, закономерность общественной жизни проявляется в виде «естественных», «стихийных» законов, независимых от воли отдельных лиц и коллективов, законов, действующих с такой «слепой» необходимостью, как сила тяжести, «когда над вашей головой обрушивается дом»[1]). Маркс первый отметил эту специфическую особенность товарного производства и в своем учении о товарном фетишизме дал блестящее социологическое введение в теоретическую экономию, обосновав последнюю, как *исторически ограниченную* дисциплину [2]). В самом деле, лишь только мы возьмем организованное общественное хозяйство, как исчезают все основные «проблемы» политической экономии: проблемы ценности, цены, прибыли и проч. Здесь «отношения между людьми» не выражаются в «отношениях между вещами», и общественное хозяйство регулируется не слепыми силами рынка и конкуренции, а сознательно проводимым *планом*.

---

[1]) *Marx.* Das Kapital, Band I.

[2]) Гораздо хуже, но мудренее развивает те же мысли на этот счет *Heinrich Dietzel* в «Theoretische Sozialökonomik». Ср. также П. *Струве* «Хозяйство и цена».

Поэтому здесь может быть известная система описания, с одной стороны, система норм—с другой. Но тут не будет места науке, изучающей «слепые законы рынка», ибо не будет самого рынка. Таким образом, конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии.

Итак, политическая экономия изучает *товарное* хозяйство.

При этом товаропроизводящее общество вовсе не есть простая сумма индивидуальных хозяйств. Еще Родбертус в полемике с Бастиа прекрасно выяснил наличность особой хозяйственной среды, особой связи, которую он назвал «хозяйственным общением». Если бы перед нами была простая сумма хозяйств, не было бы общества. «Сумма» есть чисто логическое единство, а вовсе не реально существующий комплекс.

Совершенно безразличным является для чистой теории, насколько велик *объем*, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйства. Как раз поэтому Маркс и издевался так над названием «национальная экономия», которое облюбовали патриотические немецкие профессора. Точно так же сравнительно второстепенным для абстрактной теории является вопрос о том, кто выступает в качестве субъекта отдельного хозяйства. Важен в первую голову *тип связи* между этими хозяйствами, а именно—тип *неорганизованной связи через обмен*. Наоборот, для более конкретного исследования, которое не ограничивается выведением общих законов, все эти вопросы имеют огромное значение.

Современный капитализм есть капитализм мировой. Это значит, что капиталистические производственные отношения господствуют во всем мире и связывают все части нашей планеты крепкой экономической связью. В наше время социальное хозяйство конкретно выражается в хозяйстве мировом. Мировое хозяйство есть *реально* существующее единство. Поэтому совершенно неверны такие определения его, как определение новейшего исследователя д-ра Карла Тышки[1]). Тышка пишет: «Подобно тому, как народное хозяйство состоит из суммы хозяйств, принадлежащих лицам одной нации (von Volksgenossen), будут ли эти хозяйства единоличными или корпоративными хозяйствами, точно так же *мировое хозяйство состоит из суммы*

[1]) *D-r Karl von Tyszka*: «Das weltwirtschaftliche Problem der modernen Industriestaaten». Jena. Gustav Fischer. 1916, s. 1.

народных хозяйств». «Сумма народных хозяйств, на которые существенным образом влияет положение на мировом рынке, образует мировое хозяйство». Первое определение не совпадает со вторым: второе носит в себе внутреннее противоречие, так как понятие простой суммы исключает органическую связь. Сумма раков в корзине не есть реальное единство. Число ежегодно рождаемых младенцев, «объединенных» в статистическую «совокупность», точно так же не представляет собой реального единства. Наличие особой органической *связи*—вот что делает просто совокупность совокупностью реальной. Но как раз такая совокупность исключает понятие арифметической суммы, потому что она гораздо больше и сложнее этой суммы.

Поскольку общество является обществом, производящим не продукты, а товары, постольку оно является *неорганизованным* единством. Общественный характер труда и общественный характер процесса производства проявляется здесь в непрестанном движении обмениваемых товаров, в колебаниях рыночных цен. Этот общественный характер труда не проявляется, однако, так же ясно и просто, как в том случае, когда мы имеем целесообразную трудовую общественную *организацию*.

Товарное общество есть система с особым *типом* связи, из характера которой вытекают совершенно специфические категории товарного мира. Эта система не есть «телеологическое единство», т.-е. система сознательно руководимая, где имеется определенный план. Такого плана нет. Здесь нет даже *субъекта* хозяйственного процесса. В сущности, здесь не «общество производит», а «в обществе производится». И как раз поэтому не люди господствуют над продуктом, а продукт господствует над людьми, и «стихийная сила» экономического развития не укладывается в рамки желаемого. Если *все* общество при товарном—а следовательно и капиталистическом—способе производства слепо, если оно в целом не является телеологическим единством, то таковым являются его отдельные части. Общество состоит из таких частей, связанных между собой. Хозяйствующими субъектами являются в товарном обществе именно эти части, тогда как система их безлична, слепа и в этом смысле иррациональна.

Эта «иррациональность» и является основной предпосылкой для существования политической экономии. Но как раз этого не понимает большинство буржуазных экономистов.

Так, по Harms'у [1]) мирового хозяйства не было бы, если бы не было международных торговых договоров. Kobatsch [2]) вообще полагает, что мирового хозяйства еще нет и что оно будет тогда, когда будет мировое государство. Kalver говорит о «хозяйстве мирового рынка» (Weltmarktwirtschaft). Во всей полемике между Harms'ом и K. Diehl'ем [3]) нет ни намека даже на правильную постановку вопроса. Поиски какого-нибудь «регулирования», как конститутивного признака хозяйства, как раз и исходят из абсолютно превратного представления о природе капиталистического общественного организма. Для обоснования науки ищут принцип, который убивает эту науку.

Возникает теперь вопрос, что же является сознательно действующими частями мирового капиталистического хозяйства. Теоретически мыслим мировой капитализм, как система отдельных частных предприятий. Но структура современного капитализма такова, что субъектами хозяйства выступают коллективно-капиталистические организации—«государственно-капиталистические тресты» [4]).

Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран. Монополистические союзы предпринимателей, комбинированные предприятия и проникновение банкового капитала в промышленность создали новый тип производственных отношений, превратив неорганизованную товарно-капиталистическую систему в финансово-капиталистическую *организацию*. Неорганизованная связь одного предприятия с другим через акты купли-продажи в значительной степени заменилась организационной связью через «контрольные пакеты» акций, через «участие» и «финансирование», которое находит себе персональное выражение в общих «Dirigenten» банков и индустрии, концернов и трестов. Тем самым

---

1) *Bernhard Harms:* «Volkswirtschaft und Weltwirtschaft». Jena. Gustav Fischer. 1912.

2) *Kobatsch:* «La politique économique internationale». Paris. Giard et Brière.

3) *Carl Diehl:* «Privatwirtschaftslehre, Volkswirtschaftslehre, Weltwirtschaftslehre» в «Conrad's Jahrbücher».

B. Harms: «Volkswirtschaft und Weltwirtschaft (Antikritische Darlegungen)» в «Weltwirtschaftliches Archiv», 1914, 1, S. 196 ff.

4) Этот термин введен автором настоящей работы. См. *Н. Бухарин:* «Мировое хозяйство и империализм». Изд. «Прибой». С.П.Б.1918.

меновая связь, выражающая *общественное* разделение труда и разрыв общественно-производственной организации на самостоятельные капиталистические «предприятия», заменяется *техническим* разделением труда внутри организованного «народного хозяйства».

Раздробленность капиталистического производства, его «анархичность» выходит, однако, далеко за пределы общественного разделения труда. Под разделением труда разумелось всегда распадение совокупного труда на различные «работы» [1]. В частности под общественным разделением труда разумелось и разумеется разделение труда между отдельными предприятиями. Будучи «независимыми» друг от друга, капиталистические предприятия тем не менее нуждаются друг в друге, ибо одна отрасль производства доставляет сырой материал, вспомогательные средства и т. д. для другой.

Однако, не нужно смешивать *двух* вещей: дробление общественного труда, *вытекающего* из факта общественного разделения труда—с одной стороны и дробления общественного труда, которое отрицает это самое разделение труда—с другой. В самом деле, отдельные товаропроизводители существуют вовсе не потому только, что имеются различные виды труда. В рамках каждой отдельной *отрасли* производства, даже в рамках более специальных и мелких производственных делений, одновременно существует значительное количество самостоятельных товаропроизводителей. Другими словами, анархическая

---

[1]) Вопрос о разделении труда сравнительно мало разработан, но относительно различного характера работ имеется полное единодушие. Ср. *William Petty* «The economic writing», v. I, «Political Arithmetick» p. 260 ff; *его же* «Another Essay in Polit. Arithm» (т. II сочинений, стр. 473 ff); *A. Smith:* «An inquiry into the nature» etc., book I, ch. I («The separation of different trades and employments from one another»): *Маркс* Капитал, т. I; то же и новейшие писатели Ср. *Gustav Schmoller* «Die Tatsachen der Arbeitsteilung». Jahrbücher, 1889; он же: «Das Wesen der Arbeitsteilung und der sozialen Klassenbildung» Jahrbücher, 1890; *Emile Durkheim:* «De la division du travail social.» Paris 1893 (единственная в своем роде работа, специально посвященная вопросу); *J. B. Clark* «The Distribution of Wealth» N—Y. 1908. p. 11—12; *I. Fisher* «Elementary principles of economie s» N—Y. 1912. p. 193. *Ф. Оппенгеймер* (Theorie der reinen u. polit. Oeckonomie) думает оригинальничать, вводя разделение труда... между рабочим и машиной! (s. 115 ff). Любопытны классификации *Lexis'a:* «Allgemeine Volkswirtschaftlehre».

структура товарного общества выражается в раздельном существовании «предприятий». В свою очередь, эти «предприятия» стоят друг к другу в разных отношениях: или они связаны друг с *другом* куплей-продажей (предприятия разнородные), или они стоят друг против друга, как конкуренты (предприятия однородные). Хозяин портновской мастерской связан с суконщиком таким образом, что он покупает у него сукно, но по отношению к другому такому же хозяину он—конкурент, отнюдь не связанный с ним меновыми сделками. Одновременное существование портновского и суконного *предприятия* есть выражение общественного разделения труда. Наоборот, сосуществование нескольких портновских предприятий никакого общественного разделения труда не выражает.

На эту разницу необходимо обратить самое серьезное внимание.

Обычно анархия капиталистического производства ставится в связь с рыночной конкуренцией—и только. Теперь мы видим, что рыночная конкуренция выражает лишь *одну* часть, лишь один тип «бытия» отдельных товаропроизводителей, а именно—тот тип отношений, который не стоит в связи с разделением общественного труда.

Тем не менее, благодаря взаимозависимости *всех* частей социального хозяйства, и *разнородные* предприятия ведут борьбу между собой. Капиталистическое общество есть общество, производящее прибавочную ценность. С другой стороны, процесс распределения есть процесс *раздела* прибавочной ценности между субъектами капиталистического хозяйства. Каждое предприятие вовсе не реализует той прибавочной ценности, которая производится в *нем самом*. Уже элементарнейший закон капитализма—стремление нормы прибыли к одному уровню — совершенно «искажает» такую простоту отношений [1]). Картина осложняется еще больше с образованием всевозможного рода капиталистических монополий. Ясно отсюда, что борьба за раздел прибавочной ценности между отдельными хозяйствующими субъектами (единоличными или корпоративными—это, конечно, совершенно безразлично) должна носить различный характер. Поэтому мы будем различать три рода конкурентной борьбы.

1) *Под конкуренцией горизонтальной* мы будем разуметь

---

[1]) *См. Маркс:* Капитал, т. III, ч. I.

конкуренцию между однородными предприятиями. Здесь анархия, выражающаяся в конкурентной борьбе, ни на какое общественное разделение не опирается.

2) *Под конкуренцией вертикальной* мы будем разуметь борьбу между разнородными предприятиями, раздельное существование которых выражает факт общественного разделения труда.

3) Наконец, под *комбинированной (сложной) конкуренцией* у нас будет пониматься борьба, которую ведут комбинированные предприятия, т.-е. капиталистические единицы, объединяющие различные отрасли производства, т.-е. превращающие *общественное* разделение труда в *техническое* разделение.

Критерием разграничения типов конкуренции является здесь тип предприятия, что, в свою очередь, опирается на то или иное отношение к общественному разделению труда, т.-е. к одному из основных производственных отношений товарного мира.

Из такого разграничения вытекает и разграничение методов конкурентной борьбы. В самом деле, совершенно очевидно, что в то время, как горизонтальная конкуренция может оперировать дешевыми ценами на рынке (самый «классический» тип конкуренции), при конкуренции вертикальной метод дешевых цен должен уступить место другим приемам. И действительно, мы видим, что здесь главную роль начинают играть методы непосредственного силового давления, своего рода action directe со стороны капитала, в первую голову—*бойкот*, как самая элементарная форма.

Изменение методов конкурентной борьбы обозначается еще в большей мере, поскольку эта борьба начинает выходить из сферы отношений рынка, хотя бы она и имела своим исходным толчком отношения этого рынка. *Цена* есть *всеобщая* категория товарного общества, и поэтому *всякое* нарушение равновесия выражается в определенном движении цен. Категория *прибыли* немыслима без категории цены. Словом, всякое экономическое явление капиталистического мира так или иначе связано с ценой, а следовательно—и с рынком. Это, однако, не значит, что всякое экономическое явление есть рыночное явление. Аналогичное положение годится и для конкуренции. До сих пор рассматривалась по преимуществу *рыночная конкуренция*, которая была характерна для типа *горизонтальной* конкуренции вообще. Но

конкурентная борьба, т.-е. борьба между капиталистическими предприятиями, может вестись и вне рынка в собственном смысле слова. Такова, например, борьба за сферы вложения капитала, т.-е. за самую возможность расширения производственного процесса. В таком случае опять-таки ясно, что здесь будут применяться иные методы борьбы, чем в «классическом» случае горизонтальной рыночной конкуренции.

Теперь мы должны вернуться к современному мировому капитализму.

Мы отмечали уже, что единицами, составляющими систему современного мирового хозяйства, являются не единоличные предприятия, а сложные комплексы, «государственно-капиталистические тресты». Правда, мировые связи существуют и между отдельными предприятиями разных «стран», при чем тип этих связей в каждом конкретном случае может быть прямо противоположен тому типу, по которому связаны между собой эти «страны». Но все же за последнее время преобладающими становятся отношения между целыми комплексами. Капиталистическое «народное хозяйство» превратилось из *иррациональной системы в рациональную организацию*, из бессубъектного хозяйства в хозяйствующий субъект. Это превращение дано ростом финансового капитализма и спайкой между экономической и политической организацией буржуазии. Вместе с тем отнюдь не уничтожилась ни анархия капиталистического производства вообще, ни конкуренция капиталистических товаропроизводителей. Эти явления не только остались, но и углубились, воспроизводясь в рамках *мирового* хозяйства. *Мировая* хозяйственная система так же слепа, иррациональна и «бессубъектна», как прежняя система *народного* хозяйства.

Товарное хозяйство здесь вовсе не исчезает окончательно, хотя внутри страны оно либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь организованным распределением. Товарный рынок становится лишь действительно *мировым*, переставая быть «национальным». Тут наблюдается точно такой же процесс, как и при слиянии двух или нескольких разнородных предприятий в одно комбинированное целое, где сырье обрабатывается в полуфабрикат, а затем в фабрикат, при чем соответствующее движение продуктов не сопровождается обратным движением денежного эквивалента: «хозяйственные блага» *внутри* комбинированного предприятия обращаются не как товары, а

именно как продукты, являясь товарами лишь постольку, поскольку они выбрасываются из пределов комбинированного целого. Точно так же организованно-распределяемый внутри страны продукт является товаром, поскольку его бытие связано с существованием мирового рынка. Разница—по сравнении с народным хозяйством—лишь в широте хозяйственной системы и в характере составных частей этой системы.

Особый характер государственно-капиталистических трестов объясняет нам и особый тип конкурентной борьбы. Государственно-капиталистический трест есть в сущности огромное комбинированное предприятие. Будучи противопоставлены друг другу, государственно-капиталистические тресты противопоставлены не только как единицы, производящие один и тот же «мировой товар», но и как части разделенного общественно-мирового труда, как хозяйственно *дополняющие* друг друга единицы. Следовательно и борьба их идет одновременно и по *горизонтальной*, и по *вертикальной* линиям: эта борьба есть *сложная конкуренция*.

Переход к системе финансового капитализма все время усиливал процесс превращения простой рыночной, *горизонтальной* конкуренции в конкуренцию сложную. Так как типу конкуренции соответствует и метод борьбы, то за этим неизбежно последовало «обострение отношений» на мировом «рынке». Вертикальной и сложной конкуренции сопутствуют *методы непосредственного силового давления*. Поэтому система мирового финансового капитала неизбежно влечет за собой *вооруженную борьбу* империалистских конкурентов. *Здесь и лежит основной корень империализма.*

Борьба финансово-капиталистических государственных организаций есть самое кричащее выражение противоречий и анархии капиталистического способа производства, где обобществленный в мировом масштабе труд наталкивается на государственно-«национальных» субъектов присвоения. Конфликт между развитием производительных сил и капиталистическими производственными отношениями должен—поскольку не взрывается вся система—временно *понижать* производительные силы для того, чтобы затем начался дальнейший цикл их развития в той же самой капиталистической оболочке. Это разрушение производительных сил составляет conditio sine qua non капиталистического развития, и с этой точки зрения

кризисы, издержки конкуренции и—частный случай этих издержек—войны являются необходимыми faux frais капиталистического воспроизводства. Временное равновесие достигается здесь, собственно говоря, двояким путем: во-первых, прямым понижением производительных сил, выражающемся в *уничтожении ценностей*; во-вторых, в частичном уничтожении *трений* среди составных элементов хозяйственной системы. Последнее выражается в *централизации капитала.*

Централизация капитала поедает конкуренцию, но, с другой стороны, она непрерывно воспроизводит эту конкуренцию на расширенной основе. Она уничтожает анархию *мелких* производственных единиц, но она обостряет затем анархические отношения между *крупными* производственными телами. «Трения» в общехозяйственной системе исчезают в одном месте только для того, чтобы в еще больших размерах появиться в другом: они превращаются в трения между основными частями громадного *мирового* механизма.

Централизация капитала идет по тем же трем основным линиям, по которым направляется конкурентная борьба: это либо *горизонтальная* централизация, когда происходит поглощение однородных предприятий, либо *вертикальная* централизация, когда происходит поглощение инородных предприятий, наконец, *комбинированная* централизация, когда возникает комбинация между комбинациями, или комбинация из сложного и простого предприятия. *В мировом* хозяйстве централизация капитала находит свое выражение в *империалистических аннексиях,* которые точно так же можно различать по трем основным линиям конкурентной борьбы [1]).

В результате войны мы видим те же явления, что и в результате кризиса: на-ряду с разрушением производительных сил, уничтожение мелких и средних мировых группировок (гибель самостоятельных государств) и возникновение еще более громадных комбинаций, растущих за счет погибающих групп.

Производственные отношения капиталистического мира не сводятся, однако, к отношениям между «товаропроизводителями», т.-е. к отношениям между отдельными капиталистами или их

---

[1]) Об этом см. *нашу* работу: «Мировое хозяйство и империализм».

союзами (синдикатами, трестами, государствами). Современное мировое хозяйство есть не только *товарное* хозяйство, но и *капиталистическое* товарное хозяйство. И противоречия между различными частями этого хозяйства лежат в *двух* главных плоскостях: в плоскости анархического соотношения между предприятиями и в плоскости анархического строения общества, как общества *классового*. Другими словами, налицо имеются как «чисто-экономические» противоречия, так и противоречия «социальные». Совершенно очевидно, что первая категория отношений непосредственно влияет на вторую. Разрушение производительных сил и процесс капиталистической централизации чрезвычайно обостряют противоречия между классами, и при определенном сочетании обоих факторов наступает *крах всей системы*, начинающийся с организационно наиболее слабых звеньев этой системы. Это и есть начало коммунистической революции.

ГЛАВА II.

Экономика, государственная власть и война.

1. Война и государство. 2. Теория государства. 3. Экономика, государственная власть, война в их взаимозависимости. 4. Классификация войн. Империалистские войны. Социалистические войны. 5. Классовая война и война гражданская.

Война 1914—1918 гг. поставила в упор вопрос о государственной власти. Если раньше, в довоенную эпоху, даже в марксистском лагере процветали взгляды, довольно густо окрашенные в манчестерские тона, то с того момента, когда империалистское государство выбросило на сцену истории десятки миллионов людей и сразу же обнаружило свое колоссальное значение в качестве *экономического* фактора, анализ государственной власти стал в порядок дня теоретических и практических дискуссий.

Жизнь все в себя всосавшей государственной организации— не жизнь общества, а жизнь *государства*, стала на первый план.

Если старик Гоббс писал в своем «Левиафане»[1]), что нет власти, которая сравнилась бы с властью государства, то его «Левиафан» оказался бы щенком по сравнению с той чудовищной силой, которую обнаружил государственный аппарат финансового капитала.

В классовом обществе война ведется государственной организацией. В капиталистическом обществе противоречивая *экономическая* структура общества приводит, в конце концов, к острому кризису в его политической формулировке. И притом по двум основным направлениям: анархия мирового капитализма, противоречие между общественно-мировым трудом и «национально»-государственным присвоением, выражается в столкновении государственных организаций капитала, в капиталистических *войнах;* с другой стороны, противоречие между классами капиталистического общества, обостренное в невероятной степени развитием первого противоречия, ведет к *революциям.* И здесь и там решается вопрос о данных государственных организациях. *Война* вызывает перегруппировки сил на той же самой основе: тип государственной власти и ее социальное содержание сохраняются. *Революция* изменяет и основу государственной организации, ставя у власти новые классы и вызывая к жизни новый тип государственного бытия.

Вопросы о войне и о государственной власти являются поэтому самыми острыми вопросами нашей эпохи, которые требуют своего разрешения. Здесь мы ставим их прежде всего чисто теоретически.

Марксизм рассматривает все общественные явления в их связи и взаимозависимости, при чем каждый ряд этих явлений представляется звеном в цепи причин, сохраняющих, развивающих или, наоборот, разрушающих определенный тип производственных отношений, определенную «экономическую структуру» общества. С этой точки зрения нужно рассматривать и войну, и государственную власть[2]).

---

[1]) *Th. Hobbes:* The moral and political works. London MDCCL: «Non est potestas super terram quae comparetur ei» (Job. 4124).

[2]) *Маркс* придавал войне крупнейшее экономическое значение. См. его «Einleitung zu einer Kritik der pol. Oekonomie».

Совершенно извращенную картину дает *Sombart* в своей книжке «Krieg und Kapitalismus», изд. Duncker und Humblot. Его критику можно найти у *Каутского*: «Krieg und Kapitalismus», «Neue Zeit», 1913, II B., № 39.

Всякое классовое общество есть механизм, производящий прибавочный продукт, поступающий в распоряжение одной части этого общества. Этот прибавочный продукт может принимать форму ценности (напр., капиталистическое хозяйство) или оставаться просто продуктом (рабовладельческое хозяйство). В том и в другом случае, однако, мы имеем процесс эксплоатации. Поставим теперь самый общий вопрос: как возможен этот процесс эксплоатации? Как возможно существование такой системы, которая таит в себе колоссальное внутреннее противоречие? Каким образом общество, по существу дела состоящее из *двух* обществ (классов), может представлять собой относительное единство? Иначе сказать: как возможно сохранение относительного социального равновесия, устойчивости социальной системы, покоющейся на расколе общественного целого?

Ответ ясен. Если такая система существует, то должно существовать нечто, что является добавочным фактором, *скрепляющим* расколотое общество, подавляющим (в «грубо» физическом и «тонко» идеологическом смысле) сопротивление угнетенных классов. Словом, для сохранения этой системы необходима *организация*, управляющая не только вещами, а главным образом—*людьми*. Такой организацией и является *государство*.

Однако, не следует думать, что государство есть нечто, стоящее *над* обществом и *над* классами. Никаких надклассовых элементов в обществе не существует. С другой стороны, как мы видели выше, основная функция государства заключается в сохранении, упрочении и расширении процесса эксплоатации—поскольку речь идет о господстве меньшинства. Отсюда ясно, что государственная организация может быть только и *исключительно* организацией *господствующего класса*, или, как писал еще Энгельс, «государство есть организация владеющих классов для обороны против классов, не имеющих собственности» [1]).

Это обстоятельство нужно особенно подчеркнуть. В самом деле, ведь относительная приспособленность всей социально

[1]) *Fr. Engels:* «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates». 3. Aufl. 1889. s. 138. «La politique n'est qu'une methode de persistance, un instrument de conservation et d'extension de la propriété» (*Achille Loria:* «Les bases économiques de la constitution sociale». 2 éd. Paris. 1903, p. 362).

противоречивой системы теоретически могла бы быть достигнута двумя путями: либо существованием «третьей силы», примиряющей классы, сглаживающей противоречия, способствующей постоянному образованию компромиссов; либо существованием организации одного из лагерей, который всеми средствами—начиная от прямого насилия и кончая сложнейшей идеологической паутиной—обуздывает лагерь своих классовых противников. В действительности имеется второе решение вопроса, то-есть наличность организации господствующих классов. Большинство даже марксистообразных построений выдвигает именно первую, «гармоническую» теорию государственной власти.

В сущности эта «теоретическая» премудрость заключалась уже в кодексе вавилонского царя Гаммураби, где заявлялось, что «целью правителя является обеспечение в стране права уничтожение дурного и злого, дабы сильный не вредил слабому»[1]). Самым «серьезным» аргументом в пользу этой почтенной «теории» является наличность так называемых общеполезных функций государственной власти: постройка железных дорог, больниц, фабричное законодательство, страхование и т. д.

При беспристрастном анализе оказывается, однако, что эти функции государственной власти отнюдь не исключают ее чисто классового характера. Они являются либо необходимым условием для расширения самого процесса эксплоатации (железные дороги), или охраняют другие интересы господствующих классов (санитарные мероприятия), либо являются стратегическими уступками классовому врагу [2]). Здесь происходит то же самое, что и в *любой* организации господствующего класса. Трест или синдикат ставит своею целью повышение прибыли, а не кормление людей и не раздачу им работы. Однако, для этого повышения он должен вести производство и нанимать рабочих, которым он в некоторых случаях (при стачках etc)

---

[1]) Цит. по *Gumplowicz'y*: «Geschichte der Staatstheorien». Innsbruck, 1905. S. 8. См. также: *Loening* «Der Staat» в Handw. d. Staatsw.; *Wygodzinsky:* «Staat und Wirtschaft». Handbuch der Politik; *Jarusalem:* «Der Krieg im Zichte per gesellschaftslehre», I, 61.

[2]) Для тех, кто знакомился с литературой, посвященной вопросам народонаселения в связи с криками «о вырождении нации», очевидно, что целый ряд мер, предупреждающих «вырождение», прямо обусловлен желанием иметь соответствующее количество доброкачественного пушечного мяса.

уступает, ни на минуту не переставая быть предпринимательской, как выражаются немецкие рабочие, «шарфмахерской» организацией. «Общеполезные» функции здесь—не что иное, как *необходимое условие процесса эксплоатации.*

И с точки зрения объективной роли, и с точки зрения субъективно-коллективной цели, которую ставит себе государство, как организация людей, «творящих свою собственную историю», социальная функция этого государства (а, следовательно, и его «сущность») состоит в охране, упрочении и развитии тех *производственных отношений*, которые соответствуют интересам господствующего класса.

Самой характерной чертой государственной организации господствующего класса, которая отличает эту организацию от других организаций того же класса, является ее всеобщность. Государственная организация есть самая широкая организация класса, где концентрируется вся его сила, где сосредоточены орудия механического давления и репрессии[1]), где господствующий класс организован именно как *класс*, а не как частичка или маленькая группка класса. Именно поэтому всякое «экономическое» выступление, поскольку оно охватывает целый класс, неизбежно принимает «политический» характер: здесь удары не против отдельной группы, а против класса в его целом и, следовательно, против его государственной власти.

Государство есть определенная людская организация. Оно выражает, таким образом, не техническое отношение людей к природе, а *социальное* отношение людей друг к другу, одних людей к другим. Было бы совершенно неправильно искать «сущность» государства в его технически-организационных определениях, например, в том, что это есть централизованный аппарат. Ибо абстрактное понятие централизации может предполагать диаметрально-противоположные типы социальных отношений, а именно в типе этих последних и лежит суть дела. «Негр есть негр, человек черной расы. Но только при определенных условиях он становится рабом». Средства производства суть всегда средства производства. Это—техническое понятие. Но

---

[1]) Ср. *Hans Dellbrück*: «Regierung und Volkswille», s. 133. «Где в конце концов заключается действительная сила? Она—в оружии. Решающий для внутреннего характера государства вопрос есть поэтому всегда вопрос о том, кому принадлежит армия». Ср. с этим наивные пророчества *Spencer'a*: «Man versus the State».

только при определенных условиях эти средства производства становятся капиталом: это тогда, когда в них начинает овеществляться известное социальное соотношение, соотношение совершенно особого типа, которое и составляет так называемую «сущность» капитала: «капитал не есть вещь, а общественное отношение» (Маркс).

Для Маркса все социальные явления историчны, и именно в их исторической определенности Маркс и ищет их конститутивный признак. Нет ничего удивительного поэтому в том, что государство является с точки зрения марксизма насквозь исторической категорией, а именно—категорией классового общества. Не то «существенно» в государстве, что оно централизованный аппарат, а то, что этот централизованный аппарат воплощает в себе определенное отношение между классами, а именно—отношение господства, власти, порабощения и угнетения, аппарат, который *исчезнет* вместе с исчезновением классов и последней формой классового господства—диктатурой пролетариата [1]).

---

[1]) Эту точку зрения социал-демократия совершенно извратила. Автор настоящей работы еще в начале войны усиленно выдвигал ее в ряде газетных и журнальных статей: в голландской «De Tribune» (статья «De Nieuwe Lyfeigenschap», 25 november 1916 и сл.), в органе норвежских левых «Klassenkampen, в бременском журнале «Arbeiterpolitik»; наконец, в журнале «Jugendinternationale» (Швейцария), равно как и в полемических статьях в нью-йоркской газете «Новый Мир». Из работ классиков марксизма см. *Engels*: Ursprung etc.; *он же*: «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissesnchaft»; *он же*: Dell'autorità» («Neue Zeit», 32. I); *Marx*: «Kritische Randglossen etc. Nachlass, B. II, s. 50; *Marx*: «Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie» и т. д. Прекрасное освещение вопроса с подбором соответствующих цитат из Маркса-Энгельса читатель найдет в книжке товарища *Ленина*: «Государство и Революция». Подобно социал-демократам, не поняли коммунистического учения Маркса и буржуазные профессора. Так, *Ad. Wagner*, напр., пишет («Staat in nationalökonomischer Hinsicht». Handw. d. Staatsw.), что социалистическое «государство» имеет все признаки государства «в высочайшей степени» (in höchster Potenz), ибо классовый характер современного государства есть лишь продукт «злоупотреблений» (совсем как у Бем-Баверка, по которому ростовщичество есть «злоупотребление», а прибыль останется и в социалистическом государстве, где она будет произрастать на деревьях). *Iellinek* («Allgemeine Staatslehre» точно так же «понимает» Маркса, как и *Вагнер*. Только он приходит в священный ужас от «Machttheorie» и заявляет, что «практические ее последствия состоят не в упрочении, а в разрушении государства»(175)»

Наиболее близко к истине стоят из буржуазных исследователей Гумплович и Оппенгеймер, находящиеся под сильным влиянием Дюринга. Оппенгеймер определяет «историческое государство» следующим образом:

По форме,—пишет он,—государство есть правовая институция, навязанная победоносной группой группе побежденной. Его содержанием является планомерная хозяйственная эксплоатация («Bewirtschaftung») подчиненной группы»[1]. Оставляя здесь вопрос о завоевании и о происхождении самих классов исключительно из факта «внеэкономического давления»[2], мы должны признать формулировку Оппенгеймера относительно «Bewirtschaftung» правильной по существу (что не мешает сему автору в других его работах умиляться и расточать комплименты «неклассовому» прусскому чиновнику).

Из вышеприведенного анализа государственной власти ясно виден ее характер, как «надстройки» над экономическим базисом. Как и всякая «надстройка», она не есть простой стеклянный колпак, покрывающий экономическую жизнь, а активная сила, действующая организация, всемерно укрепляющая тот производственный базис, на котором она возникла.

Теперь нам необходимо поставить другой вопрос, вопрос о *войне*. И к этому вопросу нужно подойти с той же самой точки зрения, с какой мы подходили к вопросу о государственной власти. Какое место занимает война в потоке общественной жизни? И так как общественная жизнь есть прежде всего процесс воспроизводства и смены общественных производственных отношений, то какую роль играет война именно здесь?

Теперь уже нетрудно ответить на этот вопрос. Войну ведь ведут не «народы» и не «нации»: ее ведут *государства*, использующие живую силу «народов» на полях сражения точно так же, как они используют ее на фабриках, заводах или рудниках.

и что эта теория «прокладывает дорогу перманентной революции». См. также *Gumplowicz*: «Geschichte der Staatstheorien», SS. 373 ff.

[1]) *F. Oppenheimer*: «Staat und Gesellschaft». Handb. d. Politik, s. 117. См. также *Oppenheimer*: «Der Staat»., *он же* «Theorie der reinen und politischen Oekonomie». 2 Aufl. 1911.

[2]) Об этом см. *Engels*: «Anti-Dühring»; *Schmoller*: «Das Wesen der Arbeitsteilung und Klassenbildung» (полемика против Гумпловича на стр. 72). Против этой теории в особенности нужно выдвинуть развитие в Соед.Штатах, хотя не нужно недооценивать сев.-американского феодализма. См. *Gustavus Mayers*: «The history of greats american fortunes».

Армия—то самое орудие, которое пускается в ход, когда начинается война, есть самая существенная часть государственного аппарата. Заметим здесь мимоходом, что все общественное здание отличается своеобразным монизмом своей архитектуры: все его части имеют один и тот же «стиль». Подобно тому, как в производственных отношениях люди расположены в определенном иерархическом порядке, при чем этот порядок соответствует классовым группировкам, подобно этому и в государственном аппарате вообще и в армии—в частности отражается эта социальная иерархия.

Но если война есть функция государства, есть государственная власть in actu и если, с другой стороны, само государство, как аппарат, есть средство укрепления и расширения определенных производственных отношений, то ясно, что война и производит в первую голову эту «работу». В борьбе государств выражается борьба определенных производственных базисов, персонифицированных в господствующем классе этих государств. Каждая производственная структура имеет адэкватный тип государственной власти, а следовательно—и *адэкватный тип войны*. Здесь нас интересует не технически-организационная сторона военного дела (хотя и она определяется общими техническими и экономическими условиями). Здесь нас интересует социальное значение этого явления. Чтобы ответить на вопрос о «сущности» войны, нужно поставить этот вопрос так же исторически, как и вопрос о государстве. Тогда мы будем иметь и схожий ответ, а именно, что война, с социологической точки зрения, *есть средство воспроизводства тех производственных отношений, на основе которых она возникает*.

Государство есть «внеэкономический фактор». Тем не менее оно имеет колоссальное экономическое значение. Точно так же и война, как функция государственной власти, будучи фактором «внеэкономическим», является одним из сильнейших рычагов экономического процесса [1]).

При дальнейшем теоретическом анализе приходится дета-

[1]) В указанной уже работе (Krieg und Kapitalismus) *Вернер Зомбарт* дает изображение влияния войн на самое появление капитализма. Однако, метод Зомбарта, заставляющего капитализм рождаться по очереди от разных мамаш (то от войны, то от роскоши и любви—см. его книгу «Luxus und Kapitalismus»), в зависимости от прихоти почтенного профессора, неизбежно влечет за собой ужасные преувеличения.

лизировать вопрос. Ведь, общественный процесс не есть только расширение определенной производственной структуры. Он есть, кроме того, процесс *смены* одних форм, одних «способов производства», «экономических структур» другими. Но смена «базисов» сопровождается и необходимой сменой их государственной скорлупы. Новые производственные отношения взрывают старую политическую оболочку.

Каждый фазис исторического развития и каждый тип производственных отношений имеет, однако, и свою специфическую закономерность. Чтобы теоретически понять какую-нибудь эпоху, как раз нужно взять ее в ее особенностях, анализировать те ее признаки, которые делают из этой эпохи именно эпоху, т.-е. создают особый тип отношений, производственных отношений прежде всего. Но если мы будем вскрывать законы общественного развития, пользуясь таким методом, то совершенно ясно, что, в силу связности всех проявлений общественной жизни, точно так же мы должны рассматривать и войны.

Вышесказанным дана основа для *классификации войн*. Это— та же основа, что и для классификации государств. Каждый производственный тип имеет и соответствующий тип государства, а каждому типу государства соответствует совершенно определенный тип войны.

Приведем несколько примеров. Пусть у нас будет рабовладельческое хозяйство. Тогда и государство есть не что иное как государство рабовладельцев, а война этого государства есть не что иное, как средство расширения рабовладельческого строя, расширения воспроизводства рабовладельческих производственных отношений. Так называемые колониальные войны Испании, Голландии, Франции и проч. были войнами торгово-капиталистических государств; их социальная роль сводилась к расширению торгово-капиталистических производственных отношений, позднее трансформировавшихся в отношения промышленного капитализма. Когда промышленный капитал и его государственные организации повели борьбу за рынки сбыта, войны стали подчинять «отсталый» мир господству промышленного капитала. Наконец, когда капиталистический способ производства надел на себя оболочку финансового капитализма, сейчас же на сцену появился и особый тип государственной власти, разбойничье империалистское государство, с его централизованно-милитаристским аппаратом, а социальная роль войны

стала заключаться в расширении сферы господства финансового капитала, с его трестами и банковыми консорциумами.

Точно так же обстоит дело и тогда, когда войну ведет социалистическая диктаторская власть. Рабочее государство, ведя войну, стремится расширить и укрепить тот хозяйственный базис, на котором оно возникло, то есть социалистические производственные отношения (отсюда, между прочим, ясна принципиальная допустимость даже наступательной революционно-социалистической войны). Социализирующемуся производству соответствует опять таки совсем новый тип государственной власти. Этот тип власти настолько же непохож на все прежние, насколько социалистический способ производства непохож на все прежние способы производства, покоившиеся на частно-хозяйственных отношениях собственности. Поэтому и социальное значение войны, которую ведет рабочая диктатура, принципиально отличается от всех решительно войн предыдущих эпох.

Социалистическая война есть *классовая война*, которую нужно отличать от просто *гражданской войны*. Последняя не есть война в собственном смысле этого слова, ибо она не есть война двух *государственных* организаций. Наоборот, в классовой войне *обе* стороны организованы, как государственная власть: по одну сторону—государство финансового капитала, по другую—государство пролетариата.

Мы взяли все явления в их чистом виде. В действительности дело бывает, конечно, гораздо сложнее. Современное мировое хозяйство представляет собою, несмотря на громадную централизацию капитала, все же довольно пеструю картину. И даже мировая война, на ряду с чисто-империалистскими элементами, имела ряд других, вкрапленных в общий фон. Таков национальный шовинизм мелких наций, становящихся теперь—на историческую секунду—самостоятельными буржуазно-государственными единицами. Однако, не ею, этой, если так можно выразиться, государственной мелкой буржуазией, будут решаться судьбы мира: их решает соотношение между гигантами империализма, а в конечном счете—их решит борьба между гигантами классовой войны.

ГЛАВА III.

Крах капиталистической системы.

1. Война и организация капиталистических производственных отношений (государственный капитализм). 2. Процесс воспроизводства, производительные силы и война. 3. Монистическое строение капиталистического общества и его анархия. 4. Крах капиталистического общества. 5. Коммунизм, как единственный выход. Его историческая необходимость. 6. Производительные силы и издержки революции.

Столкновение различных частей мировой капиталистической системы, которое выражало конфликт между ростом производительных сил этой системы и ее анархической производственной структурой, было, как мы видели, конфликтом государственно-капиталистических трестов. Объективная потребность, которую выдвинула история в порядок дня, есть потребность в организации мирового хозяйства, то-есть превращения *бессубъектной* мировой хозяйственной системы в хозяйствующего *субъекта*, в планомерно действующую организацию, в «телеологическое единство», в *организованную* систему. Эту задачу пытался своими методами решить империализм. Не совсем точно формулирует это H. von Beckerath: «Так как,—говорит он,—свободная конкуренция отказывается служить, как регулятор хозяйственной жизни, то в конце концов раздается крик об организации. Происходит процесс сплочения и ведется общая борьба за индустриальные рынки (industrielle Marktgebiete). Таким образом возникает борьба национально сплоченных хозяйственных масс со все большим политическим характером, которая затем находит свое завершение в гигантском политическом столкновении народов, борющихся за индустриальные рынки сбыта» [1]). Разрешение этой задачи оказалось империализму не

---

[1]) *D-r Herbert von Beckerath:* Zwangskartellierung oder freie Organisation der Industrie. Finanz und Volkswirtschaftliche Zeitfragen, hg. von Schanz und J. Wolf, Heft 49, Stuttgart, 1918, S. 22. Буржуазный приват-доцент, как и полагается старшему дворнику капитализма, конечно, изображает классовое государство под псевдонимом «народа». С другой стороны, он не видит, что не только «рынки сбыта» играют роль, но и рынки сырья, и сферы вложения капитала, т.-е. как раз те области, которые соответствуют трем частям формулы $Д - T \left\{ \begin{matrix} \text{Ср. пр.} \\ \text{раб. сила} \end{matrix} \right. \ldots П \ldots T' - Д'$.

по плечу, и военный кризис привел к кризису всей системы в целом. Но в *узких* пределах отдельных государственно-капиталистических трестов первая стадия войны была стадией внутренней *реорганизации* капиталистических производственных отношений в сторону планомерности и организованности *частичных* систем, борющихся между собой. Нетрудно понять и проследить основные причины этой реорганизации, которая ла в сторону уничтожения внутренней производственной анархии путем огосударствления экономических функций. *Организационно-технически* эта реорганизация была в высокой степени облегчена процессом чрезвычайно быстрого вымирания средних группировок. Война действовала в этом отношении, как гигантский кризис. При уменьшающейся сумме производимой прибавочной ценности, эта последняя сжималась и накоплялась в наиболее сильных (социально, технически и экономически) производственных единицах. Процесс *централизации* капитала чрезвычайно ускорился, и эта ускоренная централизация составляла «отрицательное условие» новой формы капиталистических отношений. *Положительной причиной* огосударствления являлись *потребности войны*, как огромного организованного процесса. Размах этой войны, ее техника, сложность внутренних отношений милитаристского аппарата, колоссальный спрос на продукты индустрии и сельского хозяйства, который сразу обнаружила военная организация, наконец, решающее значение исхода военных операций для командующих классов поставили в порядок дня максимальное преодоление анархии внутри борющихся частичных капиталистических систем. Успехи в войне, при прочих равных условиях, были прямо пропорциональны степени экономической организованности государственно-капиталистических трестов. Вышеупомянутые причины весьма обострялись *недостатком ряда продуктов*, в особенности сырья, недостатком, который стал обнаруживаться тотчас после разрыва интернациональных связей и который все увеличивался по мере всеобщего истощения и обеднения[1]). Понятно, что этот недостаток требовал наиболее

---

[1]) Это в особенности резко подчеркивает *Arthur Feiler*, редактор Frankfurter Zeitung, в своей книжке «Vor der Uebergangswirtschaft», Verl. Frankf. Zeitung, 1918. См. в особенности главу «Kriegssozialismus und Wirtschaftsfreiheit», ss 33 u. ff; его формула гласит: «Wir haben den Mangel organisiert». Гораздо шире ставит вопрос *Emil Lederer* (Der

экономного, а, следовательно, рационализированного, организованного распределения. А так как процесс распределения есть одна из фаз общего процесса воспроизводства, то само собой разумеется, что организация распределения точно так же приводила неминуемо к большей или меньшей организации процесса производства. Нетрудно понять, что класс капиталистов в целом (а динамически это—представители финансового капитала) чрезвычайно *выигрывал* от этой централизации. Только совсем наивные люди видели в этом нарушение прав священной собственности. На самом деле здесь не было даже запаха какой бы то ни было «экспроприации экспроприаторов», ибо все централизовалось в руках *финансово-капиталистической* государственной организации, а не какой-то «третьей» силы. Оппозиция шла лишь, главным образом, из кругов *отсталых* слоев буржуазии, в первую голову представителей торгового капитала и торговой спекуляции. Организация производства и распределения по сути дела исключает торговлю вообще и торговую спекуляцию в частности; следовательно, она выключает торговую прибыль и спекулятивный «дифференциальный барыш» [1]). Поскольку эта организация производства и распределения действительно проводится, она нарушает «священные права» именно этих категорий. Но было бы смешно думать, что этим нарушаются «права» капиталистического класса в целом. Здесь происходит лишь перераспределение прибавочной ценности в сторону финансово-капиталистических групп, превращение торговой прибыли в дивиденд или проценты, выплачиваемые *государственным банком.* Следовательно здесь не происходит уничтожения прибавочной ценности, а происходит лишь изменение *формы* части этой прибавочной ценности. Именно в *этом* состоит сущность государственно-капиталистической

Wirtschaftsprozess im Kriege): «Früher war der Kriegökonomisch ein Problem der Staatsfinanzen. Heute aber ist der Staat omnipotent. Daher erscheint seine Action nach aussen hin nicht in Form der Unternehmung, sie ist nicht mehr ein finanzwirtschaftliches, nicht mehr ein Geldproblem, sondern es wird die Naturalsubstanz der ganzen Volkswirtschaft für den Krieg mobilisiert» (362).

[1]) См. *Р. Гильфердинг:* «Финансовый капитал», гл. IX: Товарная биржа (стр. 215 и сл. русского перевода т. Степанова, изд. «Книга» 1918 г.); «Die Kriegswirtschaft aber schliesst die Börse und damit hört ihre ganze Problematik auf» (*E. Lederer*: Der Wirtschaftsprozess im Kriege).

организации, поскольку речь идет о категориях дохода и распределении прибавочной ценности. Что касается уменьшения доли прибавочной ценности и переуступки ее рабочим, как страховки от революции, то это вещь второстепенная и существенной роли не играет[1]). Математическим пределом данной тенденции является превращение всего «народного хозяйства» в абсолютно сплоченный *комбинированный трест*, где все отдельные «предприятия» перестали быть предприятиями, а превратились лишь в отдельные мастерские, в *отделения* этого треста, где, следовательно, *общественное* разделение труда превратилось в его *техническое* разделение, и где все хозяйство стало абсолютно единым предприятием *соответствующей группы мировой буржуазии*.

Общим организационным принципом этой формы капитализма было соподчинение всех экономических организаций (и не только экономических) буржуазии, ее *государству*. Понятно, почему. В самом деле, пусть перед нами будет целый ряд буржуазных организаций: государство, синдикаты, картели и тресты; предпринимательские союзы; кооперативы; банковые консорциумы; научные общества, организованная буржуазная журналистика и сотни других организаций. Теоретически вполне ясно, что максимальная устойчивость всей системы будет при соединении, связи, соподчинении всех этих организаций. Какой же организации нужно быть наверху? Опять-таки ясно: самой крупной, самой могущественной, всеохватывающей. Такой организацией, как раз, и является государственная власть. Государственная организация буржуазии концентрирует всю мощь этого класса. Следовательно, как раз ей должны быть соподчинены остальные организации—экономические в первую голову, а

---

[1]) В своей статье «Дезорганизационные и организационные процессы в эпоху переходного хозяйства» («Народное Хозяйство», № 6, 1919 г. т. **М. Смит** различает «обмен, построенный на капиталообразующей функции денег» (Д—Т—Д′) и обмен «в целях обмена одного товара на другой», при чем государственно-капиталистическое распределение есть якобы переход от первого ко второму. Это—невероятная путаница. Во-первых, никакой «капиталообразующей функции» деньги никогда и нигде не имели и не имеют. Во-вторых, никакого перехода к простому товарному хозяйству (формула Д—Т—Д) в госуд.-капиталистическом обществе нет. Есть тенденция к уничтожению внутри страны товарного хозяйства, и видоизменению формы прибавочной ценности. Но это вопрос совсем другого порядка.

затем и всякие другие. Все они «милитаризуются». Все они превращаются в отделения, в департаменты, единой, *универсальной* организации. Только при таких условиях вся система получает максимально устойчивый характер. Так возникает новый тип государственной власти, классический тип *империалистского государства*, опирающегося на *государственно-капиталистические* производственные отношения. Здесь «экономика» организационно сливается с «политикой», экономическая мощь буржуазии непосредственно соединяется с ее политической мощью, государство перестает быть простым охранителем процесса эксплоатации и становится непосредственным коллективно-капиталистическим эксплоататором, открыто противостоящим пролетариату [1]). Развитие государственной власти обнаруживает здесь свою диалектическую природу: государственная власть возникла, как первоначальная и единая форма организации господствующего класса; она стала затем одной из многих организаций буржуазии; наконец, она вновь стала по существу единой организацией, *всосав в себя все остальные* [2]).

Государственно-капиталистические производственные отношения логически и исторически суть продолжение финансово-капиталистических отношений, являясь их завершением. Немудрено поэтому, что исходным пунктом их развития были те организационные формы, которые были даны финансовым капиталом, т.-е. синдикаты, тресты и банки. Место трестов, как частных монополистических организаций, объединяющих

---

[1]) О государственном капитализме, кроме выше цитированных, смотри сл. работы: *F. Pinner*: Die Konjunktur des wirtschaftlichen Sozialismus. Die Bank. 1915. April; *Prof. Jaffé*: Die «Militarisierung unseres Wirtschaftslebens» в Archiv'е für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1915, 40. B., 3. Heft; *V. ves Guyot*: Les problèmes economiques après la guerre. Journal des économistes от 15 авг. 1915 г. Prof. *Karl Ballod*: Einiges aus der Utopienliteratur der letzten Jahre. Archiv für die Geschichte des Sozialismus, hg. von Grünberg. VI Jahrg. I Heft. *Walther von Rathenaus* Die neue Wirtschaft. *W. v. Rathenau*. Der neue Staat. *G. von Bernhard*: Uebergangswirtschaft. Berlin 1918. Monopolfrage und Arbeiterklasse (сборник статей правых с.-д.). Из русских работ можно указать статьи и брошюры тов. *Ларина* (*М. Лурье*), в особенности относительно организации немецкой промышленности. См. также *Н. Осинский*: Строительство социализма (первые главы).

[2]) Понятно, что так обстоит дело в «чистом типе» государственного капитализма, который реально проявляется лишь как тенденция.

производство не только коммерчески, но и технически, занимает *государственная монополия*. Трестообразные синдикаты и картели заменяются точно так же ими. Централизационный процесс ускоряется давлением государственной власти: возникают так называемые *принудительные синдикаты и картели* (Zwangssyndikate, Zwangskartellel). Переходным типом являются *смешанные предприятия*, где государство является совладельцем синдиката, крупным пайщиком акционерной компании и т. д., где форма финансово-капиталистической связи между государством и частным предпринимательством проявляется в виде так называемого «участия» («Beteiligung», «Participation»). Эти наиболее важные—в смысле реорганизации производственных отношений—формы являются далеко не единственными: сюда относится и ряд менее существенных изменений: государственное регулирование и контроль над производственным процессом (обязательное производство, его нормировка, регулирование методов выработки, регламентация внутреннего технически-производственного уклада вообще); регулирование распределения (обязательные поставки и обязательный прием; организация государственного снабжения, государственные склады, таксация цен, «карточная» система и т. д. и т. п.) [1]). Особую и притом чрезвычайно крупную организационную роль играют банки. Они вносят вклады в *государственный банк*, государственный банк, с своей стороны, централизует огромные суммы (достаточно сказать об одних только военных займах) и вкладывает их в военную промышленность. Так как вклады представляют в значительной степени периодически высвобождающийся капитал, то их организованное «размещение» государственным банком означает фактическое подчинение промышленности государственному банку и трансформацию предпринимательской прибыли в проценты, выплачиваемые этим банком. Следовательно, и этим путем капиталистические производственные отношения превращаются в государственно-капиталистические, а различные виды капиталистического дохода нивеллируются, превращаясь в своеобразный «дивиденд», выплачиваемый единым коллективно-

---

[1]) О Германии, см. сводки *Johann'a Müller'a:* Nationalökonomische Gesetzgobung. Jahrb. für. N.-Oek. u. Staat. 1915 О Франции, см. *Ch. Gide:* The Provisioning of France and mesaures to that end(The Economic Journal march 1916) и сводки в английском «*The Economist*» (там же об Англии).

капиталистическим предприятием, единой акционерной компанией, трестом, каковым является империалистское государство [1]).

Типы организационной связи в их конкретной формулировке здесь различны; они отличаются своим функциональным характером: здесь перед нами имеется и *планомерная организация*, когда создаются новые устойчивые производственно-технические единицы (примером этого могут служить принудительные тресты, централизующие ряд прежних производственных объединений, государственные монополии и т. д.); здесь имеется и простое «*регулирование*» (например, принудительная Absatz- und Einnahme-Pflicht); наконец, здесь есть и еще более низкий элемент организующего процесса—*нормировка* [2]): примером последней может служить таксация цен. Но было бы ошибкой не видеть, что общая тенденция «государственно-капиталистического» развития, которая ускоряет тенденцию финансового капитализма, идет в сторону *высших* типов организации, которые создают устойчивую *производственно-техническую* группировку. Организационный процесс может *начинаться* вовсе не с производственно-технической стороны; субъективной целью его носителей может быть вовсе не организация, а, скажем, чистый *коммерческий* расчет; и тем не менее объективным конечным результатом может быть создание новых производственно-технических комплексов. Такое явление наблюдалось в эпоху финансового капитализма с величайшей наглядностью: синдикаты возникали, как *коммерческие* объединения, оперировавшие на рынке; но тем не менее дальнейшее развитие привело к созданию трестообразных картелей, а затем и настоящих трестов, то-есть объединений не только коммерческих, но и производственно-технических. Или—другой пример. Проникновение банкового капитала в промышленность вело к консолидации предприятий (созданию «фузий», комбинированных трестов и т. д.). Следовательно, в этих случаях организующие процессы идут из сферы обращения в сферу производства: это происходит потому, что процесс обращения есть составная часть общего «процесса в

[1]) О юридических нормах и формах госуд.-капит. отношений, см. *Prof. Hatschek:* Die Rechtstechnik des Kriegssozialismus (Deutsche Revue, Iuni, 1916).

[2]) Термины взяты в том значении, в котором они употребляются тов. *А. Богдановым.* См. его статью о тенденциях пролетарской культуры в «Пролетарской Культуре», а также «Всеобщую организационную науку».

целом», процесса воспроизводства, который имеет «принудительную закономерность» для всех своих частей и фаз [1]).

Итак, *реорганизация производственных отношений финансового капитализма шла по пути к универсальной государственно-капиталистической организации, с уничтожением товарного рынка, с превращением денег в счетную единицу, с организованным в государственном масштабе производством, с подчинением всего «народно-хозяйственного» механизма целям мировой конкуренции, т.-е., в первую голову, войны.*

В вышеприведенном анализе мы рассматривали организационные формы, путем которых капиталистическая структура отдельных стран приспособлялась к новым условиям существования всего мирового капитализма в целом. Но мы рассматривали все изменения под углом зрения преодоления *производственной* анархии. Теперь нужно сказать несколько слов о *социальной* анархии. Ведь, совокупность производственных отношений обнимает собою не только отношения между людьми, организованными по *предприятиям*; существует и другой разрез этих производственных отношений, поскольку мы говорим об отношениях между *классами*. Следовательно, и по этой линии должна была произойти реорганизация отношений, ибо иначе вся система оказалась бы в высшей степени непрочной и недолговечной. Потребности войны и здесь сыграли колосссальную роль: ибо мобилизация пролетариев и мобилизация их умов для и ради войны были такой же необходимой предпосылкой ведения империалистской войны, как и мобилизация материального производства.

Процесс преодоления производственной анархии отправным своим пунктом имел элементы организации, выработанные уже финансовым капитализмом. Точно так же и процесс *социальной*

---

1) Т. *А. Богданов* предпочитает видеть во всем организационном процессе во время войны одни лишь «карточки», т.-е. один лишь процесс нормировки, возникший на почве регресса производительных сил. На самом же деле, процесс нормировки неизмеримо глубже по своему значению. Регресс производительных сил вовсе не исключает здесь прогресса организационных форм капитализма. Так бывало и в «нормальное время», а именно во время кризисов, когда временный регресс производительных сил сопровождался ускоренной централизацией производства и возникновением капиталистических организаций. Такую—mutatis mutandis—ошибку делал и *Энгельс*, когда говорил о синдикатах и трестах. Этой ошибки не нужно повторять теперь.

реорганизации должен был опираться на те факторы, которые были созданы предшествующим развитием. *Организационные материальные* формы были даны в *рабочих организациях:* профессиональных союзах, социалистических партиях и отчасти в кооперативах, со всеми их добавочными и вспомогательными аппаратами. *Идеологические формы* заключались в своеобразной психологии *рабочего патриотизма*, представлявшего отчасти трансформацию остатков старой мелкобуржуазной психологии, отчасти же являвшегося продуктом относительной и временной заинтересованности рабочего класса в империалистской политике. Наконец, *метод* реорганизации был тот же самый метод *соподчинения всеохватывающему буржуазному государству.* Предательство социалистических партий и профессиональных союзов как раз и выражалось в том, что они пошли на службу буржуазному государству, что они этим *империалистским* государством были по существу дела огосударствлены, что они превратились в «рабочие департаменты» милитаристской машины. *Огосударствление этих организаций* имело своим идеологическим эквивалентом своеобразное *буржуазное огосударствление пролетарской психологии:* это выразилось в широком распространении и признании даже пролетарскими кругами теории так называемого «гражданского мира». Конечно, на ряду с этими методами продолжали развиваться и методы непосредственного механического давления и подавления, методы *прямой репрессии.*

Такими путями достигалась максимально-возможная устойчивость частичных капиталистических систем в тех условиях, в которые ставила их великая империалистская война, т.-е. в условиях страшного нарушения равновесия во всей *мировой* системе капиталистического общества.

Чтобы наш анализ коснулся всех основных тенденций к организации капиталистической системы, нам следует упомянуть также о *синдикатах государственно-капиталистических трестов*, о своеобразных синдикатах «второго порядка», которые своими составными частями имеют государственно-капиталистические тресты. Таковы государственные «коалиции», такова «Лига Наций». Предпосылки для этих организаций были созданы финансово-капиталистическими связями, общей суммой взаимного «участия». Война усилила процесс этого непрочного синдицирования «государственно-капиталистических трестов»; обще-

союзнические» рабочие конференции были, между прочим, проявлением той же тенденции. Здесь тенденции к организации выступают за пределы отдельного государства. Следовательно, в этих попытках капиталистического мира организующий процесс нашел свое высшее выражение.

Все эти процессы шли в условиях *колоссального истребления производительных сил*. Структурная реорганизация сопровождалась регрессом производительных сил. Отсюда, в конечном счете, и получился неизбежный крах всей системы. Следовательно, перед нами стоит задача проследить основные влияния разрушительного процесса.

Под производительными силами общества мы будем разуметь *совокупность средств производства и рабочих сил*. Таким образом, это будет совокупность машин разного рода, сырья, топлива и т. д. in natura—с одной стороны, совокупность разного рода рабочих сил in natura—с другой (рабочие силы металлистов, техников, текстильщиков и т. д., т.-е. рабочие силы разного конкретного характера и разной квалификации [1]). Развитие производительных сил есть основа человеческого развития вообще, и поэтому именно с этой точки зрения необходимо рассматривать каждый факт общественной жизни. Точка зрения

---

1) Нельзя брать, как это делает *Маслов* (Аграрный вопрос, т. I; Теория развития народного хозяйства и др. работы) в своем определении производительных сил, за одну скобку средства производства и живой труд, т.-е. «складывать» статическую величину и процесс. Не труд адэкватен средствам производства, а именно рабочая сила. О произв. силах у *Маркса* см. «Капитал», «Нищету философии» и т. д. См. также: «Production» в *Nouveau Dictionnaire d'Econ. Polit. par Lèon Say*: «puissance productive... l'ensemble de ces éléments (de la production) envisagés comme des forces»); *Kleinwächter:* Die volkswirtschaftliche Production im Allgemeinen в Schönbergs Handbuch'e. *B. Harms:* Arbeit в Handwort. der Staatswissenschaften; *Lexis:* Production—там же; *Lexis*: Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 1910; *Watkins* Third Factor in Variaton of Productivity в The American Economic Review, Dec. 1915 (Vol. V, № 4); *F. Oppenheimer* Theorie der reinen und polit. Oekonomie, §. «Die Produktiven Kräfte» (ss. 138—139 и след.); *R. Hilferding:* Eine neue Untersuchung über die Arbeitsmittel. Отчетливые формулировки имеются у *Rodbertus'a:* Zur Beleuchtung der sozialen Frage, Teil I, 2. Auflage, hg von Moritz Wirth. Berlin 1890. («Produktivkraft und Produktivität sind wohl zu unterscheiden. Produktivität bedeutet die Wirksamkeit oder Fruchtbarkeit der Produktivkraft; другими словами, P. берет производительные силы in natura) см. также *Листа* D. nationale System d. P. Oek.

развития производительных сил совпадает с точкой зрения *воспроизводства:* развитие производительных сил соответствует расширенному воспроизводству, стационарное состояние их соответствует простому воспроизводству, падение их находит свое выражение в том, что воспроизводится все меньшая часть периодически потребляемых продуктов. В последнем случае перед нами—общественный регресс.

Точка зрения *воспроизводства* обязательна, в сущности, во всяком экономическом исследовании. Но она *вдвойне обязательна* для экономиста, изучающего «критические» эпохи и переходные фазы развития. В самом деле: в так называемое «нормальное» время периодическое повторение производственных циклов заранее дано. Правда, и здесь—в особенности для капиталистического общества—возникают специфические проблемы, но в общем и целом предполагается более или менее «гладкий» ход дел. Наоборот, «критические» эпохи ставят под сомнение каждый следующий цикл производства. Следовательно, здесь точка зрения воспроизводства есть *единственно* методологически правильная точка зрения. Ибо она как раз и анализирует условия *повторяемости* производственных циклов, то-есть условия *динамического* равновесия общественной системы. «Воспроизводство,—если брать это выражение буквально,—есть просто-напросто новое производство, повторение, возобновление производственного процесса, и на первый взгляд может показаться не ясным, чем же в сущности понятие воспроизводства отличается от общепонятного обозначения «производства» и к чему нужно новое странное выражение для этого. Однако, как раз в *повторении*, в постоянном *возвращении* производственного процесса и лежит важный an sich момент.» [1]) Это «в сущности» прекрасно понимали еще физиократы, но это весьма основательно позабыли «ученые» ливрейные лакеи империализма. Вот почему война в своей первоначальной фазе породила по-

---

[1]) «Reproduktion ist wörtlich genommen einfach Wiederproduktion, Wiederholung, Erneuerung. des Produktionsprozesses, und es mag auf den ersten Blick nicht abzusehen sein worin sich der Begriff der Reproduktion von dem allgemeinverständlichen der Produktion eigentlich unterscheiden und wozu hierfür ein neuer befremdender Ausdruck nötig sein soll. Allein gerade in der Wiederholung, in der ständigen Wiederkehr des Produktionsprozesses liegt ein wichtiges Moment für sich» (*R. Luxemburg:* Die Akkumulation des Kapitals, S. I.)

истине чудовищные теоретические построения, которые из факта военных прибылей, «процветания» военной индустрии, повышения курса акций металлургических, химических и проч. заводов делали вывод о *благотворном* (!) влиянии войны на «народнохозяйственную» жизнь.

Рассмотрим *реальный* процесс воспроизводства, поскольку вся экономика стоит под знаком войны, т.-е. поскольку нашло себе место *перераспределение производительных сил в сторону военной индустрии* и работы на армию вообще. Обычно обозначают труд, затрачиваемый на военные надобности, как непроизводительный с экономической точки зрения. Что это значит? Нетрудно видеть его совершенно специфическое значение, поскольку мы анализируем его влияние на *условия воспроизводства*. В «нормальном» процессе производства создаются средства производства и средства потребления. Это две крупнейших отрасли всего общественного хозяйства. Совершенно ясно, что средства производства входят каждый раз в систему общественного труда. Их производство есть условие воспроизводства. Точно так же обстоит дело в общем и целом с производством средств потребления. Эти средства потребления вовсе не исчезают бесследно для дальнейших циклов производственного процесса. Ибо процесс потребления есть в *основном* своеобразный процесс *производства рабочей силы*. А рабочая сила есть точно так же необходимое условие процесса воспроизводства. Следовательно, и производство средств потребления и производство средств производства выпускают продукты, которые являются необходимыми условиями процесса воспроизводства, без которых последний не может найти себе места. Совершенно иное значение имеет военное производство: пушка не трансформируется в элемент нового производственного цикла; порох расстреливается в воздух и отнюдь не появляется в иной вещественной оболочке в следующем цикле. Наоборот. Хозяйственный эффект этих элементов in actu есть чисто отрицательная величина. Но не следует думать, что хозяйственное значение обязательно связано здесь с определенным видом *потребительной* ценности и с вещественной формой продукта. Мы можем взять *средства потребления*, которыми снабжается армия. И здесь мы будем наблюдать то же самое. Средства потребления не создают здесь *рабочих сил*, ибо солдаты не появляются в производственном процессе: они из него извлечены, они поставлены *вне* процесса

производства. Поэтому, поскольку продолжается война, постольку средства потребления в значительной части служат не средством производства *рабочей* силы, а средством производства специфической «солдатской силы», которая не играет никакой роли в процессе производства. Следовательно, вместе с войной процесс воспроизводства принимает «извращенный», регрессивный, *отрицательный* характер: а именно, при каждом последующем производственном цикле реальный производственный базис становится все тоньше и тоньше: «развитие» идет не по расширяющейся, а по постоянно суживающейся спирали.

Здесь следует отметить еще одно важное обстоятельство. Армия, которая предъявляет колоссальный спрос, т.-е. требует своего содержания, никакого трудового эквивалента не дает. Следовательно, она не только не производит, но и *отнимает*; другими словами, здесь получается *двойной* вычет из «фонда воспроизводства». Это обстояельство является самым важным разрушительным фактором. Кроме него, необходимо отметить непосредственные военные разрушения (взорванные пути, сгоревшие города и т. д. и т. п.), а также ряд косвенных разрушений (деквалификация рабочей силы и проч.). Таким образом ясно, что реальный базис общественного производства с каждым оборотом общественного капитала суживается. Мы имеем здесь не расширенное воспроизводство и даже не простое воспроизводство; мы имеем здесь все растущее *недопроизводство*. Такой процесс можно обозначить, как *расширенное отрицательное воспроизводство*. Это и есть война, рассматриваемая с экономической точки зрения. *Реально*-проходящий процесс есть, таким образом, расширенное *отрицательное* воспроизводство. От этого процесса следует отличать его капиталистически-бумажное, фетишистски-извращенное выражение. Ибо на смешении этих двух процессов—вещественного и трудового с одной стороны, формального—с другой—и покоится чудовищная теория о положительном влиянии войны. В самом деле, из предыдущего следует, что форма капиталистического дохода имеет тенденцию в государственно капиталистическом строе превращаться в проценты, выплачиваемые по государственным бумагам. Эти последние представляют в значительнейшей степени право на будущие реальные ценности. В то же время они могут быть в обращении и даже могут быть накопляемы в громадном количестве. Но одно дело их наличность, другое дело—объективная возмож-

ность их реализации. Поскольку в процессе войны происходит реализация ценности, как дохода, постольку она может обозначать либо «проедание» постоянного капитала, либо реализацию уменьшающейся суммы прибавочной ценности, при ее перераспределении в сторону крупно-капиталистических групп. Громадное же количество накопляемых бумажных ценностей суть знаки, реализация которых лежит целиком в будущем и зависит, с одной стороны, от условий капиталистического воспроизводства, с другой—от самого существования капиталистической системы. Понятно, что колоссальное наводнение бумажек в их самой разнообразной форме может стать абсолютно несоизмеримым с реально-трудовым процессом, и в условиях *капиталистической* структуры это будет одним из признаков ее краха. Таким образом отрицательное расширенное воспроизводство идет параллельно с накоплением бумажных ценностей.

Из всего вышеприведенного не следует еще ни в коей мере бесполезность «трат» и отрицательная оценка разрушительной стороны процесса с *капиталистической* точки зреняя. Любой капиталистический кризис есть временное разрушение производительных сил. Но его нужно с точки зрения капиталистической системы оценивать, выходя из рамок *нескольких* производственных циклов. Ибо в конечном счете он раздвигает рамки дальнейшего развития капиталистической системы. То же и с войной. Предположим, что мировая война кончилась бы на втором году победой одной из коалиций. Несомненно, что при таком положении дел, после периода разрушения, капиталистический строй имел бы много шансов выпрямиться; «залечив раны», то есть возобновив сношенные и разрушенные части постоянного капитала, капиталистический способ производства получил бы возможность некоторого дальнейшего развития, и притом в высшей, более централизованной форме, чем до сих пор. Следовательно, *то, что с точки зрения непосредственно-«военных» и близких к «военным» производственных циклов представлялось как чистая потеря, с точки зрения общего движения капиталистической системы в её крупном историческом масштабе могло оказаться временным понижением производительных сил, ценой которых покупалось бы дальнейшее, и притом более могучее их развитие.* Другими словами, перед нами был бы один из *кризисов,*—хотя и невиданный по своим размерам и по своей форме,—но отнюдь *не крах* капиталистической системы. Послед-

няя продолжала бы, после временной заминки, свое развитие в более организационно совершенных формах.

Вопрос о *кризисе* или *крахе* зависит от конкретного характера *данного* потрясения капиталистической системы, от его глубины и длительности. Теоретически вполне ясно, что процесс отрицательного расширенного воспроизводства может все же продолжаться лишь до известного предела, за которым начинается разложение и распад всей организации. К анализу этого вопроса мы и переходим.

Процесс воспроизводства есть не только процесс воспроизводства материальных элементов производства, но и процесс *воспроизводства самих производственных отношений*[1]). Расширенное воспроизводство есть расширенное воспроизводство данных производственных отношений: их поле, их пространственное расширение становится больше: данный способ производства «распространяется», *переорганизовываясь внутренне в своих деталях*; другими словами, воспроизводство капиталистических производственных отношений воспроизводит их в *основном*, поскольку здесь перманентно сохраняется и расширяется отношение между капиталом и наемным трудом. Но *внутри* этого отношения *детали* производственной структуры непрерывно меняются: достаточно хотя бы указать на рост так называемого «нового среднего сословия».

Что происходит при *отрицательном* расширенном воспроизводстве? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо остановиться более подробно на вопросе о строении общества *в его целом*.

Прежде всего, что такое «производственные отношения», о которых идет речь?

Маркс определял их, как *отношения между людьми в процессе общественного труда и распределения продуктов этого труда*. Конкретно в капиталистическом обществе сюда входят отношения между капиталистом, мастером, техником, инженером, квалифицированным рабочим, неквалифицированным рабочим, торговцем, банкиром, ростовщиком и т. д, и тому подобное, при чем отношения между элементами берутся в их *данных реально сочетаниях*. Следовательно, категория производственных отношений есть всеобщая категория, касающаяся

---

1) См. *Marx*: Das Kapital, B. II u. III.

общественного строения: сюда входят и отношения социально-классового характера (отношение рабочего и капиталиста), и отношения другого типа (напр., отношения между двумя предприятиями, отношения сотрудничества, т.-е. так называемой простой кооперации и т. д.) [1]). При этом следует заметить, что производственные отношения не есть что-то *отличное* от *технической* организации труда, поскольку мы говорим об отношениях внутри непосредственного трудового процесса. Они *реально* сливаются. Фабрика есть не только техническая, но и экономическая категория [2]), ибо это есть комплекс социально-трудовых, производственных отношений. Фабричная иерархия под командой капитала (Kommando des Kapitales) приводилась Марксом, как образец капиталистических производственных отношений. *Технические* элементы (рабочая сила инженера, директора, механика, мастера, рабочего, чернорабочего) суть в то же время элементы *экономической* организации, а *поскольку они закрепляются за постоянным кругом лиц*, постольку налицо их *социально-классовая* характеристика. Это и немудрено: ведь классы представляют из себя, прежде всего, группы лиц, объединенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе, со всеми вытекающими отсюда последствиями для процесса распределения. Капиталистическая иерархия в *производстве* сопровождается капиталистической иерархией в *распределении*; это—две стороны одного и того же явленяя, неразрывно связанные, слитые друг с другом.

Производственные отношения суть отношения людей—элементов определенной системы. Но было бы большим упрощением *противопоставлять* определенный тип *связи* этим элементам. Общество не есть *сумма* элементов; но она в то же время не есть арифметическая сумма элементов и их связи. Ибо общественная связь не стоит *рядом* с элементами. Пространственное размещение людей в технически трудовом процессе и их функциональная роль аккумулируется, *застывает* в людских элементах. Таким образом общественные связи превращаются и находят

---

[1]) *Г. П. Струве* в своей книжке «Хозяйство и цена» нарочно изгнал из анализа производственные отношения, для того, чтобы утверждать, что социально-классовые отношения суть вечная принадлежность всякого общества. Об этом см. нашу статью: Фокус-покусы г-на Струве, в марксистском журнале «Просвещение» за 1913 г., № 129.

[2]) См. *К. Маркс*: «Нищета философии».

свое выражение и во «внутренней структуре» самих элементов, тип общественной связи живет в головах людей.

Итак, данная общественная структура, данный способ производства есть, с одной стороны, определенный тип связи, с другой—этот тип формирует и самые эти элементы.

Производственные отношения определяют собой все остальное. Нетрудно понять почему. Если бы производственные отношения воплощали в себе один тип связи, а отношения другого порядка (например, государственная организация) были бы построены по другому типу, то система в целом была бы абсолютно неустойчивой. Капиталистические производственные отношения немыслимы при политическом господстве рабочего класса, а социалистические отношения в производстве были бы немыслимы при политическом господстве капитала. Следовательно, каждый тип общества неизбежно должен отличаться *монизмом своей структуры*, который есть основное условие существования всякой общественной системы.

Капиталистическое общество в высокой степени отличается этим монизмом. «Конституция» фабрики, полка, государственной канцелярии построена по *одному* принципу, и иерархический тип производственных отношений находит свое выражение в адэкватной иерархии государственной власти, армии и т. д. Наверху—класс собственников, в самом низу—класс неимущих, в середине—целая градация переходных групп. Капиталист и директор фабрики, генерал, министр или крупный чиновник-бюрократ—люди приблизительно одного класса, и характер их функций однотипен, несмотря на разницу сфер; эти функции *закреплены* за ними; они, следовательно, носят не просто технический, но в то же время ярко выраженный *классовый* характер. Инженер, офицер, средний чиновник, это—по существу, опять таки люди одного класса, и их функции однотипны. Мелкий служащий (курьер, посыльный, дворник), рабочий, солдат занимают точно так же сходное место, и иерархическая *классовая* система утверждает себя в качестве универсального принципа.

Капитализм есть антагонистическая, противоречивая система. Но классовый антагонизм, расщепляющий общество на два основных класса, последовательно проведен повсюду. Следовательно, структура капитализма есть монистический антагонизм или антагонистический монизм.

Мы брали общество, как систему элементов in natura. Эта точка зрения должна быть проведена теперь со всей последовательностью. Она, наравне с точкой зрения воспроизводства, *категорически обязательна* для всякой «критической» эпохи, а, следовательно, и для периода разложения капитализма. В «нормальное» время, т.-е. тогда, когда существуют условия подвижного равновесия общественной системы, можно оставаться в плоскости фетишистского выражения общественных отношений, ибо оно имеет устойчивый характер и предполагает определенные, вполне реальные *материальные*, общественно-трудовые процессы в качестве своего основания. Денежные отношения, категория ценности и пр. суть всеобщие категории капиталистического хозяйства, и мы можем в «нормальное» время вести анализ в этих категориях, ибо для «нормального» времени— они нормальны: закон ценности есть основное условие анархической производственной структуры, есть conditio sine qua non подвижного равновесия капиталистической системы.

Совсем другое, когда производственная система находится в «ненормальных» условиях. Это значит, что условий подвижного равновесия налицо *нет*. А, следовательно, методологически абсолютно недопустимо вести анализ в ценностных отношениях и в категориях фетишизированных отношений вообще. Наоборот, здесь необходимо брать натуральную форму вещей и рабочих сил, в этих единицах вести счет и *самое общество рассматривать как организацию элементов в их натурально-вещественной характеристике* [1]).

Эту истину понял прекрасно Рудольф Гольдшейд: «Вообще,— говорит он,—теперешняя война должна нас прежде всего приучить к одному: *к углубленному натурально-хозяйственному мышлению*... Почти все экономические вопросы кажутся неразрешимыми, если их рассматривать исключительно с денежно-хозяйственной точки зрения, и, наоборот, представляются от-

---

[1]) Этого, к сожалению, не понимают даже многие из товарищей, которые приписывают относительным законам определенного исторического значения сверхъисторическую абсолютную реальность. Даже зародышевая общественная бухгалтерия социалистического хозяйства «покоится» у нас на этом ложном понимании. И это как раз в такое время, когда ценностно-денежное выражение несоизмеримо с реальным трудовым процессом, а последний не регулирует распределения производительных сил.

носительно простыми под натурально-хозяйственным углом зрения»[1]).

После всего вышеизложенного понятно, почему это так: капиталистическое общество выскочило из пазов, и категории равновесия *не могут быть адекватны «критической»* эпохе.

Итак, общий вопрос формулирован теперь следующим образом: что происходит с общественной системой в ее натуральной форме, в форме связанных натуральных элементов, *при условии отрицательного расширенного воспроизводства?*

В формулах трудовой ценности, мы здесь имеем такие ряды $c+v+m$; $c+v+(m-x)$; $c+v$; $c+(v-x)$; $(c-y)+(v-nx)$ и т. д.; параллельно этому ценность становится несоизмерима с ценой. Нетрудно видеть, что с точки зрения капиталистической системы положение не опасно, пока расширение отрицательного воспроизводства идет за счет m. За этими пределами начинается с одной стороны «проедание» основного капитала, с другой—недопотребление рабочего класса, необеспеченность функционирования рабочей силы и выполнения ею ее *капиталообразующей* роли, т.-е. нарушение воспроизводства рабочей силы. Этот процесс выражается в двух формах: во-первых, в выталкивании рабочей силы из производственного процесса; во-вторых, в понижении реальной заработной платы, в недопроизводстве энергии, образующей рабочую силу, в дисквалификации этой последней и, в конечной инстанции, в *разрыве связи между низшими и высшими элементами технически-производственной иерархии.* «Низшие» винтики капиталистической машины, не получая достаточного количества смазочного масла, развинчиваются. Здесь мы видим две главные формы разрыва связей: 1) их *гниение и разложение* (например, индивидуальный невыход на работу, падение трудовой дисциплины, у служащих—неаккуратность, взяточничество, нарушение коммерческих нравов и норм и проч.); 2) их *революционный разрыв* (массовый отказ от работы

---

[1]) «Ueberhaupt muss uns der jetzige Krieg zu Einem vor allem erziehen: zu vertieftem naturalwirtschaftlichen Denken... Fast alle ökonomischen Fragen erscheinen unlösbar, wenn man sie bloss geldwirtschaftlich betrachtet, offenbaren sich hingegen als relativ einfach unter naturalwirtschaftlichem Gesichtspunkt» (*R. Goldscheid:* Staatssozialismus oder Staatskapitalismus. Ein finanzsoziologischer Beitrag zur Lösung des Staatsschulden-Problems 4 u. 5 Aufl., Wien-Leipzig, 1917).

со стороны рабочих, стачки, все виды организованного неповиновения классу капиталистов).

Этот процесс распада капиталистических отношений наблюдается на определенной ступени отрицательного расширенного воспроизводства и, раз начавшись, он захватывает *все сферы капиталистической системы.* Аккумулированная в головах низших звеньев капиталистическая психология повиновения власть имущим выветривается, а капиталистическая функция их становится невозможной; с другой стороны, у высших людских звеньев системы, где техническая функция совпадает с классовым интересом, а наиболее важный и основной классовый интерес совпадает с интересами сохранения *данной* производственной системы, психология борьбы за это сохранение сгущается еще более. Латентная классовая борьба, подтачивающая производственные отношения в период *разложения,* прорывается наружу, как открытая революционная борьба в период насильственного *разрыва* связей капиталистического аппарата. То, что происходит в производстве, mutatis mutandis происходит и в армии, и в административном государственном аппарате.

Мы уже видели, что процесс распада начинается с абсолютной неизбежностью после того, как отрицательное расширенное воспроизводство поглотило общественную прибавочную ценность (m). Теоретический анализ не может установить с абсолютной точностью, когда именно, на какой конкретной цифре, характеризующей этот процесс, наступает период распада. Это уже questio facti. Конкретное положение дел в экономике Европы 1918—1920 гг. ясно показывает, что этот период распада наступил и что нет никаких симптомов возрождения *старой* системы производственных отношений. Наоборот. Все конкретные данные указывают на то, что элементы разложения и революционного разрыва связей прогрессируют с каждым месяцем. Теоретически это вполне понятно. В самом деле. Ведь капиталистическое общество, расколотое на классы, может существовать только тогда, когда психология гражданского мира является, так сказать, общезначимой; другими словами, только тогда и до тех пор, пока рабочий класс в его целом, эта важнейшая производительная сила капиталистического общества, молчаливо «соглашается», выполнять *капиталистическую* функцию Раз эта предпосылка исчезла, дальнейшее существование капиталистического общества становится невозможным.

Марксистская революционная мысль прочно установила, что (в политической области) переход власти из рук буржуазии в руки пролетариата, переход, понимаемый, как определенный исторический *процесс*, выражается в *крахе* старой государственной машины, распадающейся на свои составные элементы. Государство вовсе не есть объект, который гуляет по рукам различных классов, переходя по наследству согласно почтенным нормам буржуазного семейного права. «Завоевание государственной власти пролетариатом» есть *разрушение* буржуазной и *организация новой* государственной системы, при чем и *элементы* распавшегося старого отчасти разрушаются, отчасти берутся в новых сочетаниях, в новом *типе связи* [1]). Такова была и точка зрения Маркса-Энгельса. Однако у громадного большинства quasi-социалистических теоретиков было и есть необычайно примитивное представление о «завоевании власти»: сменяется одна «головка», «правительство», и этим завоевывается «весь аппарат».

Революционное учение Маркса доказано теперь в этой области отношений не только абстрактными рассуждениями, оно доказано *эмпирически*.

Далеко не так ясен процесс трансформации *производственных отношений*. Здесь необычайно живучими оказались те представления, которые были преобладающими в области теории политических переворотов. Типичным в этом отношении может служить рассуждение *Р. Гильфердинга* [1]) о том, что захват шести банков («головки») пролетариатом передает в распоряжение последнего всю промышленность, *потому что* при финансово-капиталистических производственных отношениях банки являются организационными узлами производственно-технической системы,—«всего аппарата». *Эмпирически* доказано, что ничего подобного не происходит, ибо реально захват банков лишь подрывает командную власть капитала. Почему? Вопрос разрешается просто. Потому, что банки «управляли» промышленностью на основе специфических, *кредитно-денежных* отношений. *Тип связи* здесь был тип кредитной связи, который как раз и *рушится* при захвате банков пролетариатом.

[1]) Об этом см. работу тов. *Ленина:* «Государство и революция», а также *нашу* статью: «Теория пролетарской диктатуры» в сборнике «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата«.

[1]) *Р. Гильфердинг:* «Финансовый капитал».

После всего вышеприведенного нетрудно теоретически понять причины распада различных видов *иерархических* отношений капиталистического общества, происходящих в условиях отрицательного расширенного воспроизводства.

Лучше всего процесс разложения, а затем и революционного разрыва капиталистических связей виден *на армии*. Империалистская армия разлагается потому, что,—грубо выражаясь,—«у солдат падает дисциплина», т.-е. низшие звенья иерархии не могут уже служить, как звенья именно *этой* иерархии. Революционный разрыв связей наступает при массовой и более или менее организованной *дезорганизации* «всего аппарата», которая есть необходимая предпосылка победы нового класса. Эта дезорганизация и есть крах данной системы. Временная «анархия» есть, таким образом, объективно совершенно неизбежный этап революционного процесса, который и выражает собою крах старого «аппарата».

Приблизительно то же происходит и с *технико-производственным* аппаратом капиталистического общества. Мы видели, что производственные отношения суть в то же время технические отношения, и социальная иерархия есть в то же время иерархия техническая. Следовательно, абсолютно ясно, что разложение и революционный разрыв социальных звеньев системы, что составляет необходимый признак краха, есть *распад «технического аппарата» общества, поскольку мы имеем в виду людскую техническую организацию этого общества.*

А отсюда ясно, что «завоевать» старые экономические аппараты целиком *нельзя.* Производственная «анархия» или как ее обозначает проф. Гриневецкий, «революционное разложение промышленности» [1]) есть исторически неизбежный этап, от которого нельзя отделаться никакими ламентациями. Конечно, с точки зрения абсолютной, было бы чрезвычайно хорошо, если бы революция и крах старых производственных отношений не сопровождались распадом технико-производственных связей. Но трезвая оценка реальных процессов, их *научный* анализ говорит нам, что период этого распада исторически неизбежен и исторически необходим.

Распад людской *технической* иерархии, который наступает

---

[1]) Проф. *Гриневецкий:* «Послевоенные перспективы русской промышленности».

на определенной стадии процесса отрицательного расширенного воспроизводства, в свою очередь давит на состояние производительных сил. Производительные силы существуют *слитно* с производственными отношениями, в определенной системе трудовой общественной организации. Следовательно, распад «аппарата» неизбежно должен сопровождаться дальнейшим *понижением производительных сил.* Таким образом, процесс отрицательного расширенного воспроизводства *чрезвычайно ускоряется.*

Из вышеприведенного анализа следует, что на базисе лопающихся (старых, капиталистических) отношений невозможно никакое «возрождение промышленности», о котором мечтают утописты капитализма. Единственный выход заключается в том, что низшие звенья системы, основная производительная сила капиталистического общества, рабочий класс, займут господствующее положение в организации общественного труда. Другими словами, только строительство коммунизма есть предпосылка общественного возрождения [1]).

Теоретически, конечно, этим еще не доказано осуществление коммунизма. Вопрос о его предпосылках и о вероятности его реализации,—этот вопрос логически вовсе не совпадает с вопросом о крахе капитализма. Теоретически мыслимо дальнейшее разложение, «гибель культуры», возвращение к примитивным формам средневекового полунатурального хозяйства, словом, та картина, которую рисует Анатоль Франс в конце своего «Острова Пингвинов». Этот вопрос мы *пока* оставляем в стороне, чтобы разобрать его впоследствии. Но теперь мы можем утверждать, что невозможно восстановление *старой* капиталистической системы. Элементы технико-производственного аппарата (людские элементы) должны быть взяты в *новых сочетаниях*, связаны связью *нового типа*, чтобы было возможно развитие общества. *Перед человечеством стоит таким образом дилемма:*

---

[1]) Проф. *Гриневецкий* в своей книге рассматривает вопрос, как и подобает апологету капитализма, умственный взор которого не распространяется дальше «миросозерцания» синдикатчика, исключительно с точки зрения капиталистических отношений производства, как вечной и универсальной категории человеческого бытия. Будущему историку идеологий будет казаться прямо комичной та поистине куриная слепота, которая отличала буржуазных ученых в период величайших социальных переворотов.

или «гибель культуры», или коммунизм, и ничего третьего не дано.

При предположении, что после ряда производственных циклов *производительные силы начнут расти*, должна, следовательно, быть налицо одна основная предпосылка: рост социалистических (идущих к коммунизму) производственных отношений. В таком случае «издержки революции» (и «перебои в процессе труда», и непосредственные траты общественной энергии в процессе гражданской войны) будут той ценой, которой человеческое общество купит себе возможность дальнейшего развития.

Коммунистическая революция пролетариата, как и всякая революция, сопровождается *понижением* производительных сил. Гражданская война, да еще такого гигантского масштаба, как современные классовые войны, когда не только буржуазия, но и пролетариат организован в государственную власть, *экономически* и с точки зрения *ближайших циклов воспроизводства*, есть чистый минус. Но мы уже видели на примере кризисов и капиталистических войн, что суждение с такой точки зрения есть ограниченное суждение; необходимо выяснить роль данного явления, исходя из *дальнейших циклов воспроизводства, в их широком историческом масштабе.* Тогда издержки революции и гражданской войны представятся, как временное понижение производительных сил, которое создало тем не менее базу для их громадного развития, *перестроив производственные отношения* на новый лад [1]).

Перестройка производственных отношений предполагает

[1]) Теоретики кастрированного марксизма, в роде Каутского, имеют о революционных переворотах представление поистине детское. Для них просто не существует теоретических и практических проблем, которые и представляют наибольшую трудность; от эмпирически же данных фактов презрительно отмахиваются тем, что зачисляют действительно происходящие революции по ведомству «не настоящих» и «не истинных», прием, который, с точки зрения марксизма сам заслуживает величайшего презрения. См., напр., *Karl Kautsky:* Die Diktatur des Proletariats; *он же:* Terrorismus und Kommunismus; *он же:* Die Sozialisierung der Landwirtschaft, Vorwort. Временное понижение производительных сил, объективно расширяющее в конечном счете их мощь, происходило и в буржуазных революциях (Великая Рев., гражд. война в Америке и т. д.). См. ***Н. Бухарин:*** «Диктатура русского пролетариата и мировая револ.». Коммунистический Интернационал, № 4 и 5.

«власть пролетариата», его «Kommando» и в государственном аппарате, и в армии, как части этого аппарата, и в производстве.

В процессе борьбы за власть и гражданской войны периода пролетарской диктатуры кривая производительных сил продолжает падать при *одновременном росте организационных форм*. Этот рост организационных форм идет при сопротивлении «лейтенантов промышленности», т.-е. технической интеллигенции, которая не хочет быть в *иной* иерархической системе, чем она была раньше (так наз. саботаж, в первую голову). *Но сопротивление этого слоя для растущей новой системы гораздо менее опасно, чем сопротивление рабочего класса системе капиталистических отношений.* С точки зрения сохранения и развития человеческого общества единственным выходом поэтому могут быть только социалистические производственные отношения, ибо только они *могут создать условия относительного подвижного равновесия общественно-производственной системы.*

ГЛАВА IV.

Общие предпосылки коммунистического строительства.

1. Тип производственных отношений в процессе капиталистического краха. 2. Критерий «зрелости» производственных отношений. 3. Экономическое истощение и разложение капитализма и коммунистическое строительство. 4. Строительство коммунизма, как историческая эпоха. 5. Этапы революционного процесса. 6. Общие принципы новой общественной организации.

В предыдущей главе мы видели, насколько наивно представление о переходе «старого аппарата» целиком и непосредственно на новые рельсы. Анализ той части переходного периода, которую можно характеризовать, как крах капиталистической системы, привел нас к тому положению, что иерархическая технико-производственная система, которая в то же время есть выражение социально-классовых отношений и отношений производства, неизбежно распадается на составные элементы. Как ни мал может (конкретно-исторически) оказаться этот промежу-

точный момент производственной революционной «анархии», тем не менее он является необходимым моментом в общей цепи развития.

Однако, здесь необходимо отметить, что распадаются *не все* социально-технические связки, а связки *иерархического типа.* И во время разложения капиталистической системы, и во время ее революционного краха рвутся связи между рабочим классом с одной стороны, технической интеллигенцией, бюрократией, буржуазией с другой. Но производственные отношения, которые выражают отношение рабочего к рабочему, инженера к инженеру, буржуа к буржуа, не рвутся; другими словами, генеральное размежевание социальных пластов и разрыв людского организационно-технического аппарата происходит прежде всего по этой линии. Следовательно, в общем и целом *не разрывается связь внутри пролетариата.* А эта связь и *образует основной момент обобществленного в недрах капитализма труда* [1]).

Новое общество не может появиться, как deus ex machina. Его элементы *вырастают в старом.* А так как здесь речь идет о явлениях экономического порядка, то-есть затрагиваются вопросы экономической структуры, производственных отношений, то необходимо искать элементов нового общества в *производственных отношениях* старого. Другими словами, вопрос необходимо поставить таким образом: какой *вид* производственных отношений капиталистического общества в общем может лечь *в основу* новой производственной структуры?

Ясно, что разрешением этого вопроса решается и вопрос о так называемой «зрелости» капиталистического общества для перехода его через фазу пролетарской диктатуры в общество коммунистическое. Раньше вопрос ставился в очень общей и

---

[1]) На эту сторону дела—правда, в иной постановке—обратил внимание тов. *Крицман* («Основные тенденции социальной революции пролетариата», «Народное Хозяйство», 1919 г., № 3). Однако, у него точно так же, как почти у всех авторов, «как *шелуха,* отлетает капиталистическая организация общественного хозяйства... в общем и целом простая смена руководителей»... (стр. 13). Частичный распад пролетариата, как класса, происходящий под влиянием падения производительных сил в связи с выталкиванием пролетариата и сокращением производства, есть явление другого порядка.

несколько примитивной формулировке. А именно, основным критерирем «зрелости», поскольку речь идет об «объективных» предпосылках коммунистической общественной структуры, считались степень концентрации и централизации капитала, наличность определенного совокупного «аппарата», вся совокупность производственных отношений, затянутых в один узел капиталистическим развитием. Однако, такой постановки вопроса, как видно из всего предыдущего анализа, недостаточно. Ибо как раз этот централизованный «аппарат» и распадается в процессе революции, а, следовательно, он in toto не может служить основой нового общества [1]).

В известном 7 § 24 главы I тома «Капитала» («историческая тенденция капиталистического накопления») Маркс выдвигает *два* основных момента: *централизацию средств производства и обобществление труда*, которые расцвели вместе с капиталисти-

---

[1]) Либеральные профессора и их соглашательские подголоски, которые не хотят социализма, но для приличия стремятся это оправдать якобы «научными» соображениями, излагают поэтому Маркса на свой манер. Напр., *Франц Оппенгеймер*, учитель П. Маслова, пишет: «Die ungeheure Ueberzahl und Uebermacht des Proletariats... expropriiert die Expropriateure, die gar *keinen ernsthaften Widerstand*(!)*leisten können* und übernimmt den *volkommen fertigen* Mechanismus der Produktion und Verteilung, der *unverändert und unerschüttert weiter läuft*... Das ist die Marx'sche Theorie der Vergesellschaftung». (*Franz Oppenheimer*: «Zur Theorie der Vergesellschaftung» в сборнике «Wege und Ziele der Sozialisierung, hg. von Ingenieur Dr Hermann Beck. Verl. Neues Vaterland. Berlin, S. 16). *Dr Prange*(см. тот же сборник) называет это «klare Darstellung der marxistischen Theorie» (S. 79). Почтенные профессора, очевидно, думают, что биржа, ажиотаж и спекуляция так же характерны для социалистического общества, как добродетель для Пресвятой Богородицы, и что рождение социалистического аппарата производства и распределения ни в малой степени не нарушит капиталистической девственности. Им вторит *Otto Bauer*: «Sie (экспроприация) kann und soll sich nicht vollziehen in der Form einer brutalen (!!) Konfiskation... denn in dieser Form könnte sie sich nicht anders vollziehen, als um den Preis einer gewaltigen Verwüstung der Produktionsmittel, die die Volksmassen verelenden, die Quellen des Volkseinkommens verschüttern würde. Die Expropriation der Expropriateure soll sich vielmehr in geordneter, geregelter Weise vollziehen; so vollziehen, dass der Produktionsapparat, der Gesellschaft nicht zerstört, der Betrieb der Industrie und der Landwirtschaft nicht gehemmt wird» (*Otto Bauer*, «Der Weg zum Sozialismus, Verl. «Freiheit», Berlin, 1919, 28). Бывший «министр социализации», очевидно, желает строить социализм не из земных, а небесных элементов.

ческим способом производства и внутри него [1]). Эти два момента и образуют *основу нового способа производства*, который вырос в недрах старого.

Рассмотрим оба эти момента. Они составляют части «аппарата», части новой организации. Вообще говоря, всякая общественная система представляется, как организация вещей и людей. При этом «вещи» здесь являются не просто кусками внешней природы, а имеют сами своеобразное общественное бытие. Машина не есть машина вне человеческого общества. Она становится машиной лишь в системе общественного труда. С этой точки зрения общество, как система, есть одновременно «личный и вещественный аппарат» [2]).

Вещественный аппарат есть *материально-техническая основа* общества. Он не входит в понятие производственных отношений, а относится к производительным силам. И в процессе революционного разрыва производственных связок этот аппарат может относительно сохраниться. *Его* распад вовсе не обязателен. Машины, аппараты, фабричные здания и проч., конечно, страдают во время социальных потрясений. Но *основа* разрухи лежит вовсе не здесь. Поскольку происходит разрушение вещественного аппарата, оно является, главным образом, *следствием распада людского аппарата* и прекращением непрерывности трудового процесса. Следовательно, проблема лежит в анализе второго момента, а именно в «обобществленном труде». Людской «аппарат», который обнимает собой совокупность трудовых отношений, включает те социальные пласты, о которых мы говорили выше. Но *основной* формой, типичным и решающим является концентрация пролетариата. «Кооперативная форма труда», о которой говорит Маркс, воплощается в решающем моменте, в специфических отношениях между рабочими. Именно здесь и лежит центр тяжести нового общества.

Совокупная рабочая сила общества — в чисто-капиталисти-

---

[1]) «Das Kapitalmonopol wird zur Fessel der Produktionsweise, die mit und unter ihm aufgeblüht ist. *Die Zentralisation der Produktionsmittel* und *die Vergesellschaftung der Arbeit* erreichen einen Punkt, wo sie unverträglich werden mit ihrer kapitalistischen Hülle. Sie wird gesprengt. Die Stunde des Kapitalistischen Eigentums schlägt. Die Expropriateurs werden expropriiert» (*K. Marx:* Kapital, I, Volksausgabe, S. 691).

[2]) «Personen- und Sachapparat» (*Dr. Hermann Beck*, Sozialisierung als organisatorische Aufgabe, стр. 32 вышецитированного сборника).

ческом обществе *пролетариат*—есть, с одной стороны, одно из двух слагаемых понятия производительных сил (ибо производительные силы суть не что иное, как совокупность наличных средств производства и рабочих сил); при этом рабочая сила есть, как неоднократно подчеркивалось еще старыми экономистами, самая важная производительная сила. С другой стороны, соотношение между рабочими есть основная часть трудового *людского аппарата*. Следовательно, как раз здесь и следует искать основные элементы новой производственной структуры.

Именно так смотрел на дело и Маркс, когда в рабочем классе, «вышколенном, объединенном и организованном самим механизмом капиталистического производственного процесса», он видел *остов* будущих отношений производства и одновременно силу, которая эти отношения реализует [1]).

Это положение чрезвычайно существенно. «Вызревание» коммунистических производственных отношений в пределах капиталистического общества есть та *система сотрудничества, которая воплощается в производственных отношениях между рабочими*, которая в то же время сплачивает человеческие атомы в революционный класс, пролетариат.

Критерием «зрелости», следовательно, является именно этот

---

[1]) В «Нищете философии» *Маркс* говорит об «Organisation der revolutionären Elemente, als Klasse» («Elend», S. 163). В «Коммунистич. ман.» мы находим такое описание отношений сотрудничества между рабочими: «Die Lohnarbeit beruht *ausschliesslich* (наш курсив. Н. Б.) auf der Konkurrenz der Arbeiter unter sich. Der Fortschritt der Industrie... setzt an die Stelle der Isolierung der Arbeiter durch die Konkurrenz ihre revolutionäre Vereinigung durch die Assoziation. Mit der Entwicklung der grossen Industrie wird also unter den Füssen der Bourgeoisie die Grundlage selbst hinweggezogen, worauf sie produziert und sich die Produkte aneignet. Sie produziert vor allem ihren eigenen Totengräber». (Это место *Маркс* цитирует в примеч. 252 к концу 24 гл. I тома «Капитала». См. Volksausgabe, S. 691.) Совершенно ясно, что Маркс оценивал пролетариат не только, как силу, осуществляющую «насильственный переворот», но и как социальное воплощение *отношений сотрудничества*, вырастающих внутри капитализма и являющихся основой социалистического (alias коммунистического) способа производства. *E. Hammacher* («Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus, Leipzig, 1909) выдумывает, будто бы у Маркса эта точка зрения развита в «Нищете фил.» и «Ком. ман.» *в противоположность* к «Капиталу». Очевидно, поэтому Маркс цитирует соответствующие места в «Капитале».

момент, который, конечно, есть функция развития производительных сил, но который выдвигается на первый план с точки зрения общественно-организационной техники.

С этой общественно-организационной точки зрения совершенно ясна «зрелость» капиталистического общества, и все рассуждения на эту тему, «опровергающие» ее, являются метафизическим вздором апологетов капитализма. Существование планомерной организации внутри капиталистических стран, раздираемых капиталистической конкуренцией; существование в определеннный период системы *государственного капитализма* есть эмпирическое доказательство «возможности» коммунистического строительства. В самом деле, отвлечемся на момент от конкретно-исторической скорлупы производственного процесса и взглянем на него исключительно с точки зрения внутренней абстрактной производственной логики. Здесь может быть два, и *только* два, случая: либо обобществление труда позволяет *технически* ввести планомерную организацию в какой бы то ни было конкретной социальной формулировке, либо процесс обобществления труда настолько слаб, труд настолько «расщеплен» («zersplittert», как выражался Маркс), что вообще *технически* невозможна рационализация общественно-трудового процесса. В первом случае дана «зрелость», во втором она отсутствует. Эта постановка вопроса есть *общая* постанока вопроса для *любой* формулировки сознательного и формального «обобществления». А отсюда следует, что если капитализм «созрел» для *государственного* капитализма, то он созрел и для эпохи коммунистического строительства [1]).

Специфическая проблема коммунистического строительства состоит не в том, что нет основы общественного труда, *а в новом сочетании разорвавшихся общественных пластов*, в первую очередь во включении в новую систему *технической интеллигенции*. Но это тема другого порядка, которую мы разберем ниже.

Гигантское потрясение всей капиталистической системы, которую мы оцениваем, как ее крах, ряд ученых и неученых сикофантов quasi-марксистского толка считают за аргумент

---

[1]) Неизмеримая общественная подлость социал-соглашательских теорий состоит как раз в том, что они «соглашаются» на государственный капитализм, протестуя против социализма, который они готовы трижды признать *на словах*, вне практики.

против социализма[1]). Этот взгляд логически основан на полнейшем непонимании *диалектического*, в противоречиях развивающегося процесса. Мировая война, начало революционной эры и т. д. *есть как раз выражение той объективной «зрелости»*, о которой идет речь. Ибо здесь величайшей напряженности конфликт был следствием максимально-расширенного антагонизма, который постоянно воспроизводился и *рос* в недрах капиталистической системы. Его потрясающая сила есть довольно точный показатель ступени капиталистического развития и трагическое выражение полнейшей несовместимости дальнейшего роста производительных сил под оболочкой капиталистических производственных отношений. Это и есть тот самый Zusammenbruch, который неоднократно предсказывался творцами научного коммунизма. Они оказались правы: жалкой реформистской иллюзией является представление о переходе к социализму вне краха, вне нарушения общественного равновесия, вне кровавой борьбы [2]).

---

[1]) В первую голову *Каутский*. До войны он «ждал» катастрофы, которая «не созрела». Во время войны он предостерегал против революции, потому что Интернационал—«Friedensinstrument» и при громе пушек не может действовать. После войны он предостерегает против социализма, потому что катастрофа «истощает». Нечего сказать, целостная концепция.

[2]) См. по этому поводу *Н. Осинский:* «Строительство социализма», I глава, а также *Н. Бухарин:* «Мировое хозяйство и империализм». С.П.Б. 1918, изд. «Прибой». Любопытно следующее предсказание *Энгельса:* «Die kolossale Ausdehnung der Verkehrsmittel, ozeanische Dampfer, elektrische Bahnen, Telegraphen, Suezkanal,—hat den Weltmarkt erst wirklich hergestellt. Dem früher die Industrie monopolisierenden England sind eine Reihe konkurrierender Industrieländer zur Seite getreten; der Anlage des überschüssigen europäischen Kapitals sind in allen Weltteilen unendlich grössere und mannigfaltigere Gebiete eröffnet, so dass er sich weit mehr verteilt und lokale Ueberspekulation leichter überwunden wird. Durch alles dies sind die meisten Krisenherde und Gelegenheiten zur Krisenbildung beseitigt oder stark abgeschwächt. Daneben weicht die Konkurrenz im inneren Markt zurück vor den Kartellen und Trusts, während sie auf dem äusseren Markt beschränkt wird durch Schutzzölle... Aber diese Schutzzölle selbst sind nichts als die Rüstungen für den schliesslichen allgemeinen Industriefeldzug, der über die Herrschaft auf dem Weltmarkt entscheiden soll. So birgt jedes der Elemente, das einer Wiederholung der alten Krisen entgegenstrebt, den Keim einer weit gewaltigeren künftigen Krise in sich» (Kapital, III, I, S. 97, Anm. 16; III, 2, S. 27, Anm. 8).

Раз реально дан распад капиталистических производственных отношений, и раз доказана теоретически невозможность их восстановления, то возникает вопрос о решении дилеммы: «гибель культуры» или социализм. В основном этот вопрос решается предыдущим анализом. В самом деле, мы видели, что эпоха разрыва производственно-технически-социальных пластов сохраняет в общем единство пролетариата, *который воплощает прежде и раньше всего материальную основу будущего общества.* Этот решающий и основной элемент в ходе революции лишь отчасти распадается. С другой стороны, он необычайно сплочивается, перевоспитывается, организуется. Эмпирическое доказательство этого дает русская революция с ее относительно слабым пролетариатом, который тем не менее оказался поистине неистощимым резервуаром организационной энергии.

«Математическая вероятность» социализма при таких условиях превращается в «практическую достоверность».

Но при этом нужно совершенно отказаться от мысли, что непременное условие сохранения и развития новой системы—прогресс производительных сил,—условие, которое, субъективно, является классовой задачей пролетариата, начнет реализоваться с самого начала переворота. Социализм придется *строить.* Наличные вещественные и личные рессурсы являются лишь *отправным пунктом* развития, которое обнимает собой целую громадную *эпоху.*

В эпоху распада капитализма, как мы видели в предыдущей главе, капитализм нельзя спасти потому, что основная производительная сила общества, рабочий класс, отказывается выполнять свою капиталистическую, капиталообразующую функцию. Основной предпосылкой социалистического строительства является трансформация этой капиталообразующей функции в *общественно-трудовую.* Это возможно лишь при господствующем положении пролетариата, т.-е. при его *диктатуре* [1]).

---

[1]) Довольно многочисленные «исследования» о «социализации», написанные буржуазными профессорами, конечно, обходят этот основной вопрос. См. *K. Bücher:* Die Sozialisierung. 2. Ausgabe. Tübingen. 1919. *Otto Neurath:* Wesen und Weg der Sozialisierung *Prof. K. Tyszka:* Die Sozialisierung des Wirtschaftslebens, Jena, 1919. См. также *Otto Bauer,* l. c.; *Rudolf Goldscheid:* Sozialisierung der Wirtschaft oder Staatsbankerott. Из заграничной коммунистической литературы мы можем на-

Только при превращении пролетариата из класса эксплоатируемого в класс господствующий возможно восстановление трудового процесса, т.-е. общественное воспроизводство.

В этих рамках и на этой основе задачи, стоящие перед пролетариатом, в общем и целом, формально, т.-е. независимо от *социального* содержания процесса, те же, что и для буржуазии при расширенном отрицательном воспроизводстве: экономизация всех рессурсов, планомерное их использование, максимум возможной централизации. Истощение, явившееся результатом войны и нарушения непрерывности производственного процесса в период распада, *требует* с точки зрения общественно-организационной техники как раз перехода к социалистическим производственным отношениям. Стоит только поставить общий вопрос, как возможна система хотя бы относительного равновесия, или, вернее, как возможно создание *условий движения к такому равновесию*, чтобы понять категорическую обязательность централизованного и формально обобществленного хозяйства. Мы видели выше, что сокращение производственных ресурсов было одним из важнейших условий, уже в рамках капитализма толкавших в сторону планомерного, регулируемого, организованного хозяйства. В этом заключается внутренняя экономическая логика, которая отнюдь не исчезает, а, наоборот, еще сильнее дает себя знать при некапиталистической формулировке производственных отношений. Процесс *труда* не может продолжаться при господстве буржуазии. Крупное производство не может не быть экспроприировано и национализировано при господстве пролетариата. Наконец, экономическое истощение толкает еще сильнее к методам рационализации общественно-хозяйственного процесса [1]). Со-

---

звать лишь брошюру венгерского товарища, и в то же время инженера *Julius'a Hevesi:* Die technische und wirtschaftliche Notwendigkeit der kommunistischen Weltrevolution, Wien, 1919.

[1]) *Rudolf Goldscheid* весьма остроумно бичует трусливую позицию «вождей»: «Es ist geradezu unglaublich, mit wie offensichtlich unhaltbaren Argumenten man jetzt mit Erfolg die Beschleunigung der Sozialisierung der Wirtschaft aufzuhalten imstande ist. So z. B. indem man geltend macht, momentan, wo alle Produktion und aller Verkehr stockt, wo es an den nötigsten Betriebsmitteln fehlt, sei doch der ungeeignetste Moment zur Sozialisierung der Wirtschaft. Herrschte umgekehrt Hochkonjunktur, würde man zweifellos erklären: man darf doch nicht mit Experimenten kommen, während alles im besten Gange ist. Gegen das, was man

вокупность этих условий требует одного, и только одного решения вопроса: трансформации капитализма в социализм через диктатуру рабочего класса.

Мы видели, что то, что для всего общества представляется условием его дальнейшего существования, для пролетариата представляет организационную проблему, которую ему нужно практически разрешить. Пролетариату приходится в этот период *активно строить* социализм и в то же время, в процессе этой стройки, перевоспитывать самого себя. Эта задача может быть решена только специфическими методами, методами *организованной* работы. Но эти методы подготовлены уже капиталистическим развитием.

Когда буржуазия свергала феодалов, и капиталистический способ производства, базой которого в дни его юности была частно-хозяйственная ячейка, прокладывал себе пути, экономический процесс шел почти абсолютно стихийно; ибо действовал не огранизованный коллектив, не классовый субъект, а распыленные, но в высшей степени активные «индивидуумы». И немудрено, что лозунгом той эпохи был лозунг: «laissez faire, laissez passer». Капитализма не строили, а он строился. Социализм, как организованную систему, пролетариат строит, как организованный коллективный субъект. Если процесс создания капитализма был стихийным, то процесс строительства коммунизма является в значительной степени сознательным, то-есть организованным процессом. Ибо его творит класс, который вырос в недрах капитализма в ту самую «revolutinäre Assoziazion», о которой говорил Маркс. Эпоха коммунистического строительства будет поэтому неизбежно эпохой планомерной и организованной работы; пролетариат будет решать свою задачу, как общественно-техническую задачу постройки нового общества, которую сознательно ставят и сознательно решают. Вместе с крахом капитализма лопается товарный фетишизм и его полу-

---

nicht will, findet man immer leicht Gründe. Und jedenfalls ist es offenbar, dass in einer Zeit, wo der Betrieb herabgesetzt ist und wo eine tiefgreifende Umstellung der Wirtschaft unter aller Umständen unvermeidlich erscheint, die Umwandlung der individualistischen in die sozialistische Wirtschaft noch am ehesten durchzuführen wäre» (Sozialisierung der Wirtschaft oder Staatsbankerott. Anzengruber-Verlag, Wien, 1919, S. 11). Это пишет—ad notam социал-демократии—буржуазный пацифист.

мистические категории [1]). «Социалистическая революция выдвинет социалистические методы (отнюдь не весь социализм сразу), как более совершенный (чем государственный капитализм) способ предотвратить крах общества, сохранить хозяйственный базис—и даже расширить его. Государственный капитализм спасал *капиталистическое*... государство путем активного и сознательного вмешательства в отношения производства. Социалистические методы будут продолжением этого активного организационного процесса, но только ради спасения и развития *свободного* общества. На первых порах они дадут только новую *экономию* средств производства и потребления, непосредственно *спасут* общество; далее, они начнут *восстановление* производительных сил; потом приведут их к новому, более высокому *расцвету*. И по дороге будет строиться, камень за камнем, звено за звеном—социализм, и как крупное мощное производство, и как система ясных, простых, свободных общественных отношений» [2]).

Какова «фазеология» революционного процесса? На этот вопрос нужно дать ответ. Ибо непониманием закономерной смены различных фаз и объясняется целый ряд нелепейших представлений.

Немецкий инженер Hermann Beck [3]) «опровергает» Маркса, утверждая, что «социальные катастрофы (революции) не обусловлены необходимо экономически», ибо, как показал пример «антимилитаристических» революций, здесь «смена отношений

---

[1]) Ученые буржуазии до такой степени были оглушены фетишистским ядом, что капиталистическую неразбериху возводили в перл создания. Так, г. *П. Струве* принципиально отрицал возможность рационализации экономического процесса и исповедовал «научное убеждение в основном и имманентном дуализме этого процесса» (Хозяйство и цена, т. I, стр. 60). Поистине, der Wunsch ist Vater des Gedankens!

[2]) *Н. Осинский*: О предпосылках социалистической революции. «Народное Хозяйство», №№ 6—7, стр. 5 (1918 г.). *Маркс* прекрасно видел длительный характер катастрофы и трансформационного периода. В «Кельнском процессе коммунистов» Маркс цитирует свои слова: «Мы говорим рабочим: «Вам придется пережить 15, 20, 50 лет гражданских войн и битв народов, не только чтобы изменить общественный строй, но чтобы изменить и себя самих и сделаться способными к политическому господству».

[3]) *Hermann Beck:* «Eröffnungsansprache» (Wege und Ziele der Sozialisierung, SS. 10—12). Кстати сказать, г. *Веск* трактует революции совершенно à la покойная «Новая Жизнь».

господства (Machtverschiebung), которая должна была бы стоять в конце цепи событий (Entwickelungsreihe), стоит в самом ее начале». Нетрудно, однако, видеть основную закономерность революционного процесса. Историческим prius является конфликт между производительными силами и производственными отношениями; этот конфликт получает свое субъективно-классовое выражение в «возмущении пролетариата», т.-е. определенным образом детерминирует классовую волю. Толчок идет из *сферы экономической*, вернее, из столкновения между производительными силами и экономической скорлупой. Дальше начинается катастрофически быстрое «обратное влияние», от идеологической сферы к производительным силам, при чем во время этого процесса создаются условия равновесия на *новой основе*. Этот диалектический процесс проходит такие фазы [1]).

I. Революция идеологическая. Экономические условия разрушают идеологию гражданского мира. Рабочий класс осознает себя, как класс, долженствующий стать хозяином. Идеологическая система «рабочего империализма» разбивается на куски. На ее место становится идеология коммунистической революции, «рабочий план» грядущих выступлений.

II. Революция политическая. Идеологическая революция превращается в действие, в гражданскую войну, в борьбу за политическую власть. Здесь разрушается политический аппарат буржуазии, вся громадная организация государственной машины. Ее сменяет новая система, система пролетарской диктатуры, Советская республика.

III. Революция экономическая. Пролетарская диктатура, концентрированная мощь рабочего класса, организованного, как государственная власть, служит могучим рычагом экономического переворота. Разбиваются капиталистические производственные отношения. Старая экономическая структура перестает существовать. Уцелевшие связи насильственно разрубаются («экспроприаторы экспроприируются»). Элементы старой системы берутся в новых сочетаниях, в долгом и мучительном процессе возникает новый тип производственных отношений. Закладывается фундамент социалистического общества.

---

[1]) Впервые дал этому формулировку тов. *Крицман* в очень остроумной статье: «Об очередной задаче пролетарской революции в России» («Народное Хозяйство», 1918, № 5).

IV. Революция техническая. Относительное общественное равновесие, достигнутое структурной реорганизацией общества, обеспечивает возможность правильного функционирования производительных сил хотя бы первоначально на суженном базисе. Следующей ступенью является революция технических методов, то-есть нарастание производительных сил, изменение и быстрое улучшение общественной рационализированной техники.

Само собою разумеется, что когда мы говорим об этих этапах революционного развития, то речь идет о центре тяжести каждого исторического этапа, о преобладающей его характеристике, о *типичных чертах* данной фазы. В этих пределах такого рода закономерность, выведенная дедуктивным путем, опять-таки получила на опыте русской пролетарской революции свое первое опытное подтверждение. Непонимание этой смены периодов приводит к заключениям поистине чудовищным и теоретически неприличным [1]).

Нам необходимо теперь рассмотреть общие принципы коммунистического строительства. Совершенно ясно, что ближайшей эпохой должна быть эпоха *диктатуры пролетариата*, которая будет иметь *формальное* сходство с эпохой диктатуры буржуазии, то-есть быть государственным капитализмом *наизнанку*, *его*

---

[1]) Образцом такого теоретического неприличия, к величайшему сожалению, являются последние (1918 г.) «произведения» *проф. Р. Ю. Виппера*. В сборнике «Гибель европейской культуры», вышедшем в издании «Знание—сила», где нет ни силы, ни знания, почтенный профессор, не понимая *перспективы*, обобщает первые фазы процесса и поэтому говорит вещи, прямо комичные. «Погибла вера в соединение пролетариев всех стран... Рушилось ожидание скорой социальной революции... Капиталистический класс... не готовит себе неминуемой гибели...» («Крушение гордыни века», стр. 75 сборника). Издано в 1918 году! В статье «Социализм или мещанство», где храбрый автор критикует Коммуну и клевещет на нее с усердием, достойным лучшей участи, и где под псевдонимом парижских коммунаров по существу изображены русские коммунисты, мы находим, напр., такой вопрос: «Отчего не пробовали они (коммунары; читай: большевики) побудить к усиленному труду именно теперь, когда из города ушли многие хозяева фабрик, следовательно, исчезли «угнетавшие рабочих эксплоататоры», отчего они потворствовали безделью и бесконечным прогулам» и т. д., и т. д. Разве не комично это звучит уже в 1920 году, в год трудовых армий, коммунистических субботников, трудовой дисциплины? «Соль земли», как скромно аттестует себя профессор, имеет поистине куриный «интеллект», по крайней мере в определенную историческую эпоху.

диалектическим превращением в свою собственную противоположность.

Рассмотрим прежде всего самые общие условия равновесия на новом базисе. В наличности имеется сильно потрепанный материально-технический остов производства (централизованные средства производства, отчасти разрушенные процессом отрицательного расширенного воспроизводства во время империалистской, затем гражданской войны, а также расстроенные в силу распада людского технического аппарата). Но это относится к производительным силам. В области производственных отношений имеются распавшиеся звенья-пласты иерархической технико-социальной лестницы. Период краха, как мы видели, не означает здесь *уничтожения элементов*; он означает уничтожение связи между ними. Элементы, как таковые, тоже отчасти гибнут (от гражданской войны, истощения, преждевременного снашивания, недоедания и т. д.), но не это составляет основной момент периода краха. Точно также можно сказать, что более или менее сохраняются *внутригрупповые связи* (между рабочими, в отношениях внутри класса; между инженерами, техниками, то-есть членами «нового среднего сословия» и т. д.). Они, как мы указывали выше, в известном отношении даже *возрастают и уплотняются* в среде пролетариата. Пролетариат, как класс, воспитывается, сплочивается, организуется в этот период с чрезвычайной интенсивностью и быстротой. Следовательно, пролетариат, как совокупность отношений производства, составляет остов всего здания. Но проблема общественно-производственной организации заключается в *новом сочетании старых элементов.* Каких именно?

Нетрудно видеть, что та, в сущности, надпроизводственная верхушка капиталистического общества, производственное положение которой выражалось в том, что она была вне производства (всевозможные виды рантье, лиц, стригших купоны) [1]), оказывается непригодной для строительства; она либо гибнет, либо должна быть всосана другими группами. Ех-буржуазия *организаторского типа* и ниже ее стоящая *техническая интеллигенция*—материал, явно необходимый для строительного периода: это социальный сгусток организационного и техническо-

[1]) Их характеристику см. в книге *Н. Бухарина*: «Политическая экономия рантье».

научного опыта. Совершенно очевидно, что обе эти категории должны быть размещены по-иному. Как и при каких условиях это возможно?

Прежде всего заметим, что структурно это есть решающий, можно сказать, самый основной вопрос. И совершенно не случайно в зрелый период русской социалистической революции проблема «специалистов» играла такую важную роль.

Мы знаем, что социальные связи прежнего типа живут в виде идеологического и психологического сгустка в головах людей этой категории. «Здоровый капитализм» маячит перед ними с упорством навязчивой идеи. *Следовательно, предварительным условием самой возможности нового общественно-производственного сочетания должно быть распадение связей прежнего типа в головах этой технической интеллигенции.*

Процесс этого «выветривания» крайне мучителен и болезнен. Он сопровождается частичным разрушением технической интеллигенции. Последняя ведет ожесточенную борьбу за прежний тип распадающейся и насильственно разрубаемой связи. Она противится *новому* типу сочетания социально-производственных пластов, ибо здесь главенствующее место занимает *пролетариат*. Функциональная *техническая* роль интеллигенции *срослась* с ее монопольной позицией, как социально-классовой группы, позицией, которая может быть монопольной à la longue только при господстве капитала. Поэтому сопротивление этого слоя неизбежно, и в преодолении этого сопротивления—основная внутренняя проблема строительного фазиса революции. При решающем значении производственных отношений внутри рабочего класса, который непрерывно перевоспитывает себя и *продолжает* процесс «Bildung der revolutionären Assoziation», вся работа взваливается на плечи рабочего класса и его собственной, пролетарской интеллигенции, воспитанной всем ходом революционной борьбы. Новое сочетание, т.-е. соподчинение технической интеллигенции пролетариату проводится неизбежно путем принудительной силы пролетариата, при саботаже этой интеллигенции. Относительная устойчивость системы получается лишь по мере выветривания аккумулированных связей старого типа и медленного усвоения новых отношений и нового типа связи в головах этой социальной категории.

Здесь прежде всего необходимо теоретически анализировать совокупность новых складывающихся отношений производства.

Ибо возникает такой кардинальной важности вопрос: *как вообще возможно иное сочетание людских технико-производственных элементов, раз сама логика производственного процесса требует совершенно определенного типа связи?* Ведь не может инженер или техник не отдавать приказания рабочим, а, следовательно, он должен стоять *над* ними. Точно также не может бывший офицер в Красной армии не стоять над рядовым солдатом этой армии. И тут, и там есть внутренняя, чисто техническая, деловая логика, которая должна быть сохранена при каком угодно строе. Как решается это противоречие?

Здесь нужно обратить внимание на целый ряд обстоятельств, к рассмотрению которых мы и переходим.

Прежде всего, при государственной власти пролетариата и пролетарской национализации производства исчезает процесс создания прибавочной ценности, как специфической категории буржуазного общества. Техническая интеллигенция в капиталистическом обществе, выполняя организаторские функции в процессе производства, в то же самое время *социально* была *передаточным механизмом* выжимания прибавочной ценности, как особой капиталистической категории дохода. Иначе и не могло быть: ибо процесс капиталистического производства есть в то же время и прежде всего процесс производства прибавочной ценности. Техническая интеллигенция была, следовательно, средством в руках капиталистической буржуазии и выполняла общие ее задания. Ее *пространственно-определенное место* в общественно-трудовой иерархии совпадало с ее функцией орудия по выжиманию прибавочной ценности. С диалектическим превращением буржуазной диктатуры в диктатуру пролетарскую, техническая функция интеллигенции из капиталистической превращается в общественно-трудовую, а создание прибавочной ценности превращается в создание (при условии расширенного воспроизводства) прибавочного продукта, идущего на расширение фонда воспроизводства. Параллельно этому меняется *основной тип связи, хотя и в иерархической схеме интеллигенция сохраняет то же «среднее» место.* Ибо высшая государственно-экономическая власть [1]) представляет из себя концентрирован-

[1]) Мы говорим «государственно-экономическая», потому что на этой стадии развития «экономика» сливается с «политикой», а государство теряет свой исключительно политический характер, становясь и органом экономического администрирования.

ную социальную мощь пролетариата. Здесь, с одной стороны, техническая интеллигенция стоит над огромными частями рабочего класса, но, с другой стороны, она, в конечном счете, *подчиняется* его коллективной воле, находящей свое выражение в государственно-экономической организации пролетариата. Превращение процесса создания прибавочной ценности в процесс планомерного удовлетворения общественных потребностей *находит свое выражение в перегруппировке производственных отношений, несмотря на формальное сохранение того же места в производственно-иерархической системе, которая в ее целом носит принципиально иной характер, характер диалектического отрицания капиталистической структуры*[1], *и которая, поскольку она разрушает социально-кастовый характер иерархии, ведет к уничтожению иерархии вообще.*

Во-вторых, *относительно устойчивое* сосуществование господствующего пролетариата и технической интеллигенции происходит *после ее временного фактического выпадения из производственного процесса.* Прочно она возвращается лишь по мере выветривания из ее коллективной головы старых аккумулированных связей. Следовательно, в новое общественно-техническое здание входит интеллигенция, внутренне перерожденная, по всем правилам Гераклита Темного. Ее возвраще-

---

[1]) «Капитализм создал «многочисленный класс промышленных и коммерческих руководителей» (Маркс), которые образуют особую категорию специалистов, находящихся в услужении у буржуазии. Эта промышленная бюрократия, не принадлежа прямо к классу капиталистов, связана с ним теснейшими узами. Она воспитана буржуазией, получает от нее министерские оклады, участвует в учредительных прибылях и в распределении дивидендов, вкладывает свои «сбережения» в акции и паи, и по мере того, как капитал обезличивается в акционерных обществах, по мере того, как все большее влияние приобретают оборотистые люди, умеющие использовать *чужой* капитал, она все теснее и теснее примыкает к капиталистической «семье» и проникается ее интересами.

И потому, если брать их на службу,—а это неизбежно и необходимо,— нужно, во всяком случае, совершенно устранить ту почву, обстановку, с которой они срослись. *Нельзя оставлять их в прежней общественной связи»* (*Н. Осинский*, l. c., стр. 54—55). См. также статью т. *М. Вindельбота*: «Тресты и синдикаты и современные производственные объединения», «Нар. Хоз.», 1919, № 6, особенно стр. 31.

ние есть не повторение пройденного, а *диалектический* процесс [1]).

В-третьих, поскольку создается новая система людских аппаратов, то,—как явствует из всего предыдущего анализа,—такие аппараты должны быть основаны на созревших в лоне капитализма и в шуме классовых битв *организациях рабочего класса:* советы, профессиональные союзы, партия рабочего класса, стоящая у власти, фабрично-заводские комитеты, специальные, созданные после захвата власти экономические организации, с многочисленным относительно кадром организационно-технически квалифицированных рабочих. Это—*основная сеть* всеобщей «revolutionäre Assoziation», которая поднялась теперь снизу наверх. Но в то же время это есть среда, в *порах которой должна функционировать техническая интеллигенция.* Раньше техническая интеллигенция и крупные буржуазные организаторы составляли основную ткань производственных отношений высшего порядка, системы экономического администрирования (синдикаты, картели, тресты, органы государственно-капиталистического управления). При пролетарской диктатуре *основную* ткань образуют различные комбинации поднявшихся снизу и вновь образованных пролетарских организаций.

Наконец, в-четвертых, в такой системе техническая интеллигенция начинает терять свой социально-кастовый характер, поскольку из среды пролетариата поднимаются все

---

1) С этой точки зрения совершенно ясна принципиальная разница между оставлением старых специалистов правительством Носке-Шейдемана и вовлечением их в дело строительства Советской Республики. Там они берутся в их прежней «общественной связи» и в условиях демократизированной буржуазной власти; здесь они берутся в иной связи и при господстве пролетариата. Там они оставляются «на месте». Здесь они *возвращаются* на только *формально* «старое» место и в значительной степени с новой психологией. Тов. *Осинский* совершенно правильно замечает: «Недопустимо, чтобы они (т.-е. «специалисты») были представителями враждебного класса, посредником между пролетарской диктатурой и финансовым капиталом» (1. с., 56). При их диалектическом *«возвращении»* это практически исключено, ибо это предполагает и распад старых общественно-производственных связей, и распад старой идеологии технической интеллигенции. Читатель, конечно, поймет, что у нас речь идет не о резко отграниченных периодах, а о текущих процессах, «тенденциях».

новые и новые слои, которые постепенно становятся рядом со «старой» технической интеллигенцией.

Таким путем устанавливается вновь равновесие общества. Господство пролетариата, сопровождающееся его самовоспитанием и самодисциплиной, обеспечивает возможность трудового процесса, несмотря на колоссальные объективные затруднения. Структурное равновесие достигается новым сочетанием социально-производственных людских элементов и подчинением интеллигенции верховному руководству пролетарского государства.

Остановимся теперь несколько на общем вопросе о структуре административно-экономических и административно-технических аппаратов государственной власти пролетариата. При государственно-капиталистических производственных отношениях все организации буржуазии (синдикаты, тресты, картели и проч.) соподчиняются государственной власти и сливаются с ней. При разрушении буржуазной и при организации пролетарской диктатуры разрушаются и эти административные аппараты. Организации трестов, государственных регулирующих органов старого общества и т. д. распадаются. Как правило (теоретически мы доказали это в предыдущей главе) они не могут быть взяты в качестве «целых аппаратов». Но это не значит, что они не сыграли своей исторической роли. Ибо весь сложнейший совокупный ряд этих иногда весьма тонких организаций, своими щупальцами охватывавших всю общественно-экономическую жизнь, играл объективно роль винта, усиливавшего и ускорявшего процесс централизации средств производства и централизации пролетариата. С другой стороны, при распаде этих аппаратов остается их материально-технический, вещественный остов. И точно так же, как, рассматривая дело в его общем масштабе, пролетариат берет прежде всего централизованные средства производства, т.-е. материально-технический остов капиталистического производства, который выражается, главным образом, в системе машин и, как говорил Маркс, в «сосудистой системе» аппаратов, так здесь пролетариат овладевает не людской, а *вещественной* частью старой административной системы (зданиями, конторами, канцеляриями, пишущими машинками, всем вообще инвентарем; книгами, по которым можно легче ориентироваться, и, наконец, всевозможными материально-символическими приспособлениями, как диа-

граммы, модели и т. д.)[1]. Овладев этим, в числе прочих «централизованных средств производства», он строит свой аппарат, основу которому дают *рабочие организации*.

В наличии у рабочего класса имеются следующие организации: *советы рабочих депутатов*, превращающиеся из орудия борьбы за власть в орудия власти; *партия коммунистического переворота*, spiritus rector пролетарского действия; *профессиональные союзы*, из орудий борьбы с предпринимателями превращающиеся в один из органов по управлению производством; *кооперативы*, трансформирующиеся из орудия борьбы с торговым посредничеством в одну из организаций общераспределительного государственного аппарата; *фабрично-заводские комитеты* или им подобные организации («Betriebsräte» в Германии, «workers committees» и «shop stewards committees» в Англии), которые из органов борьбы рабочих с предпринимателями на месте делаются подсобными ячейками общепроизводственного администрирования.

Сеть этих, а также *специально создаваемых* на их основе *совершенно новых* организаций и составляет организационный хребет нового аппарата[2]).

---

[1]) В системе организационной науки («System der Organisationslehre») инж. *Beck* в числе «технических средств» различает две группы: средства для взаимного понимания («Verständigungsmittel») и средства деятельности («Betätigungsmittel», в особенности орудия труда). К числу «Verständigungsmittel относятся, между прочим: «Zeichen, Farbe, Bild, Schrift und Sprache» («Sozialisierung, als organisatorische Aufgabe», S. 38). Практика русской революции целиком подтверждает дедуктивно полученные положения текста. Один из старейших синдикатов, сахарный, развалился вплоть до организации отдельных заводов. То же и в других. О металлургии см. *Виндельбот*, l. c., «Нар. Хоз.», 1919, №№ 6 и 9—10.

[2]) Тов. *Г. Цыперович*, во 2-м издании своей книги: «Синдикаты и тресты в России» (издание Всеросс. Центр. Совета Професс. Союзов, Москва, 1919) наглядно демонстрирует, до чего тяготеют над людьми, даже революционно мыслящими, привычные представления «органической» эпохи. Его теоретические построения представляют экономические организации пролетарского администрирования не *новыми* аппаратами, а аппаратами, ведущими свою родословную от аппаратов буржуазии. А между тем *каждая строка* приводимого им самим фактического материала стоит в вопиющем противоречии с этим представлением и *целиком* подтверждает *нашу* точку зрения. Логически это связано и со странной теоретической путаницей в общей оценке эпохи,

В данных условиях перед нами имеется, прежде всего, диалектическое *изменение функций рабочих организаций.* Совершенно ясно, что *с перестановкой* отношений господства иначе быть не может, ибо рабочий класс, взявший в свои руки государственную власть, неизбежно должен стать и силой, выступающей, как *организатор производства*[1]).

Мы теперь должны поставить вопрос об общем принципе организационной системы пролетарского аппарата, т.-е. о соотношениях между различными видами пролетарских организаций. Совершенно ясно, что формально для рабочего класса здесь необходим тот же метод, что и для буржуазии в эпоху государственного капитализма. Этот организационный метод состоит в соподчинении всех пролетарских организаций наиболее всеобъемлющей организации, то-есть государственной организации рабочего класса, *советскому государству пролетариата.* «Огосударствление» профессиональных союзов и фактическое огосударствление всех массовых организаций пролета-

---

о чем мы будем иметь случай говорить в другой главе. Приведем примеры. Вот что пишет тов. *Цыперович* о Высшем Совете Нар. Хозяйства и о совнархозах вообще: «Составленные из представителей рабочих организаций и лишь возглавляемые доверенными лицами от партийных центров, эти верховные органы хозяйственного управления страной по существу являлись преемниками Экономического Совета Временного Правительства» (т.-е. правительства Керенского и К°). Что это значит? И как понять преемство «по существу»? Совершенно ясно, что здесь налицо полное *разрушение* старой и создание совершенно *новой* организации. «Существо» состоит лишь в административной функции. Однако, тов. *Цыперович* говорит и о синдикатах, и о трестах в Советской Республике, как о старых аппаратах, у которых лишь «само содержание... должно существенно измениться» (стр. 170). Тов. Цыперович совершенно не замечает, что наши производственные объединения, это—совершенно *другие* организационные аппараты, что они выросли *на костях* умерших, развалившихся, распавшихся капиталистических аппаратов. Мы приглашаем читателей проштудировать с этой точки зрения последние главы книги Цыперовича, чтобы убедиться еще раз в полной наивности старых представлений.

[1]) Социалдемократические оппортунисты прямо издеваются над революционно-марксистским методом, когда они утверждают, что изменение функций означает изменение *классовой* характеристики. Пролетариат в эпоху диктатуры ведет классовую борьбу, но он ведет ее как господствующий класс, как класс-организатор и творец, как класс-строитель нового общества. Эта азбука марксизма тем не менее книга за семью печатями для всех апологетов «здорового капитализма».

риата вытекает из самой внутренней логики трансформационного процесса. Мельчайшие ячейки рабочего аппарата должны превратиться в носителей общеорганизационного процесса, планомерно направляемого и руководимого коллективным разумом рабочего класса, получающим свое материальное воплощение в высшей и всеобъемлющей организации, его государственном аппарате [1]). Так система государственного капитализма диалектически превращается в свою собственную противоположность, в государственную формулировку рабочего социализма.

Никакая новая структура не может родиться прежде, чем она стала объективной необходимостью. Капиталистическое развитие и крах капитализма завели общество в тупик, прекратили производственный процесс, самую основу существования общества. Возобновление производственного процесса стало возможным только при господстве пролетариата, и потому его диктатура есть объективная необходимость.

Устойчивость рождающегося нового общества может быть достигнута лишь при максимальном соединении, контакте, совокупном действии всех организующих сил. И потому точно так же необходима та общая форма всерабочего аппарата, о которой мы говорили выше. Из кровавого чада войны, из хаоса и обломков, из нищеты и разорения растет здание нового гармоничного общества.

---

[1]) Тупые «критики» справа любят издеваться над нашими союзами, газетами, праздниками, как над «казенными», стыдливо умалчивая о том, что при пролетарской диктатуре казна есть *рабочая* казна. Этим лишь прикрывается страстное желание, чтобы «казна» находилась постоянно в руках классовых противников пролетариата.

ГЛАВА V.

Город и деревня в процессе общественной трансформации.

1. Процесс отрицательного расширенного воспроизводства и сельское хозяйство. 2. Производственные отношения и сельское хозяйство. 3. Государственный капитализм в сельское хозяйство. 4. Крах капиталистической системы, город и деревня. 5. Предпосылки социализма в сельском хозяйстве и общие принципы социалистического строительства.

«Основой всякого развитого и обусловленного товарным обменом разделения труда является разграничение между городом и деревней. Можно сказать, что вся экономическая история общества построена на движении этой противоположности» [1].

Эту характеристику Маркса необходимо иметь в виду в переходный период более, чем когда бы то ни было. Ибо если в «нормальный» период капиталистического развития, т.-е. при данной заранее относительной пропорциональности между «городом» и «деревней»,—поскольку речь идет о распределении общественных производительных сил, необходимом для равновесия всей системы,—если в этот период можно было рассматривать производственны процесс в его абстрактной форме, как процесс производства ценности и прибавочной ценности, то теперь этого недостаточно.

Вещественно-натуральная точка зрения получает решающее значение, а вместе с ней приобретает и исключительную важность деление общественного производства на разного рода сферы «конкретного» труда и в первую голову на индустрию и сельское хозяйство. Растущая диспропорциональность между этими отраслями хозяйственной системы обнаруживалась еще и до войны; империалистские поиски «хозяйственного дополнения», то-есть аграрной базы для индустриальных стран,—это в сущности есть проявление того самого противоречия

---

[1]) *Karl Marx*, Kapital, B. I, S. 299 [(Volksausgabe): «Die Grundlage aller entwickelten und durch Waarenaustausch vermittelten Teilung der Arbeit ist die Scheidung von Stadt und Land. Man kann sagen, dass die ganze ökonomische Geschichte der Gesellschaft sich in der Bewegung dieses Gegensatzes zusammenfasst».

между «городом» и «деревней», о котором говорил Маркс, но уже в мировом масштабе [1]). Проблема *сырья*—основная проблема современности—и проблема *продовольствия* являются самыми жгучими проблемами. Все это заставляет выделить вопрос о городе и деревне, как вопрос, нуждающийся в особом анализе.

Прежде всего мы должны проследить, каким образом отразился на сельском хозяйстве *процесс расширенного отрицательного воспроизводства*.

Рассмотрим сперва процесс изолированно. Само собой разумеется, что здесь по существу наблюдаются те же явления, что и в индустрии. Война отвлекает громадное количество производительных сил: она перемещает рабочие руки, отвлекая их от производительного труда; она отнимает сельскохозяйственный инвентарь; она лишает сельское хозяйство животной рабочей силы, сокращает количество скота, уменьшает количество удобрения; она уменьшает площадь годной для обработки земли; извлекая рабочую силу, которая в сельском хозяйстве играет более значительную относительно роль, чем в индустрии (ибо органический состав «капитала» здесь ниже), она сужает базис производства и воспроизводства. Сужение производственного базиса находит свое выражение в падающем количестве производимых продуктов. Такова общая картина.

Но процесс сельскохозяйственного воспроизводства реально не есть отдельный и изолированный процесс воспроизводства. *Это есть часть общего процесса*, который предполагает «обмен веществ» между городом и деревней. Следовательно, поскольку речь идет о воспроизводстве средств производства, сельско-

---

[1]) Из этого вовсе не следует, как это думает *Каутский* (см. его статьи об империализме в Neue Zeit), что корни империализма лежат исключительно в этой сфере. С точки зрения условий воспроизводства важно изменение во всех трех частях формулы $\underbrace{(Д—T\ (Ср.\ пр.+раб.\ сила)....}_{I}$
$\underbrace{П......}_{II}\underbrace{T'—Д'}_{III}$. Первой части формулы соответствуют «рынки сырья» и «дешевой рабочей силы», второй—сферы приложения капитала, наконец, третьей—рынки сбыта. Изменение происходит в этих *трех* областях, и, соответственно этому, по трем линиям направляется борьба империалистских тел.

хозяйственное производство зависит от условий воспроизводства в индустрии (машины, орудия труда, искусственное удобрение, подача электрической энергии и так далее). Расширенное отрицательное воспроизводство в индустрии обостряет аналогичный процесс в сельском хозяйстве. И, наоборот, пониженное количество средств потребления, являющихся элементами воспроизводства рабочей силы, обостряет, с своей стороны, процесс расширенного отрицательного воспроизводства в индустрии. Как единый процесс, расширенное отрицательное воспроизводство выражается во все понижающемся количестве всего комплекса производимых продуктов (всех средств производства и всех средств потребления).

Сокращение производственного базиса выражается здесь парадоксальным образом в повышении денежной «рентабельности» сельского хозяйства [1]). Однако повышение цен на продукты сельского хозяйства сопровождается не меньшим (а по правилу даже и большим) повышением цен на продукты индустрии. Тем не менее сельское хозяйство за время войны быстро избавлялось от задолженности, накопляло капитал в денежной форме и накопляло запасы продуктов. Это противоречие, как совершенно правильно отмечает проф. Ледерер, объясняется тем, что возросшие гигантски цены на продукты индустрии были функцией такого уменьшения их реального количества, что сельское хозяйство не могло их получить вообще. Отсюда следует, что производственный базис сельского хозяйства сохранился лучше, чем производственный базис в

---

[1]) *Emil Lederer* («Die ökonomische Umschichtung im Kriege». Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», Krieg und Wirtschaft. Heft 7, 1918, S. 34) приводит такую таблицу, иллюстрирующую «Verschiebung in der Rentabilität»:

	Валовой доход.	Издержки (Kosten).	Чистый доход.
Перед войной	100	75	25
Теперешний минимум	200	95	105
Вероятная средняя	250	95	155
Максимум	300	95	205

«Die weitaus höheren im Schleichhandel erzielten Preise müssten... noch höhere Erträge gezeitigt werden». Так как разница между ценами на «вольном» рынке и твердыми ценами растет, то само собой разумеется, что действительная «Verschiebung» гораздо больше.

индустрии, что сельское хозяйство, несмотря на процесс отрицательного расширенного воспроизводства, реально располагает относительно гораздо большими продуктными массами, чем индустрия. Это—довольно существенное отличие, которое не может не сказываться и в период распада капиталистической системы.

Самым существенным отличием является, однако, *экономическая структура* этой важнейшей отрасли производства. Своеобразием этой структуры является крайняя *пестрота* хозяйственных типов, которая отражает и выражает *относисительно слабую степень обобществления труда*. В общем и целом мы можем выделить здесь такие категории: крупно-капиталистическое хозяйство, основанное на наемном труде; капиталистическое крестьянское хозяйство («кулак», «Grossbauer»), точно так же употребляющее наемный труд и держащееся на нем; «трудовое» крестьянское хозяйство, не эксплоатирующее наемного труда; наконец, парцелярное хозяйство полупролетариев. Различные сочетания отношений между *людскими элементами* этих типов дают крайне неоднородную картину. В рамках крупно-капиталистического хозяйства мы наблюдаем приблизительно ту же производственно-социальную иерархию, что и в промышленности: экономическая конституция латифундии в общем та же, что и конституция фабрики; вверху—капиталист-предприниматель; далее—главный управляющий (директор); затем штат квалифицированной интеллигенции (агрономы, бухгалтера и т. д.); еще ниже—«служащие»; за ними—квалифицированные рабочие (при сельскохозяйственных машинах, на подъездных путях, электрических станциях и т. д.) и, наконец, «чернорабочие». Иное соотношение—в хозяйстве кулака или Grossbauer'а, где обычно производственная лестница ограничивается двумя категориями: хозяином и рабочим. «Трудовое» хозяйство не знает иерархической лестницы, а хозяйство полупролетария людским своим составом образует низшее звено иерархической лестницы другого хозяйства—латифундии, фабрики или завода. В предыдущих главах мы видели, что основным моментом, определяющим возможность *непосредственной* рационализации производства, является (в какой угодно формулировке—государственно-капиталистической или социалистической) обобществленный труд. Ясно поэтому, что уже система государственного капитализма дол-

жна была по отношению к сельскому хозяйству принять несколько иной «организационный вид».

Само собой разумеется, что потребность для буржуазии включить сельское хозяйство в государственно-капиталистическую систему была прямо колоссальна. Ибо сельское хозяйство—в момент потрясений особенно—есть решающая производственная отрасль: можно жить без сюртуков, электрических лампочек или книг, но нельзя жить без хлеба. Армия может быть разута, но она не может существовать на пище св. Антония. Следовательно, моменты, толкавшие в сторону государственно-капиталистической организации, были налицо в обостренной степени. А в то же время непосредственная возможность рационализации производства была как раз наиболее слаба.

Как решал эту задачу капитализм?

Двумя путями: во-первых, *путем огосударствления части крупных производственных единиц;* во-вторых, *путем косвенного регулирования процесса производства через процесс обращения.*

Из вышеприведенного довольно ясно вытекает относительная «слабость» первого метода. Правда, у капиталистического государства уже были в распоряжении некоторые отрасли сельскохозяйственного производства (напр., государственные леса), но у него не было таких опорных пунктов, как, например, тресты в промышленности. Поэтому размах непосредственной буржуазной национализации *производства* был относительно узок и совершался обычно в формах разного рода «коммунализаций» и «муниципализаций». Тем большее значение приобретал второй метод: регулирование производства через *регулирование процесса обращения или организацию распределения.* Государственная хлебная монополия, карточная система на продукты сельского хозяйства, обязательная сдача продукта, твердые цены, организованный отпуск продуктов промышленности и т. д. и т. п.,—все это в конечном счете направляло развитие *в сторону* огосударствления производства. Здесь мы наблюдаем более отсталый тип развития, начальные стадии организационного процесса, который, как и в индустрии, исходной точкой имел именно процесс обращения (корнеры, ринги, синдикаты).

В этой области государственно-капиталистическая система могла уже опираться на синдикатообразные сельскохозяйственные объединения особого типа, в первую очередь на *коопе-*

ративы. Через регулирование процесса обращения в сущности регулировался и механизм сельскохозяйственного производства в его целом, включая даже мелкое индивидуальное хозяйство. Система «свободной торговли» сельскохозяйственными продуктами была подорвана в корне. Правда, специфические условия сельского хозяйства, крупный удельный вес мелкого и среднего товаропроизводящего хозяйства создавал и здесь большие трудности, что выражалось в «нелегальном», «вольном» рынке, спекулятивной торговле из-под полы (Schleichhandel, как называют это немцы); но все же, пока была крепка система государственно-капиталистической организации *в целом*, и сельское хозяйство входило в *общий* аппарат, основной частью которого была организованная индустрия [1].

Отсюда вытекает такое положение: *крах системы государственного капитализма, поскольку он отправной своей точкой имеет распад производственных отношений в индустрии, означает также и крах этой системы в отношении к сельскому хозяйству.*

Гниение государственно-капиталистического аппарата выражается здесь в его постоянном прорыве спекулятивной торговлей продуктами сельского хозяйства. Революционный разрыв связок способствует на первых порах—*обособлению города и деревни.*

Между городом и деревней в эпоху государственного капитализма можно различать такого рода связи: 1) связи кредитно-денежного, финансово-капиталистического типа (гл. образом, через банковые институты); 2) государственные и коммунальные организационные аппараты; 3) самый реальный процесс обмена

---

[1]) На русском языке об этом см. брошюру тов. *Ю. Ларина:* «Утописты минимализма и действительность». Книгоизд. «Социалист», Петроград, 1917. В этой брошюре т. Ларин совершенно правильно замечает: «Словом, если само земледелие *изнутри* недостаточно созрело в организационном отношении,—то у современного германского... капитализма оказался достаточный запас материальных и общественных организационных сил, чтобы сверху и *извне* объединить и связать сельское хозяйство в единый планомерно управляемый организм. Иначе сказать, материальную «зрелость» страны надо рассматривать не с точки зрения необходимости довести предварительно до технически-организационной зрелости каждую отрасль хозяйства в ее изолированном виде,—а как производную общего состояния всех ее производительных сил в их среднем итоге». (стр. 17—18).

между городом и деревней, идущий частью через и посредством организованных аппаратов, частью помимо них. Рассмотрим теперь, что неизбежно и неотвратимо должно произойти при завоевании власти пролетариатом в сфере отношений между городом и деревней.

Связи кредитно-денежного и финансово-капиталистического типа рвутся при завоевании власти пролетариатом целиком, бесповоротно и навсегда. При захвате банков кредитные отношения ломаются и ни о каком «восстановлении кредита» не может быть и речи, ибо нарушена вся основная система привычных отношений, исчезло всякое «доверие», а государство пролетариата представляется в буржуазном сознании, как коллективный бандит.

Государственные и коммунальные аппараты точно так же распадаются на составные элементы вместе с распадом почти всех государственных механизмов старого типа. Тот аппарат, который выражал гегемонию индустрии над сельским хозяйством и города над деревней (в капиталистической формулировке), перестает существовать, как стройная организационная система.

Наконец, *реальный процесс обмена*, который выражает единство «народного хозяйства», страшно уменьшается по своим размерам. После подробного анализа распада капиталистической индустрии, нетрудно понять, почему это происходит. Уже процесс отрицательного расширенного воспроизводства во время империалистской войны подорвал базу обмена, сократив до минимума количество продуктов, выбрасываемых городом, то-есть реальный продуктный эквивалент, необходимый деревне. С крахом капиталистического производственного аппарата процесс производства почти замирает: живут на старые запасы, остатки, еще уцелевшие от войны и доставшиеся в наследство пролетариату. Деньги, которые в «нормальное» время представлялись самоценностью, окончательно обнаруживают себя как посреднический знак, не имеющий самостоятельной ценности. Следовательно, для лиц, командующих массами сельскохозяйственных продуктов, теряется почти всякий стимул к доставке их в города. *Общественное хозяйство распадается на две автономные сферы: голодающий город и деревня, имеющая—несмотря на частичное разрушение производительных сил—довольно значительное количество никуда несбываемых продуктных «излишков».* Распад всей общественно-производственной системы до-

стигает своего кульминационного пункта. Этот фазис «экономической истории общества» выражается в обособлении двух главных подразделений общественного труда—обстоятельство, при котором дальнейшее существование общества становится невозможным.

Но, прежде чем перейти к анализу условий *нового равновесия*, необходимо рассмотреть те основные формы, которые принимает крах капиталистической системы *внутри* самой «деревни».

Здесь сразу бросается в глаза следующее положение: при относительной устойчивости «деревни» и наличности довольно значительной продуктной массы процесс распада отношений внутри сельскохозяйственного производства должен итти гораздо медленнее; с другой стороны, поскольку здесь налицо такая пестрота хозяйственных формаций, какой не знает крупно-капиталистическая индустрия, постольку и самая форма трансформационного процесса во всех его фазисах будет отлична от того процесса, который мы анализировали в предыдущих главах.

Возьмем сперва крупно-капиталистические хозяйства. Здесь процесс разрыва связей наиболее похож на то, что происходит в индустрии. Однако с некоторыми модификациями. Во-первых, здесь он совершается медленнее, чем в городе. Это происходит потому, что в сельском хозяйстве, на месте производства средств потребления, не так резко сказывается недопотребление рабочего класса. Переход на систему частичной натуральной оплаты фактически обеспечивает воспроизводство рабочей силы. и, следовательно, стимул для разрыва связи между людскими элементами системы значительно меньше. Во-вторых, сам пролетариат здесь далеко не так «вышколен» «механизмом капиталистического производственного процесса». Его состав (полукрестьянские элементы), методы работы (сезонный характер труда, гораздо большая пространственная разобщенность в трудовом процессе и т. д.)—все это мешает его «идеологическому революционизированию» и выработке «рабочего революционного плана». Однако эти факторы лишь замедляют общую линию развития, но не отрицают ее. Влияние города и организаций индустриального пролетариата дает внешний толчок к усилению самостоятельно-развивающегося процесса и, в конце концов, неизбежен разрыв капиталистических производствен-

пых отношений, разрыв, идущий по той же линии, что и в индустрии [1]).

Но разрыв деревенских производственных отношений идет и по другим направлениям, что обусловливается специфическими структурными особенностями деревенской экономики. Мы видели выше, что часть людского механизма (полупролетарские владельцы парцеллярных хозяйств) сами входят, как низшее звено капиталистической иерархии; другие элементы («середняки», «трудовое крестьянство») являются не только «конкурентом» крупного хозяйства на рынке: они часто служат объектом эксплуатации в прикрытой и затушеванной форме необычайно сложных и разнообразных отношений (аренда, ростовщичество, зависимость от земельных банков и т. д.). Здесь перед нами такая форма низших или низше-средних элементов трудовой иерархии, которая не имеет места в чисто капиталистической схеме и не представляет собою обобществленного труда, а приставлена, так сказать, сбоку. Тем не менее удельный вес ее весьма значителен, поскольку мы рассматриваем всю общественную систему в ее конкретной целокупности. Такой характер производственных связей, когда сбоку стоящие низшие звенья системы состоят из громадного количества самостоятельных хозяйств, определяет и тип распада связей, который выражается здесь *в борьбе между хозяйствами*, т.-е. в борьбе между трудовым крестьянством и полупролетариями с одной стороны, крупными крестьянами и полупомещиками—с другой. Конкрет-

---

[1]) *Karl Kautsky*, в своей последней книжке «Die Sozialisierung der Landwirtschaft» (Berlin, Paul Kassirer, 1919) пишет: «Die Revolution in den Städten ist an den Arbeitern auf dem flachen Lande nicht spurlos vorübergegangen. Es gäbe unsegliches Unheil, würden auch sie vom Streikfieber (!) ergriffen»... (S. 10). *Каутский* прав, когда он дальше предостерегает против *дележки* крупных имений между сельскохозяйственными рабочими. Но протестовать против «стачечной горячки»—это значит итти на поклон к *прусскому аграрию*. Ниспровержение капитализма в деревне есть такое же необходимое звено общего процесса, как и ниспровержение его в городе. В развитых капиталистических государствах без вовлечения масс сельскохозяйственного пролетариата в движение («стачечная горячка», как говорит Каутский, «стачечный азарт», как говорили когда-то наши меньшевики) немыслима победа рабочего класса, ибо аграрий—хотя бы это был и фон-Тюнен—не будет добровольно осуществлять даже программы Каутского. Непонимание этого, элиминирование классовой борьбы, есть основной грех Каутского и К°. См. также *Otto Bauer*, «Der Weg zum Sozialismus».

ное сочетание борющихся элементов может быть весьма разнообразным, в зависимости от удельного веса различных хозяйственных типов, в зависимости от вариаций этих типов (ибо это—категории крайне текучие, переходные, с массой оттенков и т. д.). Взятый *сам по себе*, изолированно от всего остального хозяйственного комплекса, этот разрыв связей таит в себе и возможность возврата к более примитивным формам, ибо активной силой здесь является как раз распыленный труд мелких собственников, а не обобществленный труд пролетариев. Но *в данном историческом контексте* он входит как составная часть общего процесса краха капиталистической системы [1]). Такова *аграрно-крестьянская революция*, значение которой тем больше, чем менее развиты капиталистические отношения. Эта борьба может сопровождаться и обычно сопровождается большой растратой сил и раздроблением материально-производственного базиса (частичный раздел крупных имений, инвентаря, скота и проч.) [2]), т.-е. *дальнейшим понижением производительных сил.*

Возникает теперь вопрос о том, *как возможно новое равновесие* с одной стороны, равновесие *внутри* самого сельского хозяйства, с другой—равновесие *между городом и деревней.*

Этот вопрос является решающим для судьбы человечества, ибо он наиболее важный и наиболее *сложный* вопрос [3]).

---

[1]) Здесь можно провести аналогию между вышеописанным процессом и распадом связей между развитыми метрополиями и их колониями. Колониальные восстания объективно таят в себе *возможность* нового капиталистического цикла развития, если рассматривать этот процесс изолированно. Но в общем комплексе явлений это—побочный продукт, и в то же время сильнейший фактор распада империалистской системы, как предварительного условия *социалистического* возрождения человечества.

[2]) См. статью т. *Гойхбарга*: «Обобществление сельского хозяйства», «Нар. Хоз.», 1919, № 5; также *Милютин*: «Социализм и сельское хозяйство»; *Н. Богданов*: «Организация советских хозяйств», «Нар. Хоз.», 1919, № 6.

[3]) Прав поэтому *Каутский*, когда он пишет (Sozialisierung der Landwirtschaft, Vorwort, S. 12): «Für uns ist das agrarische Problem das komplizierteste, aber auch das wichtigste der Revolution». Однако, вся беда Каутского как раз в том и состоит, что он не видит и не понимает именно всей *сложности* проблемы. Для него нет основного «осложняющего» фактора, классовой борьбы разных общественных группировок.

Мы уже видели, что общий тип *нового* равновесия должен быть вывернутым наизнанку (диалектическим отрицанием) типом равновесия в условиях системы государственного капитализма.

Прежде всего рассмотрим процесс *внутри* сельского хозяйства.

Разрыв связи между различными людскими элементами *крупно-капиталистического хозяйства* должен смениться организацией этих элементов в их новом сочетании. По существу здесь проблема того же порядка, что и в индустрии. Однако она осложняется двумя моментами: во-первых, частичным разрушением крупно-капиталистического хозяйства, как крупного хозяйства вообще; во-вторых, гораздо меньшей зрелостью самого сельскохозяйственного пролетариата. Первое неизбежно при наличии борьбы за землю со стороны крестьянства. Понятно, что величина уступок резко колеблется в зависимости от удельного веса крестьянства вообще и от его распределения по различным категориям. Второе—создает гораздо большее количество внутриорганизационных трений; процесс самовоспитания пролетариата идет медленнее.

Что касается равновесия в остальной сфере сельскохозяйственного производства, то оно имеет тенденцию установиться на базе уравнительного передела, как исходного пункта развития. Совершенно ясно, что такое состояние, взятое независимо от развития в городах, должно было бы дать толчок новому капиталистическому циклу «американского» типа. Эта возможность, однако, отпадает при ликвидации товарного хозяйства в городе и при социалистической организации в индустрии. Следовательно, диктатура пролетариата неизбежно сопровождается *скрытой или более или менее открытой борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархической тенденцией крестьянства.*

В каких формах, однако, может быть установлено организующее влияние пролетарского города? И как может быть достигнуто новое равновесие *между* городом и деревней?

Очевидно, что реальный процесс «обмена веществ» между

Логически это связано с непониманием того, что производственные отношения капиталистического общества суть в то же время и отношения *социально-классовые* и технически-трудовые.

городом и деревней только и может служить прочной и устойчигой базой для решающего влияния города. *Возобновление процесса производства в индустрии*, возрождение промышленности в ее социалистической формулировке, является таким образом необходимым условием более или менее быстрого втягивания деревни в организующий процесс.

Но так как возрождение индустрии само обусловлено притоком жизненных средств в города, то совершенно ясна абсолютная необходимость этого притока *во что бы то ни стало*. Это минимальное «равновесие» может быть достигнуто лишь a) *за счет части оставшихся в городах рессурсов* и b) при помощи *государственно-пролетарского принуждения*. Это государственное принуждение (изъятие хлебных излишков, натуральный налог или какие-либо другие формы) фундировано экономически: во-первых, непосредственно, поскольку крестьянство само заинтересовано в развитии индустрии, дающей ей с.-х. машины, инструменты, искусственное удобрение, электрическую энергию и т. д.; во-вторых, косвенно, поскольку государственная власть пролетариата есть лучшее средство охраны от восстановления экономического давления крупного землевладельца, ростовщика, банкира, капиталистического государства и проч. Следовательно, здесь государственное принуждение не есть «чистое насилие» дюринговского типа, и постольку оно является фактором, идущим по главной линии обще-экономического развития [1]). Поскольку индустриальный пролетариат опирается на формально-обобществленное (огосударствленное пролетариатом) крупное хозяйство, он непосредственно организует *производственный* процесс. Недостаток сельскохозяйственного инвентаря может побудить и часть сельских

---

[1]) Этого абсолютно не понимает «социолог» *Каутский*. В предисловии к своей, уже не раз цитированной нами книжке («Социализация сельского хозяйства»), он нападает на большевиков за то, что они дали крестьянству хозяйничать как ему угодно (стр. 10), и здесь обнаруживает свою полную безграмотность (ибо он не знает даже о советских хозяйствах). А на следующей (11) странице он обрушивается на них за то, что они «притесняют» крестьянство, отнимая излишки для города и армии. «Умный» Каутский не понимает даже значения войны против Деникина, не понимает того, что понятно самому темному крестьянину. Голая злоба против партии революционного коммунизма диктует мысли, достойные гимназиста второго класса из «хорошей семьи».

хозяев к производственному объединению (с.-х. коммуны, товарищества, артели). Но для главной массы *мелких производителей* втягивание их в организованный аппарат возможно, главным образом, через *сферу обращения*, следовательно, формально таким же путем, как и при системе государственного капитализма [1]). *Государственные и коммунальные* (которые теоретически нельзя противопоставлять государственным) *органы распределения и заготовок*—таков главный аппарат новой системы равновесия.

Здесь возникает вопрос о тех организациях крестьянства, которые еще в период капиталистического развития сплачивали распыленных производителей именно в процессе обращения, т.-е. *сельскохозяйственной кооперации*. Ведь, из анализа распада связей капиталистической системы в сельском хозяйстве выяснилось, что мелкое производство в процессе этого распада сохранило свою относительную устойчивость. Правда крестьянская кооперация имела тенденцию превратиться, а отчасти и целиком превратилась, в сельскохозяйственные синдикаты, во главе которых стояли капиталистически-помещичьи верхи. Постольку и аппарат кооперации должен был оказаться поврежденным. Точно так же ясно, что некоторые формы кооперации должны неизбежно лопнуть—такова судьба *кредитной* кооперации. Однако в то же время совершенно несомненно, что устойчивость крестьянского хозяйства должна найти свое выражение и в относительной устойчивости кооперативного крестьянского аппарата. Какова его дальнейшая судьба? Распадется ли он, как неизбежно распадается синдикат или трест? Или нет? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать более точно другую, основную проблему: борьбу между пролетариатом и крестьянством, как классовыми носителями различных хозяйственных типов.

«Основные силы—и основные формы общественного хозяйства (это): капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм... Основные силы (это)—буржуазия, мелкая бур-

---

[1]) «Angesichts des vorherrschenden Kleinbetriebes wird diese (d. h. Sozialisierung. N. B.) allerdings zunächst mehr auf eine Regelung des *Zirkulationsprozesses* zwischen Stadt und Land bedacht sein müssen, als auf eine Organisierung der *Produktion*» (*Kautsky*, l. c. S. 9).

жуазия (особенно крестьянство), пролетариат» [1]. «Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие. очень прочные корни базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом. Формы этой борьбы—мешечничество и спекуляция, направленные против государственной заготовки хлеба (а равно и других продуктов),—вообще против государственного распределения продуктов» [2]. Борьба за или против товарного рынка, как скрытая борьба за типы производства,—вот та экономическая обстановка в соотношении между городом и деревней, которая складывается в общем *после* захвата власти пролетариатом. Здесь есть глубокое различие с тем, что имеется в городе. В городах главная борьба за тип хозяйства *кончается* с победой пролетариата. В деревне она кончается, поскольку речь идет о победе над крупным капитализмом. Но в тот же момент она—в других формах—*возрождается*, как борьба между государственным планом пролетариата, воплощающего обобществленный труд, и товарной анархией, спекулятивной разнузданностью крестьянства, воплощающего раздробленную собственность и рыночную стихию. Но так как простое товарное хозяйство есть не что иное, как эмбрион капиталистического хозяйства, то борьба вышеописанных тенденций есть по существу продолжение борьбы между коммунизмом и капитализмом. Однако, так как в груди самого крестьянина живут две «души», и чем он беднее, тем больший удельный вес имеет пролетарская тенденция, то эта борьба осложняется и внутренней борьбой среди самого крестьянства.

Как отражается такое положение на судьбе крестьянского кооперативного аппарата? Ясно, что здесь дело обстоит иначе, чем в промышленности. Кооперативный аппарат может атрофироваться (при все возрастающем падении связи через обмен между городом и деревней); он может быть разрушен (при перевесе в деревне кулаков и при обостренной борьбе между ними и пролетариатом); он может быть всосан

---

[1]) *Н. Ленин*: «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». «Коммунистический Интернационал», 1919, № 6; 890.

[2]) Ibidem, стр. 891.

в обще-социалистическую организацию распределения и постепенно перестроен (при возобновлении реального процесса продуктообмена и решающем *экономическом* влиянии городов). Следовательно, здесь полный распад аппарата теоретически не обязателен.]

Таким образом, новое равновесие возникает здесь в непрерывной борьбе, и потому его установление медленно и болезненно. Процесс идет тем скорее, чем скорее восстанавливается воспроизводство в индустрии, чем скорее пролетариат приступает к наиболее глубокой задаче—*технической* революции, которая совершенно изменяет консервативные формы хозяйства и дает мощный толчок к обобществлению сельскохозяйственного производства. Но эта тема относится уже к следующей главе.

ГЛАВА VI.

Производительные силы, издержки революции и технический переворот.

1. Понятие производительных сил. 2. Производительные силы и общественное воспроизводство. 3. Производительные силы и кризисы. 4. Производительные силы и войны. 5. Производительные силы и революции. 6. Пролетарская революция, как необходимое условие устранения капиталистических противоречий. 7. Издержки пролетарской революции. 8. Формы издержек пролетарской революции и падение производительных сил. 9. Новое общественное равновесие и технический переворот. 10. Методы технического переворота. 11. Технический переворот, город и деревня.

В III главе мы уже касались в общем вопроса о производительных силах и издержках революции. Теперь нам необходимо этот вопрос разобрать подробно, так как от оценки его зависит решительно все. Ибо производительные силы общества, их уровень и их *движение* определяют, в конечном счете, весь комплекс общественных явлений. И прочность всякого *структурного* равновесия, т.-е. равновесия между различными общественно-людскими группировками, людскими элементами общественной системы, опирается на определенное равновесие

между обществом и внешней средой, равновесие, характер которого определяется ступенью в развитии общественно-материальных производительных сил.

Но прежде всего нужно дать ответ на вопрос, что такое производительные силы.

В «Нищете философии» Маркс писал: «Исходить из разделения труда *вообще* с надеждой объяснить таким образом происхождение специфического орудия труда—машины—значит впадать в явное противоречие с историей. Машины столь же мало можно считать экономической категорией, как, напр., быка, которого впрягают в плуг; их следует относить к *производительным силам* (наш курсив. Н. Б.). *Экономической* (наш курсив. Н. Б.) категорией, т.-е. общественным отношением производства, является не машина, а основанная на применении машин фабрика»[1]).

Тут Маркс под производительными силами разумеет, очевидно, вещественные и личные элементы производства и, сообразно с этим, категория производительных сил является категорией не экономической, а технической. С другой стороны, мы находим у него же и иное определение производительных сил. В I и III томе «Капитала» Маркс очень часто употребляет термин «производительные силы» совершенно в том же смысле, что выражение «производительность общественного труда»[2]). Однако Маркс, называя производительными силами производи-

---

[1]) *К. Маркс*. «Нищета философии», изд. III, перев. Алексеева. СПБ. 1906, стр. 134.

[2]) Ср., напр., «Das Kapital», B. I, Volksausgabe, SS. 451, 541—543 ff; так же III том, I часть, где дается анализ средней нормы прибыли. Пример: «Mit der Produktivkraft der Arbeit wächst die Produktenmasse, worin sich ein bestimmter Wert, also auch Mehrwert von gegebener Grösse darstellt. Je mehr die Produktivkraft der Arbeit zunimmt, um so mehr Mittel des Geniessens und Akkumulierens umfasst der Mehrwert» (539—540). Или, еще более определенно: «Jener Teil des konstanten Kapitals, den A. Smith den fixen nennt, die Arbeitsmittel, wie Baulichkeiten, Maschinen und dergleichen, funktioniert immer vollständig im Produktionsprozess, verschleisst aber nur allmählich und überträgt nur nach und nach seinen Wert auf die Waren, die er nach und nach herstellen hilft. Er bildet einen wahrhaften Gradmesser des *Fortschritts der Produktivkräfte*» (S. 543, курсив наш. Н. Б.) Точно так же в «*Theorien über den Mehrwert*», B. III, S. 498: «Produktivkraft oder Kraft der Arbeit». Наоборот, «Produktivkraft» («Produktionsmittel»)—в «Einleitung zu einer Kritik d. pol. Oek», S. XLVII.

тельность общественного труда, сам неоднократно указывает, что рабочая сила является основной производительной силой общества.

Как бы то ни было, ясно, что если на первых ступенях анализа можно оперировать с неопределенным понятием, то впоследствии неточность этого понятия дает себя знать.

Прежде всего, в чем смысл этого понятия? Когда говорят о производительных силах, то этим хотят обозначить степень власти человека над природой, степень овладения этой природой. Именно этим и определяется в конце концов ступень достигнутого развития. С такой точки зрения и нужно рассмотреть, прежде всего, вопрос, в каком соотношении друг с другом стоят определения Маркса. *Родбертус* предлагает строго разграничивать оба эти понятия. В своей работе «Zur Beleuchtung der sozialen Frage» он пишет: «Производительную силу нужно строго отличать от производительности. Производительность означает действие или полезный эффект производительной силы. Если вместо 10 рабочих становится на работу 20, или если вместо одной машины известной степени работоспособности ставятся две такие же машины, то производительная сила повысилась вдвое; если 10 рабочих производят столько же, сколько до сих пор 20, или если машина, которая стоила не больше другой, обладает двойной степенью эффективности по сравнению с ней, то производительность поднялась вдвое. Труд и здесь последний масштаб. Бо́льшие суммы труда являются бо́льшей производительной силой; большее количество продукта при одинаковой сумме труда есть повышение производительности»[1]. В этой постановке вопроса довольно ясно видна причина «неопределенности» понятия производительных сил; дело в том, что это есть *пограничное* понятие, стоящее на рубеже техники и экономики. *Экономически* важно понятие производительности общественного труда. *Технически* важен материальный эквивалент этой производительности общественного труда, то-есть наличная совокупность средств производства и рабочих сил. Мы поэтому можем говорить о производительных силах и производительности общественного труда, как о двух сто-

---

[1]) *C. Rodbertus-Jagetzow:* «Zur Beleuchtung der sozialen Frage», SS. 60—61, Anmerkung. См. также литературу о производ. силах, приведенную в III главе нашей работы.

ронах одной и той же математической величины $\frac{M}{a+b}$, где М—вся масса продуктов, выраженная в каких-либо единицах полезности (будь то энергетические величины или что-либо иное—в данном случае безразлично), a и b—единицы общественного труда: a—единицы мертвого труда, b—живого. Если рассматривать эту формулу с точки зрения «вещественной», то мы будем иметь 1) массу разнородных продуктов; 2) массу разнородных средств производства; 3) массу разнородной квалификации рабочих сил. Эти три величины находятся в полной зависимости друг от друга, при чем первичным элементом являются средства производства. Средства производства распадаются на орудия труда и другие средства производства (сырой материал, вспомогательные вещества и т. д.). Эти две части, в свою очередь, органически связаны друг с другом. Конкретные средства производства вообще предполагают адэкватное количество качественно определенных рабочих сил, ибо в производственном процессе имеется своя техническая логика, и в каждый данный момент вещественные и личные элементы производства связаны друг с другом по совершенно определенному типу и в совершенно определенной пропорции. Но, с другой стороны, сами средства производства в их вещественной определенности распадаются на две части, взаимно определяющие друг друга. С этой точки зрения мы можем взять за основной пункт анализа активную часть средств производства, а именно орудия труда, *техническую систему* общества. Именно она, как говорит Маркс, и «образует действительное мерило прогресса производительных сил».

Таким образом, если мы говорим о росте или регрессе производительных сил общества, под этим мы разумеем повышение или понижение общественной производительности труда; если мы говорим о распределении и перераспределении производительных сил, мы говорим о распределении и перераспределении средств производства и рабочих сил; если мы говорим о физическом уничтожении производительных сил, мы говорим точно также об уничтожении средств производства и рабочих сил; если нам нужно социологическое определение производительных сил, мы можем взять *техническую систему* общества, активный переменный «фактор» общественного развития.

Однако, такая взаимная связь частей формулы $\frac{M}{a+b}$, где

a и b означают наличность всех средств производства и всех рабочих сил, предполагает «нормальный» ход общественного воспроизводства, т.-е. состояние плавного подвижного равновесия. Технически данная пропорциональность этих величин (а, следовательно, и возможность заменять одну величину другой) исчезает при нарушении общественного равновесия. Производительность общественного труда будет по-прежнему выражаться формулой $\frac{M}{a+b}$. Но (a) будет уже означать не *все* наличные средства производства, (b)—не *все* наличные (т.-е. могущие быть использованными) рабочие силы; а соотношение между (a) и (b), которое является при нормальных условиях величиной данной, технически определенной, *перестает* быть таковой.

Динамика производительных сил связана с динамикой производства, т.-е. процессом воспроизводства. Вещественные и людские элементы производительных сил (комплекс средств производства и рабочих сил) воспроизводятся in natura в этом процессе для того, чтобы стать активными факторами этого процесса. Поэтому, с точки зрения воспроизводства формулу $\frac{M}{a+b}$ нужно рассматривать со стороны (a) и (b), т.-е вещественных и людских элементов процесса воспроизводства. (A) и (b) являются при этом не изолированными комплексами, а величинами, *органически связанными в процессе труда.* Лишь поскольку они входят в процесс труда, постольку они непосредственно являются слагаемыми производительных сил.

Развитие производительных сил вовсе не представляет из себя плавно поднимающейся кривой. Наоборот, уже a priori должно быть ясно, что в антагонистическом обществе, обществе, основанном на производственной и социальной анархии, *не может быть непрерывного развития производительных сил.* Ибо в таком обществе законы равновесия реализуются и могут реализоваться исключительно путем постоянных или периодически повторяющихся нарушений равновесия. Следовательно, восстановление равновесия должно иметь своим исходным пунктом его нарушение. А так как каждое нарушение равновесия, функциональное значение которого в данном случае состоит в восстановлении его на более широкой,—но в то же время на еще более глубокопротиворечивой,—основе, неизбежно связано с

падением производительных сил, то само собою разумеется, что в *антагонистическом обществе развитие производительных сил возможно лишь посредством их периодического разрушения.*

Очень ярко это проявляется в капиталистических *кризисах.* «Мировые рыночные кризисы необходимо рассматривать как реальное выражение и *насильственное выравнивание* (наш курсив. Н. Б.) всех противоречий буржуазной экономики [1]).

Это «насильственное выравнивание» противоречий, т.-е. создание условий нового равновесия сопровождается разрушением производительных сил. Новое равновесие воспроизводит старое противоречие на расширенной основе и т. д. Следовательно, с этой точки зрения процесс капиталистического воспроизводства есть не только процесс расширенного воспроизводства капиталистических производственных отношений: *он есть в то же время процесс расширенного воспроизводства капиталистических противоречий* [2]). Новое равновесие устанавливается каждый раз путем «массового уничтожения производительных сил», и притом во все возрастающем размере. В «Теориях прибавочной ценности» Маркс дает превосходный анализ главных форм этого уничтожения, и притом с двух точек зрения: реально вещественной («натуральной») и фетишистски-капиталистической (ценностной).

«Когда идет речь об *уничтожении капитала* кризисами, необходимо различать двоякого рода явления.

Поскольку застопоривается процесс воспроизводства, ограничивается или местами прекращается процесс труда, постольку уничтожается *реальный* капитал. Машины, которые не употребляются, не суть капитал. Труд, который не эксплуатируется—это все равно, что пропавшее производство. Сырой материал,

[1]) *K. Marx:* Theorien über den Mehrwert, Band II, Teil II, S. 282: «Die Weltmarktkrisen müssen als die reale Zusammenfassung und gewaltsame Ausgleihung aller Widersprüche der bürgerlichen Oekonomie gefasst werden».

[2]) Автор настоящей работы усиленно выдвигал эту точку зрения в книжке: Мировое хозяйство и империализм. СПБ. Изд. Прибой, 1918. См. *Marx und Engels:* Kommun. Manifest, s. 28: «Wodurch überwindet die Bourgeoisie die Krise? Einerseits durch die erzwungene Vernichtung einer Masse von *Produktivkräfte* (наш курс. Н. Б.), andererseits durch die Eroberung neuer Märkte und die gründlichere Ausbeutung alter Märkte. Wodurch also? Dadurch, dass sie allseitigere und gewaltigere Krisen vorbereitet und die Mittel, den Krisen vorzubeugen, vermindert».

который валяется неиспользованным, не есть капитал. Потребительные ценности (точно так же, как и вновь построенные машины), которые не используются или остаются недоконченными; товары, которые гниют на складах, все это уничтожение капитала. Все это (в то же время) ограничивается нарушением процесса воспроизводства и тем, что *имеющиеся* средства производства реально не действуют, как средства производства... Их потребительная ценность и их меновая ценность летит при этом к чорту.

Но, во-вторых, *разрушение капитала* кризисами означает обесценивание *ценностных масс*... Это—разрушающее падение товарных цен. Здесь не уничтожаются потребительные ценности. Что теряет один, то выигрывает другой. . . Что же касается только фиктивного капитала, государственных бумаг, акций и т. д., то,—поскольку это не приводит к банкротству государства или акционерной компании, или поскольку это вообще не нарушает процесса воспроизводства,—здесь налицо лишь переход богатства из одних рук в другие» [1]).

Но так как «вообще» процесс воспроизводства нарушается и в последнем случае, разрушение капитала в его вещественной форме происходит и здесь. С другой стороны, *централизация* капитала, ускоренная кризисами, создает «высшую форму» дальнейшего движения, и дальнейшее развитие производительных сил покупается *ценой временного и частичного их разрушения, т. е. ценой понижения их уровня.*

По существу то же явление наблюдается и при анализе *капиталистической конкуренции*, которая своим основанием имеет раздробленность общественного производства. Если бы налицо была разумно регулируемая система, тогда труд распределялся бы по отдельным отраслям и предприятиям в необходимой пропорции. В капиталистическом обществе такого сознательного регулятора нет. Поэтому закон равновесия—закон ценности—действует как стихийный закон, «на манер закона тяжести, когда над вашей головою обрушивается дом». Но именно потому, что он есть слепой закон общественной стихии, он реализуется лишь посредством *постоянных нарушений.* И здесь нарушение равновесия является непременным

---

[1]) *Karl Marx:* Theorien über den Mehrwert, Band II, Teil II, S. 267—269.

условием установления нового равновесия, за которым следует опять нарушение и т. д. Механизмом этих колебаний, т.-е. постоянных нарушений равновесия, путем которых последнее постоянно реализуется, является *механизм конкуренции.* А отсюда следует, что развитие производительных сил в капиталистическом обществе покупается ценой их постоянной растраты. Эта растрата («издержки конкуренции») есть необходимое условие движения вперед для всей капиталистической системы. Ибо каждое новое звено в цепи подвижного равновесия воспроизводит это равновесие в высшей форме, на основе централизационного процесса.

С этой точки зрения необходимо рассматривать и войну, которая есть не что иное, как один из методов конкуренции, на определенной ступени развития. Это есть метод *комбинированной конкуренции между государственно-капиталистичекими трестами.* Следовательно, издержки войны сами по себе суть не что иное, как издержки централизационного процесса. С точки зрения капиталистической системы в целом они играют положительную роль, поскольку они не приводят систему к краху.

Вообще говоря, и кризисы, и конкуренцию можно рассматривать с троякой точки зрения: с точки зрения тех звеньев процесса воспроизводства, когда происходит понижение производительных сил; с точки зрения воспроизводства данной системы производства, когда временное падение производительных сил само является условием их дальнейшего прогрессивного движения; с точки зрения краха старой системы и общественной трансформации, когда противоречия старой системы взрывают ее на воздух, и когда издержки краха переходят в издержки революции.

Эти издержки революции, в свою очередь, можно рассматривать или sub specie тех самых циклов воспроизводства, когда происходит разрушение материальных производительных сил, или sub specie перехода к новой, более производительной общественной структуре, которая устраняет противоречие между развитием производительных сил и их структурными «оковами». Что переход к новой структуре, которая является новой «формой развития» производительных сил, немыслим без временного понижения производительных сил, должно быть ясно само собою. И опыт всех революций, сыгравших колоссальную

положительную роль именно с точки зрения развития производительных сил, показывает, что это развитие покупалось ценой иногда колоссального расхищения и разрушения их. Иначе и не может быть, поскольку речь идет о революции [1]). Ибо в революции «взрывается» (wird gesprengt) «оболочка» производственных отношений, т.-е. людского трудового аппарата, что означает и что *не может* не означать нарушения процесса воспроизводства и, следовательно, разрушения производительных сил.

Если это так,—а это безусловно так,—то a priori должно быть ясно, что *пролетарская* революция неизбежно сопровождается крайне глубоким упадком производительных сил, ибо ни одна революция не знает столь далеко и так глубоко идущей

[1]) Известны разрушения, произведенные гражданской войной в Америке, войной, которая дала громадный толчок развитию капитализма. Известна разруха времен французской революции, двинувшей вперед развитие производительных сил после периода глубокого их упадка. Известно также и то, что французских якобинцев, которые были наиболее активным фактором революционного движения, обвиняли буквально теми же словами, что и современных коммунистов. Вот выдержки из процесса *Шарлотты Корде*, убийцы Марата:

— Какие мотивы могли вас заставить решиться на столь ужасный поступок?

— Его преступления.

— В каких преступлениях упрекаете вы его?

— В разорении Франции и в гражданской войне, которую он зажег по всему государству.

— На чем основываете вы это обвинение?

— Его прошлые преступления являются показателем его преступлений настоящих. Это он устроил сентябрьские убийства; это он поддерживал огонь гражданской войны, чтобы быть назначенным диктатором или кем-нибудь иным, и опять-таки он же покусился на суверенитет народа, заставив 31 мая нынешнего года арестовать и заключить в тюрьму депутатов конвента. (*«Революционный Трибунал в эпоху Великой Франц. Революции»*. Воспоминания современников и документы. Ред. проф. *Е. Тарле*. Ч. I, стр. 59.)

Разве этот диалог между якобинцем-революционером и контр-революционной жирондистской дамой не есть прообраз «диалога» между коммунистами и социал-демократами? Недаром *Плеханов* в «Искре» предсказывал для XX века раскол социалистов на «Гору» и «Жиронду». Это предсказание оправдалось с астрономической точностью, и *г. Каутский и К°* выступают в полном облачении добродетельной и не слишком умной жирондистки. Когда-то Каутский защищал якобинцев. Но что ж поделать? «Nous avons changé tout cela».

ломки старых отношений и их *перестройки* на новый лад. И тем не менее, как раз с точки зрения *развития* производительных сил, пролетарская революция является объективной необходимостью. Эта объективная необходимость дана тем, что экономическая оболочка стала *несовместимой* с развитием производительных сил. *Мировые производительные силы не мирятся с государственно-национальной структурой общества, и противоречие «разрешается» войной. Сама война становится несовместимой с существованием основной производительной силы—рабочего класса,—и противоречие может быть разрешено—действительно разрешено — только революцией* [1]).

Рабочий класс, основная производительная сила общества [2]), только и может *спасти* это общество и дать толчок дальнейшему развитию. Но он может сделать это лишь ценою жертв, неизбежно вызываемых сопротивлением лопающейся капиталистической «оболочки», которая персонифицирована в *капиталистической буржуазии* [3]). Громадность издержек пролетарской революции обусловливается глубиной коммунистического переворота, *принципиальным* изменением производственной структуры. В буржуазных революциях не происходило такого принципиального изменения, ибо частная собственность, как

---

[1]) Тов. *Л. Крицман* (см. его статью: «Развитие производительных сил и диктатура пролетариата» в сборнике «Два года диктатуры пролетариата», изд. Высш. Сов. Нар. Хоз., стр. 70) совершенно правильно говорит: «Но пролетариат отличается от других производительных сил (машин, материалов и проч.) тем, что на грозящее ему разрушение отвечает возмущением. Время кризиса есть время пробуждения революционного возмущения в пролетариате. Сама *революция пролетариата есть* не что ино как *противодействие пролетариата стремлению буржуазии путем разрушения его рабочей силы смягчить растрату и сократить бездействие принадлежащих ей сил и за счет жертв, приносимых пролетариатом, изжить кризис*, вызванный анархией капиталистического способа производства» (курсив автора).

[2]) Рс. *К. Маркс*: Нищета фил., стр. 140: «Из всех орудий производства наиболее крупной производительной силой является сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс предполагает существование всех тех производительных сил, которые вообще могли развиться в недрах старого общества».

[3]) С этой точки зрения абсолютно нелепо «винить» рабочий класс и его партию в разрухе. Ибо как раз он и есть сила, которая делает возможным восстановление общества. Сопротивление «старого порядка»— вот чему нужно «вменять» разруху переходного периода.

юридическое выражение определенного типа производственных отношений, была базой и докапиталистических отношений. Соответственно этому общественное равновесие после революции достигалось: в области экономической—лишь некоторыми поправками к тому, что было раньше, в области политической—переходом власти из рук *собственников* одного типа в руки *собственников* другого типа. Следовательно, здесь a priori ясно, что нет и не может быть *такого* распада, какой неизбежен при принципиальной, коренной ломке старых отношений, что является неизбежным законом *пролетарской* революции [1]).

Все *реальные* издержки революции сводятся к *сокращению процесса воспроизводства* и к понижению производительных сил. По своей *форме* они могут быть разбиты на несколько рубрик:

I. Физическое уничтожение элементов производства. Сюда относится уничтожение средств производства (фабрик, машин, железных дорог, аппаратов, скота и проч.); уничтожение людей—рабочих и т. д. в процессе *гражданской войны* и *классовой войны* между государствами пролетариата и государствами буржуазии; уничтожение машин и др. средств производства и их порча от плохого обращения, саботажа, от невоспроизводства во́-время определенных частей и т. д.; уничтожение технической интеллигенции (в гражданской войне, от общих последствий разрухи и проч.).

Ясно, что речь идет здесь, с одной стороны, об уничтоже-

---

[1]) Господа «критики» пролетарской революции в разрухе видят доказательство незрелости капиталистических отношений. Из нашего анализа вытекает, что при самых «зрелых» отношениях разруха (временная) также неизбежна. «Критики» часто приводят слова *Маркса* (K. *Marx*: Zur Kritik, Vorwort, LVI): «Eine Gesellschaftsformation geht nie unter, bevor *alle* Produktivkräfte entwickelt sind, für die sie weit genug ist, und neue höhere Produktionsverhältnisse treten nie an die Stelle, bevor die materiellen Existenzbedingungen derselben im Schosse der alten Gesellschaft selbst ausgebrütet worden sind». Однако, у *Маркса* немедленно отсюда делается и вывод.: «Daher stellt sich die Menschheit immer nur Aufgaben, die sie lösen kann, denn genauer betrachtet, wird sich stets finden, dass die Aufgabe selbst nur entspringt, wo die materiellen Bedingungen schon vorhanden oder wenigstens im Prozess ihres Werdens begriffen sind». Падение производит. сил в процессе пролетарской революции теоретически предвидел тов. *Ю. Ларин* в вышеупомянутой брошюре: «Утописты минимализма и действительность».

нии вещественно-материальных элементов производства, с другой—об уничтожении людских его элементов.

II. Деквалификация элементов производства. Здесь следует упомянуть снашивание машин и средств производства вообще; истощение (физическое) рабочего класса; деквалификация рабочей силы технической интеллигенции; переход на «суррогаты» в средствах производства и «рабочих силах» (больший % женщин, не чисто пролетарских элементов в пролетариате и т. д.).

III. Распад связи между элементами производства. Сюда относится подробно анализированный выше распад иерархической трудовой системы капиталистического общества, социальный раскол, нарушение всякого равновесия, что влечет за собой временный *паралич процесса воспроизводства*; сюда же относится распад связей между городом и деревней, распад связей между государствами и проч. В процессе этого распада выпадают из реального производства не только *людские* части общетрудового аппарата, но и *вещественно-материальные:* когда машины, их «система», целые фабрики «стоят», они фактически пропадают. *Производительные силы здесь не уничтожаются физически, но они переходят на положение потенциальных производительных сил. Они существуют in natura, но они существуют вне процесса общественного воспроизводства.*

Распад связи между элементами производства есть *важнейшая причина* понижения уровня производительных сил в переходный период. Она связана и реально неотделима от структурной реорганизации общества, *неизбежно* из нее вытекает и поэтому должна стоять в центре теоретического анализа. Сюда должны быть сопричислены и другие издержки собственно перестройки: напр., первоначальное *неумение* рабочего класса «взять» элементы производства, «ошибки» строительного периода и т. д., т.-е. вся энергия, которая идет на переорганизацию общественно-трудового аппарата, *со всеми faux frais этого процесса.*

IV. Перераспределение производительных сил в сторону непроизводительного потребления. Здесь, прежде всего, необходимо отметить обслуживание нужд гражданской и классовой социалистической войны. При развертывании революционного процесса в *мировой* революционный процесс гражданская война трансформируется в классовую войну, которую

со стороны пролетариата ведет регулярная «красная армия». Совершенно ясно, что с точки зрения ближайших циклов воспроизводства издержки этой войны вызывают такое же экономическое истощение, как и издержки всякой другой войны. Она *может* вестись, потому что на новой базе происходит процесс структурной *организации*. Но падение производительных сил в связи с процессом отрицательного расширенного воспроизводства продолжается постольку, поскольку продолжается война. Эта война требует не только материально-вещественных ресурсов: она отбирает и лучший людской состав, рабочих-администраторов и организаторов.

Нетрудно видеть, что во всех перечисленных случаях дело сводится к сокращению, перебоям, застопориванию, а иногда и параличу *процесса воспроизводства*, чему адэкватно падение производительных сил, «отрицать» которое столь же неумно, как и «отрицать» самый процесс революции. Вопрос заключается в том, чтобы выяснить функциональное значение этого падения. Между близорукими идеологами буржуазии и идеологами пролетариата разница здесь не в том, что одни «констатируют» эти факты, а другие их отрицают, а в том, что идеологи буржуазии рассматривают эти явления статически, тогда как единственно правильный (и следовательно, общезначимый) метод заключается в рассматривании временного падения производительных сил с *точки зрения трансформационного процесса*, т.-е. не только с точки зрения *ближайших* циклов общественного воспроизводства, а с широкой точки зрения крупных исторических масштабов.

Само собою разумеется, что поскольку процесс падения производительных сил выражается в непосредственном уничтожении элементов производства, постольку он тем более болезнен, чем больше были сокращены производительные силы за время войны. Падение производительных сил от последней причины связывается с их «революционным» падением: война и революция, как взрыв капиталистической системы, сливаются в процессе общественной трансформации [1].

---

[1]) *Проф. Гриневецкий* («Послевоенные перспективы русской промышленности», Москва 1919, стр. 64) в главе «Революционное разложение промышленности» объясняет его влиянием следующих факторов: 1) *полного расстройства снабжения сырьем и топливом* в зависимости от падения их добычи и паралича транспорта; 2) *кризиса труда* в за-

Из всего предыдущего анализа вытекает, что остановка в падении производительных сил не может начаться раньше установления новой структуры общества, нового социально-производственного равновесия. Оно есть необходимейшее условие для возобновления процесса воспроизводства. Только после перестройки человеческого трудового аппарата, перестройки, которая уничтожает препятствия для развития производительных сил, разрывает ту «оболочку», которая из «форм раз-

---

висимости от общей его дезорганизации, под влиянием революции и классовой борьбы, и падения производительности от многих причин; 3) *технической дезорганизации*, как в материальной, так и в административно-технической части...; 4) *крайней неустойчивости и замирания рынка*...; 5) *катастрофического хода демобилизации*... благодаря технической дезорганизации и финансовому краху промышленности; 6) *финансового краха промышленности* в зависимости от роста оплаты труда и падения его производительности, полного расстройства снабжения, национализации банков и т. д.». Нетрудно видеть, что все эти факторы входят и в нашу классификицию. Но г. *Гриневецкий* вменяет *вину* не капиталистической системе, с ее войной и ее *сопротивлением* новому обществу, а рабочему классу. Иначе, конечно, и не может рассматривать дела апологет капитализма, перед которым «послевоенные перспективы» расцветают, как *капиталистические* перспективы. По существу, то же самое говорит M-r Hoover, «продовольственный диктатор» Европы (см. «National Food Journal». Aug. 13 th. 1919): «The economic difficulties of Europe as a whole at the signature of peace may be almost summarised in the phrase: «demoralised productivity».«It is not necessary to review at length the cause of this decrease of productivity. They are, in the main, as follows:

The industrial and commercial demoralisation arising originally out of the war, but continued out of the struggle for political rearrangements during the armistice, the creation of new Governments, their inexperience, and frictions between these governments in the readjustment of economic relations.

The proper and insistent demand of labour for higher standards of living and a voice in the administration of their effort has unfortunately (!!) become impregnated with the theory that the limitation of effort below physical necessity will increase the total employment or improve their condition.

There is a great *relaxation of effort as the reflex of physical exhaustion* of large sections of the population from privation and from the mental and physical strain of the war.

To a minor degree, considering the whole volume, there has been a destruction of equipment and tools, and the loss of organisation..., due to war diversions, with a loss of man-power...

The *demoralisation in the production of coal*... It is due in a small percentage—from the destruction of man-power-to the physical limita-

вития» превратилась в «оковы для развития»,—только после этого возможна последняя фаза революции—*технический переворот*, переворот не в отношениях между людьми, а в отношении между человеческим коллективом и внешней природой.

Здесь придется пережить на первых порах период «первоначального социалистического накопления» [1]). В чем состояла производственная сущность *капиталистического* первоначального накопления? В том, что политическая власть буржуазии мобилизовала огромные массы населения, ограбив их, превратив их в пролетариев, создав из них основную производительную силу капиталистического общества. *Производство пролетариата*—вот «сущность» периода первоначального накопления. «Делающими эпоху в истории первоначального накопления являются все перевороты (Umwälzungen), которые служат рычагом в руках образующегося класса капиталистов; но прежде всего, моменты, когда большие человеческие массы внезапно и насильственно отрываются от своих необходимых средств к жизни и выбрасываются на

---

tion of coal mines or their equipment. It is due in the largest degree to the human factor of the limitation of the effort.

The *continuation of the blocade*... has undoubtely destroyed enterprise even in open countries... и т. д. Все эти причины порождают «*политический, моральный и экономический хаос*».

В экономической сводке о послевоенном положении мирового хозяйства инженер *Roedder* пишет: (Ober-Ingenieur a. D. *O. C. Roedder:* Nacht und Morgen der Weltwirtschaft. Industrie-Verlag Vogler und Seiler Chemnitz.): «Vom deutschen Arbeiter allein hängt jetzt Alles ab. Es klingt bald wie ein Hohn, von der Wiederaufnahme des Exports zu reden, wenn drinnen der Arbeiter feiert» (s. 49). Аналогичны показания американского финансиста *Вандерлипа*. См. также доклад *А. Зеленко*; «Меморандум по вопросу о кредитовании русской кооперации в Сев. Америке». Конечно, все эти господа видят лишь «леность рабочего класса», не замечая саботажа предпринимателей. Они в простоте душевной думают, что классовая борьба, ведущаяся в недрах производственного процесса, есть акт односторонний, что ее ведут только рабочие, тогда как капиталисты сидят на «общечеловеческом» троне и строго блюдут «интересы производства», «самого по себе», «чистого производства». В действительности, однако, чистый производственный разум имеет все черты нечистого практического разума, который позвякивает кошельком и весьма мало похож на платоновскую «идею».

[1]) Термин, предложенный тов. *В. М. Смирновым* (в «Еженедельнике Правды»).

рынок как стоящие вне закона («vogelfreie») пролетарии» [1]). *Капитал* путем грабежа, классового насилия и разбоя мобилизовал таким образом производительные силы, сделав их исходным пунктом дальнейшего развития.

Но и социализм, вырастающий на груде обломков, должен неизбежно начинать с *мобилизации живой производительной силы.* Эта трудовая мобилизация составляет основной момент социалистического первоначального накопления, которое есть диалектическое отрицание капиталистического. Его классовая сущность состоит не в создании предпосылок для процесса эксплуатации, а в хозяйственном возрождении при *уничтожении* эксплуатации; не в насилии кучки капиталистов, а в самоорганизации трудящихся масс.

Выше мы видели, что процесс распада капиталистической системы сопровождается не только уничтожением живой рабочей силы или ее деквалификацией, но и простым *выпадением* ее из трудового процесса. Совершенно ясно поэтому, что когда пролетариат приступает к восстановлению процесса воспроизводства, он должен начинать с мобилизации выпавших из производственного процесса сил. Но он не может ограничиваться этим. На первых ступенях развития, когда пролетариату достается в наследство жестоко пострадавший материально-машинный технический остов, особое значение приобретает живая рабочая сила. Поэтому переход к системе *всеобщей трудовой повинности*, т.-е. вдвигание в пролетарски-государственный трудовой процесс и широких *непролетарских* масс, в первую очередь масс крестьянства, является повелительной необходимостью [2]). Создание коллективно-действующей живой массовой производительной силы есть исходный пункт для дальнейшей работы. Наиболее важными сферами труда первоначально является транспорт, заготовка топлива, сырья и продовольствия [3]). Отсюда начинается *восхо-*

[1]) K. Marx: «Das Kapital», B. I, Volksausgabe, S. 647. Кстати. Обычно переводчики наивно переводят слово «vogelfrei»—«свободный, как птица».

[2]) Это ясно видел *Маркс* еще в «Коммун. Манифесте».

[3]) Эти задачи *технически* необходимы при всяком социальном типе хозяйственного возрождения. См., напр., *Гриневецкий*, 1. с.; *С. И. Гусев:* Очередные вопросы хозяйственного строительства. Материалы к 9-му съезду Р. К. П. Изд. Реввоенсовета Кавказского фронта: см. также *тезисы* Ц. К. Р. К. П. к 9 съезду, а также газету *«Экономическая Жизнь»*.

дящая линия развития, которая будет сопровождаться мощным развитием *техники*. Отмена частной собственности на средства производства, отмена патентного «права» и коммерческой тайны, единство плана и т. д. делают возможным переход на электрическую энергию. Если при капитализме частная собственность на землю со всеми ее «дополнениями» (водопады, реки, залежи торфа и проч.) и монополия капиталистических клик страшно тормозили развитие производительных сил, и даже в самых мощных капиталистических странах применение электрической энергии, постройка новых силовых станций и проч. натыкались на границы, указываемые частной собственностью [1], то при господстве пролетариата за периодом «первоначального социалистического накопления» последует настоящий технический переворот, революция общественно-производственной техники. «Век пара—век буржуазии. Век электричества—век социализма»—это совершенно правильная *техническая* характеристика начальных стадий развивающегося социализма [2].

Электрификация промышленности, постройка громадных силовых станций, создание могучей транспортной сети в корне перевернет и соотношение между городом и деревней. Она не только будет способствовать превращению раздробленных мелких собственников в общественных работников, она рационализирует и перевернет в корне весь процесс сельскохозяйственного производства. Примитивные, почти варварские орудия она заменит последним словом техники и тем уничтожит основную диспропорциональность капиталистического производства, диспропорциональность между развитием промышленности и развитием сельского хозяйства, которая вызывалась существованием поземельной ренты и частной собственностью на землю и которая еще до войны приводила к громадному росту цен на продукты сельскохозяйственного про-

---

[1]) См. об этом *Karl Marx*, «Das Kapital»; *K. Kautsky;* «Entwickelung und Vermehrung» etc.: *J. Hevesi:* Die technische Notwendigkeit der Kommunistischen Weltrevolution.

[2]) См. блестящую брошюру *тов. Кржижановского*, инженера и специалиста по электротехнике, об электрификации русской промышленности. Так же *W. A. Müller:* «Sozialisierung des landwitschaftlichen Verkehrswesens» в сборнике «Wege und Ziele der Sozialisierung».

изводства [1]). Противоположность между городом и деревней понемногу будет исчезать, а вместе с нею будет исчезать специфический «идиотизм деревенской жизни». Производительные силы человеческого общества будут распределяться между различными областями в зависимости от наиболее подходящих естественных условий (близость к источникам топлива, сырья и т. д.). Вопрос о «Standart'e der Industrie» будет уже решаться вне связи с существованием капиталистических барьеров, и развитие производительных сил пойдет гигантскими шагами вперед плавным и уверенным ходом.

---

[1]) Буржуазные экономисты причину этого видели в «естественном» «законе убывающего плодородия почвы», который имеет свою длинную «историю». Прекрасный разбор этого «закона» имеется в работе тов. *Н. Ленина:* «Аграрный вопрос и критики Маркса». Выставляя этот закон, как имманентный закон сельскохозяйственного производства, буржуазная наука подставляла вместо социальной категории категорию натуральную—таков основной «метод» этой «науки». Общую характеристику технического развития под углом зрения отношений между городом и деревней дает *Marx* в «Theorien über den Mehrwert», II. B. I Teil, S. 280; «Im ganzen ist anzunehmen, dass in der roheren, vorkapitalistischen Produktionsweise die Agrikultur produktiver ist als die Industrie, weil die Natur als Maschine und Organismus hier mitarbeitet, während die Naturkräfte in der Industrie fast noch ganz durch Menschenkraft ersetzt werden, wie in der handwerksmässigen Industrie u. s. w.: in der Sturmperiode der kapitalistischen Produktion entwickelt sich die Produktivität der Industrie rasch gegen die Agrikultur, obgleich ihre Entwicklung voraussetzt, dass in der Agrikultur schon bedeutende Variation zwischen konstantem und variablem Kapital stattgefunden hat, das heisst eine Masse Menschen von dem Ackerbau vertrieben sind. Später geht die Produktivität in beiden voran, obgleich in ungleichem Schritte. Aber auf einem gewissen Höhepunkt der Industrie muss die Disproportion abnehmen, dass heisst die Produktivität der Agrikultur sich relativ rascher vermehren als die der Industrie».

ГЛАВА VII.

Общие организационные формы переходного периода.

1. Государственный капитализм. 2. Система социалистической диктатуры. 3. Социализация (обобществление). 4. Национализация. 5. Муниципализация. 6. Другие формы обобществления.

Буржуазная политическая экономия «принципиально» абстрагирует от *историческо-социальных форм* производственного процесса. Поэтому для нее совершенно «не важны» отношения господства, эксплуатации, классовой характеристики данной общественной формации и т. д. Немудрено, что такая «принципиальность» есть возведение в «принцип» невероятной теоретической путаницы, практически весьма небезвыгодной для буржуазии. Эта путаница достигла своего высшего напряжения как раз за время войны и в послевоенный период. Она выразилась, прежде всего, в грубейшем смешении системы *государственного капитализма* с системой *социалистической диктатуры пролетариата*.

Вернер Зомбарт, во введении к «Grundlagen und Kritik des Sozialismus» [1]), определяет социализм таким образом: «социализм есть практическая социальная рационалистика с антихрематистической тенденцией» («Sozialismus ist praktische Sozialrationalistik mit anti-chrematistischer Tendenz»). Это, с позволения сказать, «определение» имеет свои глубокие литературные корни. Ибо существует старинная традиция, приобретшая прочность предрассудка, традиция, которая рабовладельческий «коммунизм» Платона, прусско-юнкерский «государственный социализм» Родбертуса, финансово-капиталистический государственный капитализм эпохи войны и марксов коммунизм берет за одну скобку на том достаточном основании, что во всех этих формах есть «социальная рационализация с антихрематистической тенденцией». Ясно, однако, что такая точка зрения нисколько не лучше тех варварски грубых одновременно и наивных, и хитрых определений, какие за время войны давались империализму, как внеисторической,

---

[1]) «Grundlagen und Kritik des Sozialismus», bearbeitet von *Werner Sombart*, erster Teil, Askanischer Verlag, Berlin, 1919, S. VII.

а иногда даже всеобщей биологической функции [1]). Логически эта путаница связана с тем, что здесь прячется под спуд классовая характеристика государства, которое выступает под псевдонимом «общего», «целого», «общественного целого» и прочих прекрасных слов, а также специфический характер производственных отношений. Эти последние рассматриваются лишь под углом зрения того, что уничтожается анархия производства и связанная с ней денежная система. Но так как под эту формулу подойдут все и всяческие виды экономических структур, построенных на основе натурально-хозяйственных и в то же время планомерно регулируемых отношений, *какую бы классовую или внеклассовую характеристику эти отношения ни носили*, то понятно, что эта формула не годится как раз потому, что она слишком обща, что она обнимает прямо *противоположные* по своей классовой характеристике общественные структуры.

Если мы перейдем теперь к государственному капитализму, то увидим, что государственный капитализм есть совершенно специфическая и чисто-историческая категория, несмотря на то, что в нем есть и «социальная рационалистика» и «антихрематистическая тенденция». Ибо он есть в то же время один из видов—самый «совершенный»—вид *капитализма*. Основным производственным отношением капиталистического строя является отношение между капиталистом, владеющим средствами производства, и рабочим, продающим капиталисту свою рабочую силу. При рассмотрении государственно-капиталистической структуры нельзя, абсурдно выкидывать этот основной классовый признак. С точки зрения соотношения социальных сил государственный капитализм представляет из себя *потенцированную* (возведенную в степень) власть буржуазии, где господство капитала достигает своей высочайшей силы, поистине чудовищной величины [2]). Другими словами, *государственный капитализм есть рационализация производствен-*

[1]) Один французский писатель определял империализм, как стремление всякой жизненной формы к распространению за счет других. С этой точки зрения курица, даже не несущая золотых яиц, но клюющая зерно, является субъектом империалистской политики, ибо она «аннектирует» это зерно.

[2]) См. *нашу* статью: Некоторые основные понятия современной экономики. «Коммунист», 16 мая 1918 г., № 3, стр. 9.

ного процесса на базе антагонистических социальных отношений при господстве капитала, получающем свое выражение в диктатуре буржуазии.

Так как государственный капитализм есть сращение буржуазного государства с капиталистическими трестами, то очевидно, что не может быть и речи о каком бы то ни было «государственном капитализме» при диктатуре пролетариата, которая принципиально исключает такого рода возможность [1]).

Рассуждая «вообще», можно было бы поставить вопрос о возможности такой формы, когда пролетарское государство в самом начале своего существования регулирует деятельность капиталистических трестов *до* «экспроприации экспроприаторов», «разумно подготовляя» эту экспроприацию так, чтобы сохранить в целости все «аппараты». Если бы такая система была возможна, то это не был бы государственный капитализм, ибо последний предполагает капиталистическое государство. Это было бы не высшее выражение капиталистического порядка, а некоторая промежуточная ступень в развитии революции. Но такая форма *невозможна*, ибо допущение ее покоится на иллюзии—правда, чрезвычайно распространенной—будто бы пролетариат может «овладеть» всеми капиталистическими аппаратами, не трогая их капиталистической девственности, а господа капиталисты могут с удовольствием подчиняться всем велениям пролетарской власти. Здесь, следо-

---

[1]) Эта, казалось бы, ясная мысль была неясной многим товарищам. Так, т. *Цыперович* в цитированном уже издании своей работы о синдикатах и трестах в России пишет о *послеоктябрьском* периоде: «даже на подготовительной стадии, которую мы сейчас переживаем, стадии государственного капитализма (!!), рабочий является в то же время хозяином производства...» (l. c., стр. 170). Каким это образом рабочий может быть «хозяином производства» в *капиталистической* системе—этого понять, конечно, не может никто, ибо такая странная система ничем не отличается от сухой воды. Конечно, она «существовала» только в головах некоторых людей, а не в «общезначимой» действительности. Еще «точнее» эту систему определял в свое время тов. *Боярков* в «Вестнике Металлиста» (янв. 1918 г. Петроград), как «развернутый капитализм», который рабочий класс должен построить «без предпринимателей». «Капитализм без капиталистов»—вот к какой абсурдной формуле привела неясность в основных понятиях. Нечего и говорить, что буржуазная и соглашательская литература вся сплошь проникнута путаницей, еще более горшей.

вательно, предполагается состояние равновесия в таких условиях, которые *заранее исключают* всякое равновесие [1]).

Система социалистической диктатуры, которую можно было бы назвать государственным социализмом, если бы последний термин не был испорчен его обычным употреблением, есть диалектическое отрицание, противоположность государственного капитализма. Здесь в корне меняется *тип* производственных отношений, уничтожается верховная власть капитала в производстве, ибо меняется основа основ капиталистического строя—отношения собственности. И здесь есть «общественная рационализация с антихрематистической тенденцией», но эти черты даны на базе совершенно иного соотношения классов, что меняет целиком и весь характер производственного процесса. В системе государственного капитализма хозяйствующим субъектом является *капиталистическое* государство, собирательный, *коллективный капиталист*. При пролетарской диктатуре хозяйствующим субъектом является *пролетарское* государство, коллективно-организованный рабочий класс, «пролетариат, организованный, как государственная власть». При государственном капитализме процесс производства есть процесс производства прибавочной ценности, попадающей в руки класса капиталистов, с тенденцией превращения этой ценности в прибавочный продукт. При пролетарской диктатуре процесс производства служит средством для планомерного удовлетворения общественных потребностей. Система государственного капитализма есть наиболее совершенная из всех форм эксплуатации масс кучкой олигархов. Система пролетарской диктатуры делает немыслимой какую бы то ни было эксплуатацию вообще, ибо она превращает коллективно-капиталистическую собственность и частно-капиталистическую форму ее в «собственность» коллективно-*пролетарскую*. Следовательно, несмотря на формальный момент сходства, здесь дана диаметральная противоположность по существу [2]).

---

[1]) См. *Н. Ленин*: «Заметки публициста». «Коммунистический Интернационал», № 9.

[2]) Довольно многочисленное количество «сочинений» о социализме, появившихся за последнее время за границей, обходит этот *основной* вопрос. Достаточно привести пример из работы *Franz'a Eulenburg'a:* Arten und Stufen der Sozialisierung. Ein Gutachten. München und Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot. 1920. На стр. 5 автор определяет со-

Этой противоположностью определяется и противоположность всех функций рассматриваемых систем, хотя бы они были формально сходными. Так, всеобщая трудовая повинность в системе государственного капитализма есть закабаление рабочих масс; наоборот, в системе пролетарской диктатуры она есть не что иное, как трудовая самоорганизация масс; мобилизация промышленности в первом случае есть усиление власти буржуазии и укрепление капиталистического режима, тогда

циализм следующим образом: это—«Vergesellschaftung der Produktionsmittel; dass schliesst die Leitung der Erzeugung und Verteilung für und durch die Volksgesamtheit ein». На стр. 6 он различает, в числе прочих, такие «ступени»: под рубрикой II—«Überführung reifer Gewerbe in die Hände der Gesamtheit; Vollsozialisierung (Verstaatlichung); под рубрикой III.—«Beteiligung der Gesamtheit am Wirtschaftsleben überhaupt: gemischtwirtschaftliche Betriebe (Staatskapitalismus)». Трудно «изловчиться», чтобы в столь малом количестве «ученых» строк написать столь много ерунды, как это сумел сделать почтенный немецкий исследователь. «Общественное целое» у него имеется и в лице государства «вообще», т.-е. такого государства, которого на свете не бывает, и в лице явно капиталистического государства: с одной стороны, социализм—это «обобществление»—и только; с другой стороны, «*Vollsozialisierung*»—это Verstaatlichung; полная «социализация» отличается от неполной, по *Эйленбургу*, как социализация от государственного капитализма и т. д. И все это разнесено по ящикам, расклассифицировано и разграфлено! Ни капли понимания нет также и у *Rudolf'a Goldschei'd* а в книге, специально написанной на эту тему. См. *R. Goldscheid:* Staatssozialismus oder Staatskapitalismus. Ein finanzsoziologischer Beitrag zur Lösung des Staatsschulden-Problems. 4 und 5 Auflage, Anzengruber-Verlag Brüder Suschitzky. Wien-Leipzig. 1917. В очень интересном докладе *Otto Neurath'a* («Wesen und Weg der Sozialisierung») автор всемерно старается уклониться от сути дела, заявляя, что его не интересует вопрос о том, какие *силовые средства* необходимы для социализации. Однако, он вплотную подходит к правильной постановке вопроса и стоит бесконечно выше ученого болтуна и кокета *Зомбарта*. Ср., напр., такие строки: «Die Sozialisierung setzt voraus, dass ein *Wirtschaftsplan* durch irgend eine entscheidende Zentralstelle verwirklicht wird. Eine solche *Verwaltungswirtschaft* muss nicht sozialistischer Natur sein, sie kann z. B. einer bevorrechteten Menschengruppe günstigere Lebenslagen sichern; in Sparta sicherte eine Art Verwaltungswirtschaft den Spartiaten die Arbeitserträge der Heloten ...Einen Sozialisten nennen wir den, der für eine *Verwaltungswirtschaft* mit *sozialistischer Verteilung* eintritt» (S. 4. Курсив автора). Однако, элиминирование вопроса о «Machtmittel», т.-е. о классовой борьбе и о *классах*, делает всю постановку вопроса туманной и расплывчатой.

как во втором она есть укрепление социализма; все формы государственного принуждения в государственно-капиталистической структуре есть пресс, который обеспечивает, расширяет и углубляет процесс эксплуатации, в то время как государственное принуждение при пролетарской диктатуре есть метод строительства коммунистического общества. Одним словом, *функциональная противоположность формально сходных явлений предопределяется здесь целиком функциональной противоположностью организационных систем, их противоположной классовой характеристикой* [1]).

Коммунизм есть уже не форма переходного периода, а его завершение. Это структура безклассовая, безгосударственная, вполне гармонично построенная во всех своих частях. Только здесь впервые появляется абсолютно единое организованное «целое». Диктатура пролетариата эволюционным путем «вызревает» в коммунизм, отмирая вместе с государственной организацией общества.

Переход от капитализма к социализму совершается через концентрированную мощь пролетариата—рычаг пролетарской диктатуры. Система мер, при помощи которых совершается этот переход, обычно обозначается термином «социализация» или «обобществление» [2]). Уже из предыдущего ясно, что это термин не совсем точный. Если говорить об обобществлении, понимая под этим то, что трудовой процесс в целом удовлетворяет общественные потребности, т.-е. потребности всего общества, как системы, то такое «обобществление» было и в пределах капитализма. Именно это разумел Маркс, когда го-

---

[1]) Кстати, на непонимании этого обстоятельства основаны все «обвинения», выставляемые против коммунистической партии мещанами социалдемократии. В лучшем случае эти господа протестуют против «готтентотской морали», создавая таким образом принципиальное «равенство» между коммунизмом и капиталистическим варварством. В самом деле, разве может «демократ» отрицать «равное право на существование» волка и овцы? Ведь, это было бы нарушением божественной справедливости!

[2]) Для международной соглашательской идеологии характерен тот факт, что этот термин употребляется, как *замена* термина «экспроприация экспроприаторов» и «конфискация». Делается это потому, чтобы тем легче говорить о «социализации» в связи с пресловутым «целым», т.-е. подвести под «социализацию» и мероприятия государственной власти капитала. См в особенности работы *Edmund'a Fischer'a*.

ворил об «обобществленном труде». То же самое утверждал и Родбертус, когда выставлял свое положение, что сущностью общества является коммунизм. Однако, ясно, что не об этом идет речь в данной связи. Здесь речь идет о таких мероприятиях, которые создавали бы новый тип производственных отношений *на основе коренного изменения в отношениях собственности.* Другими словами, «экспроприация экспроприаторов» и должна быть содержанием социализирующего процесса. Следовательно, под социализацией разумеется передача средств производства в руки общества. Однако, здесь как раз и вскрывается некоторая неточность термина. Ибо в переходную эпоху между государственным капитализмом и коммунизмом сознательным хозяйствующим субъектом является не «все общество», а *организованный рабочий класс*, пролетариат. Тем не менее, поскольку мы рассматриваем весь процесс в целом, начиная с насильственной экспроприации вплоть до отмирания пролетарской диктатуры, что есть также *процесс*, разница между пролетариатом и всей совокупностью общественных работников становится все меньше и меньше и, наконец, исчезает совершенно. Тем самым дано оправдание и термину «социализация» [1]). Если под социализацией мы разумеем переход средств производства в руки организованного пролетариата, как господствующего класса, то возникает вопрос о конкретных формах этого перехода. Мы уже по существу разбирали его в предыдущих главах. Здесь только необходимо отграничить друг от друга понятия, которые постоянно путаются противниками коммунистического переворота. Ясно, что, поскольку в пе-

[1]) *Отто Бауэр* в своей брошюре «Weg zum Sozialismus» обобществление *противопоставляет* огосударствлению и видит в первом комбинацию органов из представителей рабочих, служащих, чиновников—с одной стороны, потребителей—с другой, государства, как нейтральной величины—с третьей; фабрики предполагается, между другими мерами, сдавать в аренду сельскохозяйственным кооперациям (т.-е. синдикатам). Вопрос о диктатуре не поставлен, как нужно; государство является «демократией вообще». Гораздо более резко выражена эта насквозь буржуазная точка зрения у *W. v. Rathenau*, где «обобществление» происходит таким образом, что производство сосредоточивается в руках профессиональных капиталистических группировок. Про эту «теорию социализации» D-r *Karl Tyszka* (l. c., S. 25) правильно замечает, что такая концепция есть возрождение средневековых цехов. Однако, сам *проф. Тышка* ни в малейшей степени не обнаруживает понимания классо-

реходный период хозяйствующим субъектом является конституировавшийся, как государственная власть, рабочий класс, поскольку основной формой социализации производства является его *огосударствление*, или *национализация* [1]). Однако, совершенно очевидно, что огосударствление (национализация) «вообще» скрывает в себе совершенно различное материально классовое содержание, в зависимости от классовой характеристики самого государства. Если не смотреть—как это делают представители буржуазной науки—на государственный аппарат как на организацию нейтрально-мистического свойства, то необходимо точно так же понять, что и все функции государства носят классовый характер. Отсюда следует, что необходимо строго различать *буржуазную* национализацию и национализацию *пролетарскую*. Буржуазная национализация приводит к системе государственного капитализма. Пролетарская национализация приводит к государственной формулировке социализма. Точно так же, как пролетарская диктатура есть отрицание, антипод, буржуазной диктатуры,—пролетарская национализация есть отрицание, полная противоположность буржуазной национализации.

То же необходимо сказать и о различного вида «муниципализациях», «коммунализациях» и т. д. Теоретически в высокой степени неправильно *противопоставлять* эти понятия

вого существа социализации. У *Hermann'a Beck'a* (Sozialisierung als organisatorische Aufgabe) субъектами социализирующего процесса являются и «Interessenverbände der Unternehmer» (стр. 51). В дискуссии на конференции немецких инженеров *D-r Prange* откровенно назвал такую структуру «облагороженным капитализмом» (veredelter Kapitalismus) и тем раскрыл все карты. *E. Fischer* (Vom Privatkapitalismus zum Sozialismus), классический тип социалдемократического кретина, все время играет понятием обобществления и социализации, употребляя его в двух разных смыслах и на основании такого фокуса получая блестящий результат, что социализация была уже давным давно. *Prof. Oppenheimer*, который отлично понимает, в чем дело, обороняет капиталистические позиции теорией незрелости. Для него всякий, стремящийся к социализации теперь, есть «Putschist, «Blanquist» и проч.

[1]) Последний термин, конечно, далеко не точен. Во-первых, он смешивает «нацию» («целое») с государством, т.-е. организацией господствующего класса. Во-вторых, он носит отпечаток эпохи национальных государств. Мы его оставляем потому, что он абсолютно укоренился, хотя логических оснований для его существования нет.

понятию огосударствления. Ибо система так называемого «местного самоуправления» во *всяком классовом* обществе (следовательно, в таком обществе, где существует государство) есть не что иное, как составная часть местных аппаратов государственной организации господствующего класса [1]). Определенный классовый характер государственной власти создает такой же определенный классовый характер местных органов этой власти. Поэтому пролетарская муниципализация и буржуазная муниципализация должны различаться так же строго, как и разнородные «национализации».

Само собою разумеется, что кроме этих основных форм, когда пролетариат, как целое, *непосредственно* овладевает производственным процессом, есть ряд *низших* форм *этого* же процесса (в особенности по отношению к деревне). Здесь связь с пролетарским государством менее тесна, но она все же есть. Ибо пролетарская диктатура является тем рычагом, который перевертывает старый порядок и строит новый. В конечном счете процесс социализации во *всех* его формах есть таким образом функция пролетарского государства.

---

[1]) На непонимании этого покоилась иллюзия т. наз. «муниципального социализма». Конечно, в процессе распада капитализма и революции, при неорганизованных выступлениях могут быть захваты пролетариатом отдельных округов и пролетарские «муниципализации» при государственной власти капитала. Но всякий читатель легко поймет, что эта категория совсем особого порядка. В тексте речь идет об относительно устойчивых общественных системах.

ГЛАВА VIII.

Системы управления производства при диктатуре пролетариата.

1. Классовый характер государства и методы управления. 2. Пролетарское управление промышленностью в период разрушения капиталистической системы. 3. Пролетарское управление промышленностью в критические периоды («милитаризация»). 4. Управление и обучение управлению в разные фазы трансформационного процесса. 5. Вероятный ход развития.

Производство при господстве капитала есть производство прибавочной ценности, производство ради прибыли. Производство при господстве пролетариата есть производство для покрытия общественных потребностей. Различное функциональное значение всего производственного процесса дано *различием в отношениях собственности и в классовой характеристике государственной власти*»[1]). Теоретически совершенно неправильно представление, что определенный класс связан единственной, в деталях своих неизменной формой управления. Любой общественный класс может находиться в различных условиях, к которым должны быть приспособлены методы и формы управления. Эти последние определяются нормами технической целесообразности, при чем *разные* формы имеют одно и то же классовое содержание, поскольку даны определенные отношения собственности и определенный классовый характер государственной власти.

Лучшим примером может служить практика буржуазии. От форм «широкой демократии» буржуазия в эпоху империализма перешла к ограничению прав парламента, к системе «малых кабинетов», усилению роли президента и т. д. Но было ли ограничение «прав парламента» и «кризис парламентаризма» ограничением прав буржуазии и кризисом ее господства? Не было ни на иоту. Наоборот, эти явления знаменовали собой *усиление* господства буржуазии, централизацию и милитаризацию ее власти, что было в эпоху империализма категорической необходимостью как раз с точки зрения буржуазии.

---

[1]) Ср. *Н. Ленин.* Речи на 9-м съезде Рос. Коммунист. Партии (большевиков).

Если Спенсер полагал, что «индустриальное государство» должно быть анти-милитарным по существу, потомучто военщина есть специфическое свойство феодального режима, то он глубоко заблуждался, ибо превращал особенности одной *фазы* капиталистического развития в универсальную форму. Конкурентная мировая борьба, поставившая все развитие под знак войны, заставила буржуазию изменить форму своего господства. Но только вульгарные умы могут в этом видеть ограбление прав буржуазии в пользу несуществующей величины. Даже так называемый «личный режим» отнюдь неправильно *противопоставлять* классовому господству. Наоборот, при определенном сочетании условий господство класса может находить себе наиболее адэкватное выражение как раз в личном режиме. Таково, например, господство помещиков, выражавшееся в самодержавии. Такова буржуазная диктатура в эпоху гражданских войн, когда она находит свою наиболее совершенную (т. е. приспособленную к условиям момента) формулировку в диктатуре «честной шпаги». Изменение *формы* управления может найти себе место и в сфере управления промышленностью, в зависимости от технической целесообразности.

Но если эти положения правильны вообще, то они правильны и для эпохи пролетарской диктатуры.

Отсюда ясно, что различные системы управления промышленностью в процессе общественной трансформации следует рассматривать в строгой зависимости от конкретной *фазы развития*. Только при таком методе рассмотрения можно понять необходимую смену форм, неизбежные вариации различных систем управления, в пределах *постоянной классовой «сущности»* данной системы.

Первоначальная фаза развития есть период *разложения и разрыва капиталистических отношений производства и в то же время период овладевания пролетариатом стратегическими узлами экономики*. Этот период, вообще говоря, начинается раньше «перехода» политической власти к пролетариату, потому что этапы революции (идеологическая, политическая, экономическая, техническая ступени ее) не отграничены резкой гранью друг от друга, и один период «захлестывается» другим. Борьба за социализацию производства, т. е. за пролетарскую фабрику, идет по всей линии снизу, параллельно с нарастанием революционной волны. Она выражается в том, что в старую систему

клином врезываются и раскалывают ее окончательно такие организации, как революционные «фабрично заводские комитеты» (Россия), «производственные советы» («Betriebsrate» в Германии) или другие аналогичные представительные и иногда широко коллегиальные органы сплачивающегося в ходе борьбы рабочего класса. Эту фазу развития необходимо анализировать в первую очередь.

В рассматриваемый период общество находится в состоянии максимальной неустойчивости. Соотношение социальных сил таково, что никакое равновесие на старой основе абсолютно невозможно. Капиталистическая буржуазия и техническая интеллигенция, идущая, как общее правило, в этот период вместе с капиталистической буржуазией, не имеют особого интереса «налаживать производство». Их внимание сосредоточивается на том, чтобы предупредить победу рабочего класса. Фабрики и заводы все более и более остаются «без хозяина». Первой попыткой поставить нового «хозяина»—рабочий класс— и являются вышеназванные организации пролетариата. Является ли эта система широкой коллегиальности, фабричных советов, *технически* наиболее совершенной? Конечно, нет. Но вовсе не в этом состоит ее функциональная роль. В рассматриваемый период речь идет о первых шагах к установлению нового равновесия, *без которых* немыслимо какое бы то ни было строительство действительно более совершенных форм. Даже в «нормальное» капиталистическое время буржуазные организаторы производства считали одной из самых крупных проблем управления проблему соотношения между органами капиталиста и рабочими [1]). Здесь эта проблема *не может быть решена вовсе.* Дело идет лишь о нащупывании *новой* системы равновесия. Следовательно, на данной ступени развития «совершенное техническое управление» нельзя вовсе и ставить, как очередную задачу. Решение такой задачи предполагает некоторую устойчивость элементов производства, не только вещественно материальных, *но и людских.* А в рассматриваемый период как раз нет и не может быть такой предпосылки. Однако, в некотором смысле все же и здесь можно говорить о шаге вперед.

В самом деле, выше мы видели, что людские технически-трудовые отношения суть в то же время отношения социальные.

---

[1]) Ср., напр., *Тэйлор*'а.

Поэтому с точки зрения сравнивания с абсолютной дезорганизацией хозяйственного аппарата, когда в предприятии нет никакого организующего начала, «захват власти» на фабрике рабочими ячейками представляет плюс даже с точки зрения логики «чистого производства». Неизмеримо существеннее представляется он с точки зрения его роли в общеисторическом процессе. Ибо только таким путем и может произойти внедрение рабочего класса, как организующего начала, в производственный процесс. По сути дела здесь задача экономически *боевая*: укрепить рабочий класс, как класс господствующий, во всех порах экономической жизни. Технически, такая система, сопровождающаяся неизбежно широчайшей коллегиальностью, принципом абсолютной выборности (при чем эта выборность идет под политическим флагом, а не под флагом технического стажа), частой сменяемостью и—в силу широкой коллегиальности—децентрализацией и распылением ответственности, весьма далека от совершенства [1]). Но только так рабочий класс может укрепить свои позиции в экономической жизни, создавая низовые ячейки своего аппарата управления, ячейки, которые быстро связываются между собой, срастаются с вызревшими еще в «лоне капитализма» организациями рабочего класса *и таким путем образуют новую ткань пролетарского экономического аппарата*. Разложение старого, грубый набросок нового,—вот что представляет собой разбираемый тип производственного администрирования.

Здесь уместно будет привести аналогию с тем процессом, который происходит в армии. На смену строжайшей империалистской субординации выдвигается принцип широкой выборности: создаются бесчисленные комитеты во всех звеньях армейского аппарата; вопросы армии становятся предметом широчайшего обсуждения и дискуссий; «старая власть» в армии окончательно дискредитируется и подрывается; реальными узлами власти становятся новые органы и через них новые

[1]) Поэтому прав *Otto Neurath*, когда он говорит, что «Ausschüsse» («комитеты» или «советы») по своей конструкции мало пригодны для чисто-деловых производственных функций. (То же см. у *F. Eulenberg'a*, l. c.). Но все эти «критики» абсолютно не понимают—или притворяются, что не понимают—общественного и общественно-*необходимого* значения этих переходных форм. Правильно ставит вопрос инж. *Hermann Beck*, l. c.

классы. Каков объективный смысл этого процесса? Первое и самое главное: *разложение, разрушение старой империалистской армии*. Второе: *воспитание, подготовка активных организующих сил будущей пролетарской армии, воспитание, покупаемое ценой разрушения старого*. Никто не станет утверждать, что полковые комитеты делают армию боеспособной. Но объективная задача, ведь, и не состоит в том, чтобы поддержать боеспособность старой армии. Наоборот, она состоит в ее разрушении и подготовке сил для *иного* аппарата.

Однако, несмотря на все сходство процесса там и тут, есть все же одно крупное различие. В производстве сохраняется большая *непрерывность* всего процесса. Это происходит потому, что в недрах капиталистической системы уже была дана *основа* производственного аппарата будущего, в первую очередь профессиональные союзы. Соответствующих же военных организаций не было и не могло быть. Поэтому в военной сфере развитие идет большими скачками, весь процесс выражен более резко, грубо, если угодно, более революционно.

Резко отличается от разбираемого случая тип *пролетарски милитаризованного производства*. «Милитарный» тип любой организации выступает на сцену тогда, когда данная система находится в критическом положении. На войне налицо постоянная угроза гибели как отдельных частей борющегося аппарата (армии), так и «целого». Поэтому здесь требуется самими условиями существования этой организации совершенно определенный тип ее: величайшая точность, безусловная и беспрекословная исполнительность, быстрота решений, единство воли и поэтому минимум обсуждения и говорения, минимум коллегий, максимум единоличия. С другой стороны, поскольку элементы этой организации не являются спаянными внутренне, не выполняют всех решений сами, постольку армия опирается на систему репрессий, которые именно в этой области достигают своего максимума и находят как раз здесь свое наиболее яркое выражение.

Последний элемент должен быть особенно силен тогда, когда армия вербуется из элементов, которые *сами* не заинтересованы в войне, когда война ведется *против* их интересов. Такова империалистская война. Но и при господстве пролетариата элемент принуждения и репрессии играет большую роль, тем большую, чем больше процент не чисто пролетарских элементов—

с одной стороны и несознательных или полусознательных элементов среди самого пролетариата—с другой [1]). В таком случае «милитаризация» [2]) населения—в армейской организации прежде всего—является методом *самоорганизации рабочего класса и организации им крестьянства.*

Поскольку пролетарская диктатура и ее классический тип—советская система государства—находится в критическом положении, постольку совершенно ясно, что она должна приобрести характер *военно-пролетарской* диктатуры. Это значит, что деловые аппараты управления сжимаются, широкие коллегии сменяются узкими, все наличные организаторы и администраторы из рабочих распределяются наиболее экономным образом.

Это же явление—в усиленном виде—необходимо возникает при опасности *хозяйственной* катастрофы. Опасность эта дана хозяйственным истощением за время империалистской войны и войны гражданской. Поскольку центр тяжести пролетарских задач переносится в область хозяйственного строительства, где основная ткань хозяйственных аппаратов *уже* пропитана рабочими-администраторами, где рабочие организации *уже* стали основой, стержнем этих аппаратов, там с абсолютной неизбежностью намечается реорганизация их, идущая по линии сокращения коллегиальности, а в некоторых случаях (на отдельных заводах, фабриках и т. д.) к введению единоличного управления. Это последнее не есть ни уменьшение прав класса, ни уменьшение роли его организаций. Это есть сжатая, уплотненная *форма* пролетарского управления промышленностью, форма, приспособленная к условиям быстрой работы, ее «военного» темпа. Технически эта форма гораздо более совершенна, ибо

---

[1]) Если под милицией понимать *идеальную* милицию, где все выполняют свои функции добровольно, подобно тому, как участники оркестра слушаются палочки дирижера, то к ней вполне приложимы слова *Энгельса:* «Только общество, организованное и воспитанное на коммунистических началах, может приблизиться к милиционной системе, но и оно едва ли дойдет до нее» (цит. по книге *Ф. Меринга:* «Карл Маркс. История его жизни». Госуд. издательство. Петербург. 1920, стр. 242.)

[2]) По сути дела здесь термин «милитаризация» и проч. совсем неприменим, потому что и военная организация пролетарского государства, и военный тип организации промышленности имеет здесь совершенно иное значение. «Красный милитаризм»—словосочетание поистине варварское. Но бедность языка и «обычай» заставляют нас употреблять термин «милитаризация».

ее значение не в том, чтобы разрушать старое или только обеспечить господство новым отношениям или воспитывать массы; центр тяжести лежит здесь как раз в конструкции делового аппарата, в плавном и точном ходе работы. Эту задачу революция решает *после* того, как создана основа пролетарского административного аппарата вообще. Здесь уже не приходится центр внимания сосредоточивать на проблеме укрепления классовых позиций пролетариата—это вопрос в основном решенный: здесь центр тяжести лежит не в принципиальном изменении производственных отношений, а в подыскании такой формы управления, которая обеспечивает максимальную деловитость. Принцип широкой выборности снизу (обычно даже рабочими по фабрикам) заменяется принципом тщательного *подбора* в связи с техническим и административном стажем, компетентностью, твердостью кандидатов. Во главе правлений заводов становятся ответственные лица—рабочие или специалисты-инженеры. Но они подбираются и назначаются хозяйственными органами *пролетарской* диктатуры; их выставляют и предлагают тоже рабочие организации. В порах такой системы любой инженер не может выполнять никакой другой функции, кроме той, которая требуется от него пролетариатом.

Этот тип пролетарского управления промышленностью возможен и целесообразен лишь при определенных условиях; прежде всего, он предполагает прочность уже сложившейся советской власти, некоторое уже установившееся социальное равновесие на новом базисе. Такая система была бы невозможна и нецелесообразна в первую фазу переворота, фазу разрушения старых связей и овладевания производственными пунктами. Это нужно подчеркнуть со всей решительностью [1]).

Здесь нужно поставить еще один вопрос, стоящий в связи с уже разобранными, а именно вопрос о соотношении методов *управления* с методами *обучения управлению*. Одной из важней-

[1]) Поэтому, напр., решения 9-го съезда Рос. Ком. партии (б-ков), совершенно правильные для соответствующего периода в жизни русской советской республики, абсолютно непригодны для *хронологически* того же момента в других странах. Мы не можем здесь говорить об этой системе управления подробно и отсылаем интересующихся к следующим источникам: *Протоколы 9 съезда Р. К. П.*: газета «*Экономическая Жизнь*» за 2-ю половину марта и 1-ю половину апреля 1920 г.; *Протоколы 3-го Съезда Проф. Союзов.*

ших задач советской системы вообще является привлечение самых широких масс к непосредственному управлению. Точно так же обстоит дело, поскольку мы говорим о *хозяйственных* организациях государственного аппарата. В первый период функция обучения *сливается* с функцией самого управления. Иначе и не может быть. Буржуазные организаторы производства, техническая интеллигенция, идет тогда против пролетариата, рабочие еще не имеют административного опыта, но на их плечи ложится все. При таком положении дела пролетарии-передовики управляют, обучаясь, и обучаются, управляя. *Другого* выхода на первой ступени строительства социализма *нет*. Но для выполнения этих целей как раз и пригодна форма широко проведенной системы коллегиальности. Это есть не столько управление, сколько *школа* управления. Однако, совершенно очевидно, что из нужды не следует делать добродетели. В дальнейших фазах развития, поскольку укрепились позиции рабочего класса, как класса господствующего, и поскольку создается твердый остов компетентного управления промышленностью, базой которого служит уже слой выделившихся рабочих-администраторов; поскольку, с другой стороны, техническая интеллигенция возвращается, подобно блудному сыну в производственный процесс,—постольку функция управления *отделяется* от функции обучения этому управлению. Обучение управлению уже не покупается ценой постоянных ошибок в самом управлении. Массы, все более широкие, заинтересовываются и обучаются промышленному администрированию в особых учреждениях, особыми методами и приемами, гораздо более систематично, чем это было возможно в предыдущую фазу[1]).

---

[1]) В России эту мысль впервые выдвинул *т. Троцкий*. Хорошо формулирует это инж. *Hermann Beck*; «Eine vielköpfige Versammlung kann nicht Entscheidungen fällen, am Wenigsten im Wirtschaftsleben mit seinen komplizierten Zusammenhängen und der Folgenschwere jedes Beschlusses. Zunächst muss einmal ausgesprochen werden, dass es nicht Aufgabe der Betriebsräte ist, in den Gang der technischen und wirtschaftlichen Betriebsverwaltung laufend hineinzureden, so wenig wie ein Parlament in die laufenden Geschäfte der Staatsverwaltung sich hineinmischen kann. Die Verwaltung eines Unternehmens kann auch absolut nicht von Ausschüssen und Räten geführt werden, sie muss von verantwortlichen fachmännisch geschulten und selbständig handelnden Einzelpersönlichkeiten geleitet werden... Die Bedeutung aller dieser Kollektivorgane kann nur darin liegen, die Betriebsverfassung sowie Richtung und Geist der

Каков вероятный ход дальнейшего развития на пути к коммунизму? Поскольку острота хозяйственного кризиса (кризиса истощения) будет проходить и поскольку будут накапливаться все большие ресурсы человеческого материала, который может управлять и умеет управлять, постольку не будет надобности в резко выраженном милитарном типе управления. При всех своих безусловных преимуществах он имеет и некоторые крупные недостатки, вытекающие из типа принудительной дисциплины. Он категорически необходим при таких условиях, когда нужно действовать решительно и быстро: тогда его недостатки тонут в его достоинствах. Раз, однако, он выполнил свое назначение, на смену ему приходит новая фаза «развернутой» системы управления, которая отнюдь не является простым повторением уже пройденной ступени, а синтезом двух предыдущих. Тогда, говоря языком Гегеля, первая фаза представится, как тезис, вторая, как антитезис, а третья, как их объединение в некотором высшем единстве. Развитие, конечно, не остановится на этом. По мере отмирания государственной власти и всякой принудительной нормировки человеческих отношений коммунистическое человечество создаст наивысший тип «управления над *вещами*», где исчезнет и самая проблема коллегиальности или единоличия в какой бы то ни было формулировке, ибо люди будущего будут добровольно делать то, что будут требовать сухие выкладки статистического подсчета. Управление над *людьми* исчезнет навсегда.

Produkitonsleitung festzulegen und die Handhabung der Betriebsführung laufend zu überwachen... Dagegen ist eine zweite wichtige Funktion der Ausschüsse und Räte die *der Auslesevorichtung* («Sozialisierung als organisatorische Aufgabe», S. 52) И в другом месте: «Nur Verbohrheit kann leugnen, dass Betriebsrat und Arbeitterat die wertvollsten Neuschöpfungen politischer Organisation sind. Obschon sie heute vielfach noch unfruchtbare Schwatzklubs sind.. Man muss sich eben hüten, über die Unreife der ersten Entwickelungsphase einer Organisationsform ihren echten Kern zu überschen» (Eröffnungsansprache, S. 8). Несмотря на последнее замечание, сам *Beck* далеко не понимает специфических особенностей различных фаз трансформационного процесса. Отсюда его организационные планы, которые по своей конструкции абсолютно непригодны как раз к тому времени, для которых их предназначал сам автор.

ГЛАВА IX.

Экономические категории капитализма в переходный период [1]).

1. Методология марксистской экономики: объективно-общественный, материально-производственный и историческо-диалектический подход. 2. Постулат равновесия производственной системы. 3. Видоизменение этих точек зрения в переходный период: непроизводительное получение потреб. ценностей, отсутствие правильного воспроизводства и т. д.; отсутствие равновесия. 4. Товар. 5. Ценность. 6. Цена. 7. Заработная плата и прибыль. 8. «Натурализация» экономического мышления.

В анализе экономики переходного периода приходится иметь дело не только с «чистыми» формами и категориями. Этот анализ потому и труден, что здесь нет устойчивых величин. Если вообще наука в ее теперешнем состоянии изучает текучие «процессы», а не застывшие метафизические «сущности», то как раз в переходный период по причинам, совершенно очевидным, категории бытия заменяются категориями «становления». Текучесть, изменяемость, движение—эти черты свойственны переходному периоду в гораздо большей степени, чем «нормально» развивающимся отношениям внутри прочной производственной системы. Поэтому перед нами возникает вопрос, годятся или не годятся те методологические приемы и те «мыслительные категории», которые употреблялись Марксом по отношению к капиталистическому обществу, годятся ли они теперь, в эпоху ломки капитализма и закладывания нового общественного фундамента.

В самом деле. «При изучении экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» [2]). Изучая

---

[1]) Эта глава написана на основе черновых набросков, сделанных моим другом, тов. *Ю. Пятаковым.* Мы хотели писать данную работу совместно, но практические задачи, к величайшему моему сожалению отвлекли тов. Пятакова от этой работы и расстроили общий план ее. Мне пришлось эту главу отчасти сократить, отчасти дополнить, отчасти переработать согласно с контекстом книги. Во многих местах текст тов. Пятакова оставлен целиком. Но и в переделанных частях главы основа принадлежит ему. *Н. Б.*

[2]) *Маркс:* «Капитал», т. I, стр. XVI.

капиталистическую форму хозяйства и пользуясь этой силой абстракции, Маркс создал целую систему понятий, систему орудий познавания живой экономической действительности. Не только в руках гения, но и в руках всех последующих исследователей—не апологетов и сикофантов, а действительно научных исследователей—явлений хозяйственной жизни понятия эти были важнейшим средством научного овладения хозяйственным процессом. Научно овладеть хозяйственным процессом значит понять его в его развитии, понять каждое явление в его возникновении, эволюции и исчезновении и понять, как часть целого—при такого рода научном овладении понятия, отчеканенные Марксом, действовали «без отказа». Краеугольными камнями всего здания теоретической политической экономии, т.-е. теории хозяйства в его капиталистической форме, основными понятиями всей системы, были понятия: *товар, ценность, цена.*

Но пробил час капиталистической собственности. Экспроприаторы экспроприируются. Капиталистическое производство с неизбежностью процесса природы пришло к отрицанию себя самого. Коммунистическая революция потрясает всю хозяйственную систему до глубочайших основ, кощунственно разбивая «вечный» храм капитализма. Начинается процесс гигантских экономических сдвигов, грандиозных изменений, процесс перестройки всей системы производственных отношений. Старое переплетается с новым, новое борется со старым и то преодолевает его, то бессильно отступает назад. Нам необходимо познавательно овладеть этим сложным процессом, и здесь снова и снова приходится прибегать к силе абстракции [1]).

При первой же серьезной попытке действительно научно овладеть той весьма беспокойной конкретностью, которую мы называем хозяйством переходного периода, мы натыкаемся на то, что старые понятия теоретической экономии моментально отказываются служить. Мы натыкаемся на любо-

[1]) Из этого не следует, конечно, что не нужно пользоваться эмпирическим материалом. Наоборот. Ибо «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть для мышления только тот способ, коим оно усваивает конкретное, это есть метод, благодаря которому мышление духовно воспроизводит конкретное, как конкретное» (*K. Marx:* Einleitung zu einer Kritik der polit. Oekonomie. 2-е изд. «Zur Kritik» Dietz Verl., S. XXXVI; ср. также *Н. Бухарин:* Полит. экономия рантье, 1919, стр. 14.

пытное противоречие. Старые категории политической экономии продолжают быть формами практического обобщения непрерывно меняющейся живой экономической действительности. В то же время эти категории не дают никакой возможности проникнуть за «поверхность явлений», т.-е. отделаться от вульгарного мышления, понять процесс хозяйственной жизни в его целом и в его развитии. Это и понятно. В самой действительности те элементарные отношения, идеологическим выражением которых являются категории товара, цены, заработной платы, прибыли и т. д., одновременно и существуют и не существуют. Они не существуют и в то же время как бы существуют, и они существуют, как бы не существуя. Они влачат какое-то странное призрачно реальное и реально призрачное существование, на манер душ усопших в старославянском представлении или языческих богов в благочестивой христианской религии. Поэтому старые, испытанные орудия марксистской мысли, отчеканенные Марксом на основе весьма реального существования соответствующих производственных отношений, начинают давать осечку. А в обиходе практической жизни они продолжают некритически рассматриваться, как средства действительного понимания явлений хозяйственной жизни [1]).

---

[1]) Это отражается и на состоянии нашей практической экономической литературы. Берем наудачу один из номеров самого серьезного издания «Народное Хозяйство», № 5 за 1919 г. Открываем статью *И. Д. Михайлова* «Положение ж.-д. транспорта». Тут мы находим цифры «валового дохода», «эксплуатационных расходов», «расходов на содержание личного состава», «эксплуатационных расходов на 1 версту» и, наконец, «чистого дохода или дефицита». Все приводимые цифры обозначают суммы *рублей* и даются читателям *сравнительно* за 1910—1918 гг. и даже за первую половину 1919. Далее автор добросовестно и настойчиво высчитывает «себестоимость»—тоже в рублях—1 пуда в 1913, 14, 15, 16, 17 и 1918 году. Произведя эти арифметические упражнения, он делает *вывод*: «таким образом себестоимость перевозки за 4 года увеличилась более, чем в 50 раз». Какой смысл имеют все эти вычисления? Так называемый «курс рубля» выделывает пируэты не менее причудливые, чем товар в главе о фетишизме у Маркса или столы у спиритов. Можем ли мы пользоваться рублем, как единицей измерения? Но эта одна сторона дела. Что говорят эти цифры, если исчезает регулирующая роль рынка? Однако, рынок не вполне исчез: *отчасти* существует «вольный рынок» и «вольные цены»; отчасти «твердые цены», отчасти ресурсы поступают «бесплатно». Но и этого мало. Что говорят эти цифры, если многих предметов *нельзя вовсе достать* в добавочном количестве, т.-е.

Теоретическое пользование этими категориями предполагает теперь полное понимание их ограниченно исторического характера, понимание границ их значимости, понимания условий, смысла и предела их применимости при хозяйственных отношениях, перескакивающих на принципиально иные рельсы. Нам предстоит поэтому, во-первых, проанализировать исходные пункты, «методологию» теоретической экономии и выяснить роль основных ее понятий; во-вторых, проследить те видоизменения и ограничения, которые возникают для них в системе переходного хозяйства.

Можно различать три характерные особенности марксистской экономической методологии: объективно общественную точку зрения, материально производственный подход и, наконец, диалектическо историческую постановку вопроса.

Объективно общественная точка зрения утверждает примат общества над отдельным хозяйствующим субъектом—личностью. Последнего она рассматривает не как «атом», не как изолированного Робинзона, а как частицу социальной системы. «Производство изолированного индивидуума вне общества—такой же вздор, как развитие языка без совместно живущих и друг с другом разговаривающих индивидуумов» [1]).

Материально-производственный подход утверждает примат производства над потреблением и над всей экономической жизнью вообще. Первая (объективно общественная) точка зрения, являясь, как говорят математики, необходимой, отнюдь не является достаточной для характеристики всего метода. Общество существует, как некоторая устойчивая система. Каковы материальные условия существования этой системы? «Всякий ребенок знает, что любая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говорю уже на год, а хотя бы на несколько недель» [2]). Существование общества обусловлено его производством, которое носит «общественно определенный характер». Само общество рассматривается, прежде всего, как «производ-

---

если денежная величина становится абсолютно бессодержательной? Все эти вопросы даже не возникают у автора статьи. И это не единичный случай. Это—*типичный* образчик своеобразного вульгаризаторства наших дней.

[1]) *K. Marx.* Einleitung., S. XIII.

[2]) *Маркс*: Письма к Кугельману. Перевод под ред. Н. Ленина. СПБ., 1907, стр. 43.

ственный организм», а хозяйство, как «производственный процесс». Динамика производства определяет собой динамику потребностей. Производство, как основное условие существования общества, является элементом *данным* [1]).

Диалектическо-исторический метод рассматривает общество в его специфически исторических формах, а общие законы общественного развития в их конкретном проявлении, как законы определенной общественной формации, ограниченные в своем действии историческими пределами этой формации [2]). Поэтому и экономические категории суть «теоретическое выражение тех исторических отношений производства, которые сами соответствуют определенным ступеням развития этого материального производства» [3]). Они ни в коем случае не имеют вечного характера, как то утверждает буржуазная наука, которая увековечивает их потому, что увековечивает капиталистический способ производства [4]).

Кроме этих основных особенностей марксова метода, необходимо отметить еще один методологический прием, который можно условно назвать *постулатом равновесия*. На этом приеме, в виду его сугубой важности, с одной стороны, непонимания его в обычных изложениях марксова учения—с другой, следует остановиться особенно подробно.

Теоретически овладевая капиталистической системой производственных отношений, Маркс исходит из *факта ее существования*. Раз эта система существует, значит—худо ли, хорошо ли—общественные потребности удовлетворяются, по меньшей мере, в такой степени, что люди не только не вымирают, но и живут, действуют и размножаются. В обществе с общественным разделением труда—а товарно капиталистическое общество предполагает это последнее—это означает, что должно быть

---

[1]) Ср., напр., «Капитал», т. I, стр. 27: «Какова бы ни была форма» и т. д.

[2]) В этом состоит величайшая революционная сторона марксовой диалектики: «Раз понята связь вещей, рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике» (Письма к Кугельману, стр. 44).

[3]) *К. Маркс*. «Нищета философии», русск. пер. Львовича. СПБ., 1906, стр. XX.

[4]) О вышеупомянутых методологических положениях подробно см. *нашу* работу: «Полит. экономия рантье».

определенное *равновесие* всей системы. В нужных количествах производится уголь, железо, машины, ситцы, полотна, хлеб, сахар, сапоги и т. д. и т. п. В нужных количествах на производство всего этого соответственно затрачивается живой человеческий труд, пользующийся нужными количествами средств производства. Тут могут быть всякие уклонения, колебания, вся система расширяется, усложняется, развивается, находится в постоянном движении и колебании, но, в общем и целом, находится в состоянии равновесия [1]).

Найти закон этого равновесия и есть основная проблема теоретической экономии. Результат рассмотрения всей капиталистической системы *при условии ее равновесия* и есть теоретическая экономия, как научная система.

«Известно всем, что для соответствующих различным потребностям масс продуктов, требуются различные и количественно определенные массы совокупного общественного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость распределения общественного труда о определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления... А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда—эта форма и есть меновая ценность продукта» [2]).

Тут кратко и отчетливо виден весь подход к решению основной проблемы—проблемы *ценности.*

Если с этой точки зрения мы взглянем на всю конструкцию «капитала», то мы увидим, что анализ начинается с твердой, устойчивой системы равновесия. Постепенно вводятся усложняющие моменты. Система начинает колебаться, она становится подвижной. Эти колебания, однако, не теряют своего закономерного характера, и, несмотря на самые резкие нарушения равновесия (кризисы), система, как целое, сохраняется; через нарушение равновесия устанавливается новое равновесие, так сказать, более высокого порядка. Лишь поняв законы равновесия, можно

---

[1]) См. *Энгельс,* полемика с *Родбертусом* в предисловии к Марксовой «Нищете философии», цит. изд., стр. XI.

[2]) *Маркс.* Письма к Кугельману, стр. 43.

было итти дальше и ставить вопрос о колебаниях системы. Самые кризисы рассматриваются не как прекращение равновесия, а как нарушение его, при чем считается необходимым отыскать закон этого движения, поняв не только, как нарушается равновесие, но и как оно снова восстанавливается. Кризис не выходит за пределы *колебания* системы. К концу исследования *эта система* движется, колеблется, но через все движения и колебания равновесия восстанавливается снова и снова. Закон ценности есть закон равновесия простой товарной системы производства. Закон цен производства есть закон равновесия превращенной товарной системы, капиталистической системы. Закон рыночных цен есть закон колебаний этой системы. Закон конкуренции есть закон постоянного восстановления нарушенного равновесия. Закон кризисов есть закон необходимого периодического выведения системы из равновесия и восстановления его.

Маркс всегда ставит вопрос так: равновесие дано, как это возможно? Равновесие нарушено—как оно восстанавливается? Это и есть *постулат равновесия*, есть рассматривание всей системы в том *типичном* случае, *когда вопрос о возможности невосстановления равновесия и возможности гибели системы не ставится* [1]).

[1]) Обращаем внимание на следующее, крайне интересное, место из «Капитала» (т. I, стр. 320—321, пер. Степанова и Базарова): «Что устанавливает связь между независимыми работами скотовода кожевника и сапожника? То обстоятельство, что их продукты существуют, как товары... Лишь совокупный продукт многих частичных рабочих превращается в товары. ...Общественное разделение труда (предполагает) раздробление средств производства между многими независимыми друг от друга товаропроизводителями. В мануфактуре железный закон строго определенных производств и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями; наоборот, прихотливая игра случая и произвола определяет собою распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда. Правда, *различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию*, потому что, с одной стороны, каждый товаропроизводитель должен производить потребительную стоимость, т. е. удовлетворять определенной общественной потребности—при чем размеры этих потребностей количественно различны и различные потребности внутренне связаны между собой в одну естественную систему; с другой стороны, *закон стоимости товаров* определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоя-

Рассматривание общественной, и притом иррациональной, слепой, системы с точки зрения равновесия ничего общего, конечно, не имеет с harmonia praestabilitata, ибо оно исходит из *факта* существования этой системы и из такого же *факта* ее развития. Последнее предполагает тип этого равновесия как равновесия *подвижного*, а не статического.

Таковы основы методологии теоретической экономики. Нам необходимо теперь перейти к вопросу о «значимости» этих точек зрения по отношению *к периоду развала капитализма и к периоду господства пролетариата.*

Общественно-объективный подход остается обязательным и не нуждается ни в каких ограничениях. В самом деле, и в процессе общественной трансформации хозяйствующий субъект в своих мотивах и в своих действиях зависит от общественной среды, даже поскольку он остается, как индивидуальный товаропроизводитель. Задача состоит в том, чтобы анализировать перестройку *общественной* системы. Здесь: a) растет коллективный, собирательный, *сознательный* хозяйствующий субъект— пролетарское государство со всеми его соподчиненными органами; b) поскольку сохраняется анархическо-товарная система, постольку сохраняется иррациональный, слепой «рок» рынка, т.-е. опять-таки *общественная* стихия, все больше подпадающая под регулирующее воздействие окристаллизовавшегося обще-

---

нии затратить на производство каждого данного товарного вида. Однако, эта постоянная тенденция различных сфер производства *к равновесию* обнаруживается лишь *как реакция против постоянного нарушения этого равновесия.* Норма, применяемая при разделении труда внутри мастерской a priori и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь a posteriori, как внутренняя, слепая сила природы, которая подчиняет себе беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимается только в виде барометрических колебаний рыночных цен». В этих словах заключается in nuce вся марксова теория товарного хозяйства и тут-то мы видим, какую роль играет молчаливо предполагаемый при всем исследовании принцип равновесия. Интересно, что сам *Маркс* походя отмечает этот свой научный подход: «Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга... Однако, в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему? Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, отвечающем их понятию, виде, т.-е. рассматривать их независимо от того, чем они кажутся вследствие колебания спроса и предложения» («Капитал», т. III, стр. 165). Это и значит рассматривать общественное хозяйство в состоянии равновесия.

ственно сознательного центра; с) наконец, поскольку налицо элементы распада социальных связок (напр., образование замкнутых натурально-хозяйственных ячеек), то они, с одной стороны, «лимитируются» в своих действиях хозяйственной средой (самая их внутренняя реорганизация есть функция общественных сдвигов); с другой, они во все возрастающей степени вовлекаются в строительный процесс, постоянно подвергаясь планомерному воздействию со стороны государственно-хозяйственной организации пролетариата (трудовая повинность, всевозможные виды натуральной повинности и т. д.). Таким образом, даже когда отдельные элементы выпадают из общественно-производственного процесса, они находятся в постоянной сфере воздействия и сами рассматриваются с точки зрения *общественной* системы производства; в моменты своей максимальной обособленности они теоретически интересны, как объект общественного притяжения, как потенциальная составная часть новой общественной системы.

Однако, несмотря на то, что сохраняется значимость объективно общественного метода, этот последний приобретает *иной логический тон.* При анализе общественной структуры товарно-капиталистического типа все закономерности носят характер *стихийных* закономерностей, «слепой» силы, ибо весь общественно-производственный процесс иррационален. При анализе структуры переходного периода дело обстоит иначе, потому что здесь происходит в возрастающей пропорции *рационализация* общественно-хозяйственного процесса.

Материально-производственная точка зрения в общем тоже остается обязательной. Однако, она претерпевает существенные изменения и ограничения. *Во-первых*, самый процесс производства не является a priori данной величиной. Точнее сказать: в то время, как в «нормальные» периоды общественного развития заранее дан процесс общественного воспроизводства и предполагается непрерывное возобновление элементов производства в самом ходе этого производства, в переходный период, при сотрясении всего общественно-трудового аппарата, процесс воспроизводства стоит под знаком вопроса. Поэтому проблема гласит здесь не «*как* возможно производство?», а «*возможно* ли производство?» То же самое, с точки зрения производительных сил, можно выразить следующим образом: если в нормальное время развитие производительных сил было скрытой пред-

посылкой всех теоретических суждений, здесь вопрос ставится и о возможности их стационарного состояния, и о возможности их катастрофического падения.

Во-вторых, может наступить чрезвычайно значительное сокращение, а местами *прекращение* производственного процесса. Поскольку общество не вымирает, это компенсируется другими путями: а) более экономным распределением *остатков* прежних производственных (чисто капиталистических) циклов,—здесь процесс потребления отрывается от процесса производства и становится несоизмеримым с последним; b) *принудительным извлечением* из деревни продуктов сельскохозяйственного производства (здесь отличие от «нормального» положения состоит в том, что это извлечение лишь отчасти фундировано непосредственно экономическими методами; следовательно, в цикл воспроизводства входит лишь одна половина «народного хозяйства»); с) непроизводительными методами получения продуктов (военная добыча, переход из рук в руки базисных складов и т. д.).

В-третьих, поскольку процесс производства отрывается от процесса потребления, постольку—даже там, где сохраняется вольный рынок—на поверхности явлений выступают потребительные мотивы.

Диалектическо-исторический подход не только не подлежит ограничению, а, наоборот, выпячивается на первый план. Слагающиеся формы новых отношений, их переплетение со старыми, иногда в необычайно причудливых сочетаниях—все это делает из производственных отношений переходного периода комплекс sui generis. Далее, совершенно понятно, что диалектическо-историческая точка зрения, которая выдвигает принцип постоянной изменчивости форм, принцип познания *процесса*, неизбежно должна быть подчеркнута при анализе эпохи, где происходят с небывалой быстротой прямо геологического типа сдвиги социальных пластов. Относительность «категорий» политической экономии становится ясной до полной очевидности.

Постулат равновесия недействителен. Равновесие нужно принять, как состояние, к которому должна притти система (если она будет существовать), но может и не притти. Нет пропорциональности ни между производством и потреблением, ни между различными отраслями производства (в скобках прибавим: ни между людскими элементами системы). Поэтому в корне неправильно переносить на переходный период катего-

рии, понятия и законы, адэкватные состоянию равновесия. На это можно возразить, что, поскольку общество не погибло, равновесие есть. Однако, такое рассуждение было бы правильно, если бы период времени, который мы рассматриваем, представлял бы весьма длительную величину. Вне равновесия общество *долго* жить не может и умирает. Но эта же общественная система может некоторое время находиться в «ненормальном» состоянии, т.-е. вне состояния равновесия. В данном случае некоторое *относительное* равновесие покупается (поскольку мы не имеем внепроизводственной компенсации, что тоже невозможно a la longue) ценою частичного *разрушения самой системы*.

Таким образом, общая характеристика изменений и вариаций в методе исследования может быть выражена следующим образом: в анализе переходного периода недопустим целый ряд методологических упрощений, которые вполне уместны и допустимы в условиях прочной производственной системы. У *Маркса* постановка вопроса была такова: как возможно существование данной формы хозяйства и каковы законы возникновения, развития, исчезновения.

Измененная для переходного периода постановка вопроса гласит: каковы материальные условия существования общества в данный момент, как долго возможно его существование при данных условиях; как возможно производство; возможно ли установление равновесия; какой результат получится при установлении его и какой—при отрицательном решении этого вопроса; каково изменение производственных отношений в *обоих* случаях, каковы законы движения в *обоих* случаях и т. д.

Теперь нам необходимо перейти к некоторым основным понятиям политической экономии, чтобы выяснить степень их пригодности в рассматриваемый период. Ибо «идеи и категории столь же мало вечны, как и выраженные ими отношения. Они представляют собою исторические и преходящие продукты» [1]).

Границы применимости этих категорий станут тотчас ясными, если мы определим основные условия существования соответствующих им (этим категориям) реальных соотношений.

---

[1]) *К. Маркс.* «Нищета философии». Там же другая формулировка этой мысли: «Экономические категории представляют собою лишь теоретические отвлеченные выражения общественных отношений производства».

Товар. Эта категория предполагает, прежде всего, *общественное разделение труда или его дробление* и вытекающее отсюда *отсутствие сознательного регулятора* экономических процессов. В различии потребительных ценностей товаров проявляется общественное разделение труда, в их ценности проявляется всеобщая трудовая связь между частицами системы, не имеющей сознательного регулятора. Для того, чтобы какой-либо продукт или просто вещь стали товаром, еще не обязательно состояние прочных общественных связей. Например, при так называемых «случайных» сделках. Часто здесь общественные связи впервые устанавливаются (заморские купцы в редких экспедициях, редкие колониальные товары, «Raubhandel» и т. д.) [1]). Во всех этих случаях товар, однако, не может быть *всеобщей* формой. Здесь нет товарного производства и товарного хозяйства, как типа общественной структуры, здесь может и не быть даже единого общества (напр., ранний колониальный обмен). Товар может быть всеобщей категорией лишь постольку, поскольку имеется постоянная, а не случайная общественная связь *на анархическом базисе производства.* Следовательно, *поскольку исчезает иррациональность производственного процесса, т.-е. поскольку на место стихии выступает сознательный общественный регулятор, постольку товар превращается в продукт и теряет свой товарный характер.*

Ценность появляется тогда, когда мы имеем правильное *производство товаров.* Здесь обязателен не случайный, а *постоянный* тип анархической связи через обмен. Здесь необходимо также состояние *равновесия.* Закон ценности и есть не что иное, как закон равновесия товарно-анархической системы. С этой точки зрения, напр., ясно, что обмен слоновой кости на бусы (там, где, как говорил Маркс, обмен действительно есть обман) не есть ценностный обмен. Не всякий обмен есть *товарный* обмен (когда мальчики меняются перьями; или когда пролетарское государство практикует *продуктообмен* между городом и деревней). С другой стороны, не каждый товарный обмен есть *ценностный* обмен (напр., обмен на «вольном рынке» с его «несуразными» ценами не есть ценностный обмен, хотя он есть

---

[1]) *Маркс* различает (в Einleitung zu einer Kritik), на-ряду с производственными отношениями, *производные* (abgeleitete) производственные отношения. Об их установлении и идет речь.

товарный обмен). *Следовательно, ценность, как категория товарно-капиталистической системы в ее равновесии, менее всего пригодна в переходный период, где в значительной степени исчезает товарное производство и где нет равновесия.*

Цена есть, вообще говоря, выражение ценностного отношения. Но не всегда. В первом случае можно различать такие варианты: a) ценность совпадает с ценой по величине (статическое равновесие простой товарной системы); b) ценность не совпадает по величине (типичный случай); c) цена является производной величиной, свойственной товару, который сам по себе не имеет ценности (напр., цена земли, как капитализированная рента). От этих случаев нужно отличать *мнимую* форму, когда цена *не опирается* на ценностное соотношение. Здесь цена абсолютно отрывается от ценности. *Следовательно, в переходную эпоху случай мнимой формы неизбежно становится близким к типичному.*

Это явление, в свою очередь, связано также с крахом *денежной системы.* Деньги являются той вещно-общественной связкой, тем узлом, которым завязана вся развитая *товарная* система производства. Понятно, что в переходный период, в процессе уничтожения товарной, системы, как таковой, происходит процесс «самоотрицания» денег. Он выражается, во-первых, в так называемом «обесценении денег», во-вторых, в том, что распределение денежных знаков отрывается от распределения продуктов, и наоборот. Деньги перестают быть всеобщим эквивалентом, становясь условным—и притом крайне несовершенным—знаком обращения продуктов.

Заработная плата становится мнимой величиной, не имеющей своего содержания. Поскольку рабочий класс является господствующим классом, постольку исчезает *наемный труд.* В социализированном производстве наемного труда *нет.* А поскольку нет наемного труда, постольку *нет и заработной платы,* как цены продаваемой *капиталисту* рабочей силы. От заработной платы сохраняется лишь ее внешняя шелуха—денежная форма, которая тоже идет к самоуничтожению вместе с денежной системой. *При системе пролетарской диктатуры «рабочий» получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату.*

Равным образом исчезает и категория *прибыли, равно как и категория прибавочной ценности,* поскольку мы говорим о

новых производственных циклах. Однако, в той мере, в какой существует еще «вольный рынок», имеется спекуляция и т. д., налицо спекулятивный барыш, законы движения которого определяются иначе, чем в нормально-капиталистической системе. Здесь действует монопольное положение продавца, которое присасывает к нему продуктные массы из других сфер.

Вообще говоря, одна из основных тенденций переходного периода есть *разрыв товарно-фетишистских оболочек.* Вместе с растущей общественно-натуральной системой экономических отношений лопаются и соответствующие идеологические категории. А раз это так, перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т.-е. к рассматриванию и общества и его частей, как систем элементов в их натуральной форме.

ГЛАВА X.

„Внеэкономическое" принуждение в переходный период.

1. Насилие и принуждение в их соотношении с экономикой. 2. Насилие в переходные периоды. 3. Государственная власть, как концентрированное насилие. 4. Экономическое значение пролетарской диктатуры. 5. Насилие и принуждение по отношению к непролетарским слоям. 6. Принуждение, как проявление самоорганизации трудящихся. 7. Отмирание принуждения.

В теоретической политической экономии, т.-е. в науке, изучающей стихийные закономерности товарно-капиталистического общества, господствуют категории «чисто экономические». «В действительной истории, как известно, завоевание, порабощение, убийство и грабеж, одним словом, насилие играют большую роль. В смиренномудрой (sanft) политической экономии постоянно царила идиллия. Право и «труд» были всегда единственными средствами обогащения, конечно, с исключением всякий раз «этого года» [1]. Не подлежит никакому сомнению, что на всем протяжении исторического процесса

---

[1] *Karl Marx.* Das Kapital, B. I, S. 645 (Volksausgabe).

роль насилия и принуждения была чрезвычайно велика. Именно на этой почве могли возрасти теории, которые в насилии видят альфу и омегу истории [1]). С другой стороны, на отрицании насилия покоится целый ряд противоположных теорий, которые просто напросто не хотят видеть эмпирически данных явлений, ряда фактов, упрямо требующих своего объяснения. Марксизм не может «отмыслить» того, что дано реально, как крупнейший исторический фактор. Ограбление общинных земель в Англии и период первоначального накопления, массовый принудительный труд рабов в древнем Египте, колониальные войны, «великие бунты» и «славные революции», империализм, коммунистическая революция пролетариата, трудовые армии в Советской Республике,—все эти разношерстные явления разве не связаны с вопросом о принуждении? Конечно, да. Вульгарный исследователь успокоился бы, подведя все под одну рубрику. Сторонник диалектического метода должен анализировать эти формы в их историческом контексте, в их связи с целым, в их специфических особенностях, в их—иногда совершенно противоположном по существу—функциональном значении.

Социальное насилие и принуждение (а только о таковом у нас и идет речь) находится в двояком соотношении с экономикой: во-первых, оно появляется, как функция этой экономики; во-вторых, оно, в свою очередь, влияет на экономическую жизнь. В этой последней роли влияние его может итти по двум направлениям: либо оно идет по линии объективно развивающихся экономических отношений,—тогда оно удовлетворяет назревшей общественной потребности, *ускоряет* экономическое развитие, является его прогрессивной формой; либо оно стоит в противоречии с этим развитием,—тогда оно *замедляет* развитие, является его «оковами» и, по общему правилу, должно уступить место другой форме принуждения, с другим, если так можно выразиться, математическим знаком [2]). Особенно выпукло проявляется роль насилия в «критические эпохи». «Войны

[1]) Таковы работы *Dühring'a*: из более поздних авторов—*Gumplovicza* из новейших—*Franz'a Oppenheimer'a*.

[2]) См. об этом *Fr. Engels:* Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. 8. Auflage. Stuttgart, Verl. Dietz. 1914, S. 191—192. Также *Fr. Engels:* «Gewalt und Oekonomie» etc (предполагавшаяся IV часть о «теории насилия», опубликованная *Бернтейном* в Neue Zeit вскоре после смерти Энгельса).

и революции суть локомотивы истории». И оба эти «локомотива» являются формами—и притом наиболее резко выраженными—насилия. О переходе от феодализма к капитализму Маркс писал: «Эти методы покоются отчасти на самом зверском насилии (auf brutalster Gewalt), напр., колониальная система. Но все они используют государственную власть (Staatsmacht), концентрированное и организованное общественное насилие, чтобы ускорить... процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить переходный период (die Uebergänge). Насилие есть повивальная бабка всякого старого общества, которое беременно новым. Оно само есть экономическая сила (ökonomische Potenz)»[1]).

В переходную эпоху, когда одна производственная структура сменяется другой, повивальной бабкой является революционное насилие. Это революционное насилие должно разрушить оковы развития общества, т.-е., с одной стороны, старые формы «концентрированного насилия», ставшего контр-революционным фактором, старое государство и старый тип производственных отношений. Это революционное насилие, с другой стороны, должно активно помочь формированию новых производственных отношений, создав новую фому «концентрированного насилия», государство нового класса, которое действует, как рычаг экономического переворота, изменяя экономическую структуру общества[2]). С одной стороны, следовательно, насилие

---

[1]) *Karl Marx*. Das Kapital, B. I, S. 680 (Volksausgabe).

[2]) Каутский, Бауэр с tutti quanti с негодованием и отвращением говорят «о насилии, откуда бы оно ни исходило». Не так смотрели на дело творцы научного коммунизма. Вот что писал, напр., *Энгельс* о Дюринге: «Dass die Gewalt aber noch eine andre Rolle in der Geschichte spielt, eine revolutionäre Rolle... davon kein Wort bei Herrn Dühring. Nur unter Seufzen und Stöhnen (слушайте! слушайте! Н. Б.) gibt er die Möglichkeit zu, dass zum Sturz der Ausbeutungswirtschaft vielleicht Gewalt nötig werde leider. denn jede Gewaltsanwendung demoralisiere den, der sie anwendet... Und diese matte, saft-und kraftlose Predigerdenkweise macht den Anspruch, sich der revolutionärsten Partei aufzudrängen, die die Geschichte kennt!». *Engels* Herrn Eugen Dührings Umwälzung etc. S. 193). Как не вспомнить по поводу рассуждений *Каутского* о «Bestialität» и «Humanität» блестящих строк Энгельса об «истинных социалистах»: «Немного человечности», как принято выражаться в новейшее время, немного «реализации» этой человечности, или, вернее, чудовищности, очень немного о собственности из третьих или четвертых рук, немного о страданиях пролетариата, организации труда, насаждении неизбежных, но скучных

играет роль разрушающего фактора, с другой—оно является силой сцепления, организации, строительства. Чем больше по своей величине эта «внеэкономическая» сила, которая в действительности *является* «ökonomische Potenz», тем меньше «издержки» переходного периода (при прочих равных условиях, конечно), тем *короче* этот переходный период, тем скорее устанавливается общественное равновесие на новой основе и тем быстрее кривая производительных сил начинает подниматься кверху. Эта сила не есть какая-то сверх-эмпирическая, мистическая величина: она есть сила класса, совершающего переворот, его социальная мощь. Вполне понятно поэтому, что она в своей величине прежде всего зависит от степени организованности этого класса. А революционный класс наиболее организован тогда, когда он конституировался, как государственная власть. Вот почему государственная власть является «концентрированным и организованным общественным насилием». Вот почему *революционная* государственная власть является могущественнейшим рычагом экономического переворота.

В эпоху перехода от капитализма к коммунизму революционным классом, творцом нового общества является пролетариат. Его государственная власть, его диктатура, советское государство, служит фактором разрушения старых экономических связей и создания новых. «Политическая власть, в собственном смысле этого слова, есть организованная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса» [1]). Поскольку эта политическая власть, как «концентрированное насилие» над буржуазией, сама является *экономической* силой, это есть сила, разрывающая капиталистические производственные отношения,

---

ферейнов для поднятия низших классов народа. И на-ряду с этим безграничное невежество в вопросах... действительной общественной жизни. Таково содержание всей их литературы, которая благодаря... «абсолютному беспристрастию» мысли утрачивает последние следы энергии и действенности. И такой скукой хотят революционизировать Германию, поднять пролетариат, вызвать в массах способность думать и действовать». Эти филистерски-трусливые черты «истинных социалистов» были типичны и для внутрипартийных отношений. «Характерно для этих старых баб,—говорил Маркс,—что они стараются затушевать и подсластить всякую серьезную партийную борьбу» (цит. по *Мерингу*, I. с. 92—93). Разве это не истинный прообраз «беспристрастных», «нейтральных», «независимых» теоретиков?.

[1]) *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Коммунист. Манифест.

переводящая в распоряжение пролетариата материально-вещественный остов производства и постепенно вставляющая *непролетарские* людские элементы производства в систему новой общественно-производственной связи. С другой стороны, это же «концентрированное насилие» отчасти обращается и *вовнутрь*, являясь фактором *самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся*. Таким образом, нам необходимо анализировать обе стороны принуждения: по отношению к непролетарским слоям и по отношению к самому пролетариату и близким к нему общественным группировкам.

Господствующий пролетариат в первую фазу своего господства имеет против себя 1) паразитические слои (бывшие помещики, рантье всех видов, буржуа-предприниматели, имевшие мало отношения к производственному процессу); торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры; 2) вербовавшуюся из тех же слоев непроизводительную административную аристократию (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и проч.); 3) буржуазных предпринимателей-организаторов и директоров (организаторы трестов и синдикатов, «деляги» промышленного мира, крупнейшие инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром изобретатели и проч.); 4) квалифицированную бюрократию— штатскую, военную и духовную; 5) техническую интеллигенцию и интеллигенцию вообще (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т. д.; 6) офицерство; 7) крупное зажиточное крестьянство; 8) среднюю, а отчасти и мелкую городскую буржуазию; 9) духовенство, даже неквалифицированное.

Все эти слои, классы и группы неизбежно ведут активную борьбу против пролетариата под политической гегемонией представителей финансового капитала и под военной гегемонией генералитета. Эти атаки нужно отбить и врага дезорганизовать. Другие методы борьбы с его стороны (саботаж) нужно подавить и т. д. Все это может сделать только «концентрированное насилие». По мере того, как пролетариат побеждает в этой борьбе и силы его все больше сплачиваются вокруг основного кристаллизационного пункта социально-революционной энергии—диктатуры пролетариата—начинается ускоренный процесс разложения старой психологии у экономически полезных и непаразитар-

ных групп враждебного лагеря. Эти элементы нужно учесть, собрать, поставить на новое место, вдвинуть в новые трудовые рамки. И это может сделать только принудительно действующая организация пролетарского государства. Она ускоряет процесс вбирания тех людских элементов, которые полезны и в новой системе, в первую голову технической интеллигенции. Само собой понятно, что сколько-нибудь планомерно, общественно-целесообразно применить эти силы невозможно без принудительного давления. Ибо старые психологические остатки, находящиеся еще в головах этих людских категорий, с их отчасти индивидуалистической, отчасти анти-пролетарской психологией, воспринимают план общественной целесообразности как грубейшее нарушение прав «свободной личности». Внешнее государственное принуждение является здесь поэтому абсолютно необходимым. Лишь в ходе развития, при постоянном перевоспитании этих слоев, по мере их классовой деформации и превращения их просто в общественных работников, элементы принуждения становятся все меньше. Понятно, что процесс психологического перевоспитания тем труднее и тем болезненнее, чем выше данная группа стояла в системе капиталистической иерархии; общественной переработке труднее всего поддаются такие социальные группы, бытие которых всего теснее связано со специфическими формами и методами капиталистического производства. Непосредственная борьба с ними в первый фазис революции, постановка их в условия, когда они могут совершать общественно-полезную работу, не будучи в состоянии вредить делу коммунистического строительства, целесообразное размещение этих сил, правильная *политика* по отношению к ним, меняющаяся в зависимости от психологического содержания их—все это предполагает, в конечном счете, «санкцию» «концентрированного насилия», стоящего настраже коммунистического общества im Werden.

Принуждение, однако, не ограничивается рамками прежде господствовавших классов и близких к ним группировок. Оно в переходный период—в других формах—переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс. Эту сторону дела нам необходимо разобрать с большей подробностью.

В переходный период анализ нельзя ограничивать предпосылкой сплошной однородности класса. При изучении абстрактных законов капиталистического механизма незачем

было останавливаться на молекулярных движениях внутри классов и на дифференцированности этих «реальных совокупностей». Там они принимались, как некоторая сплошная величина, более или менее однородная. Перенесение этого взгляда—совершенно верного в рамках абстрактно-теоретического анализа «чистого капитализма»—на анализ переходного времени с его крайне текучими формами, с его, так сказать принципиальной динамикой, являлось бы грубейшей методологической ошибкой. Не только механика междуклассовая, но и механика внутриклассовая должны быть приняты во внимание. И соотношения общественных сил и соотношения внутри классов суть крайне подвижные величины, подвижность которых делается особенно большой в «критические эпохи» [1]).

Воздействуя на природу, человек меняет свою собственную природу—говорил Маркс. Но то же самое происходит и в ходе общественной борьбы. В этом и состоит процесс революционного *воспитания* пролетариата. Если рассматривать этот процесс с точки зрения внутриклассовых прослоек,то его можно обозначить как процесс постоянного приближения к авангарду рабочего класса его средних и низших слоев. Здесь и происходит превращение «класса в себе» в «класс для себя». Точка зрения на «народ» кающегося барина заключается в идеализации каждого «члена» низшего класса» in concreto. Пролетарски-марксистская точка зрения оперирует с реально существующими величинами.

Пролетариат приходит к своему господству, как класс. Но это отнюдь не означает сплошного характера этого класса, где каждый его член представляет какую-то идеальную среднюю. Пролетарский авангард активно ведет за собой других. Он—сознательная, продуманно действующая, организующая величина. Он увлекает за собой сочувствующую середину, которая инстинктивно «сочувствует» перевороту, но не может ясно формулировать цели и точно наметить пути. В ходе развития *нет* грани между авангардом и этим очень обширным слоем. Наоборот, происходит постоянное вовлечение в передовой слой

---

[1]) Поэтому нелепа точка зрения *Каутского* и иже с ним, когда они представляют себе революцию на манер парламентского голосования, где арифметическая величина (половина населения+1) решает дело. См. *Н. Ленин*: «Выборы в Учред. Собрание и диктатура пролетариата». Комм. Интернационал 1919, № 7—8.

все новых и новых сил. Этот процесс и есть та внутренняя спайка, которая делает из класса класс. За серединой сочувствующих есть слой индифферентных, а затем и так называемых шкурников. Процесс воспитания, однако, касается и их: пролетарский авангард растет, расширяется численно, впитывает в себя все большие слои класса, который все больше становится «классом для себя».

Если мы подойдем к этому вопросу несколько с другой стороны, то обнаружим, примерно, такие группировки: ядро индустриального пролетариата, порвавшего связи с деревней, типичного, постоянно занятого в промышленности рабочего класса; рабочую аристократию, иногда чрезвычайно связанную с интересами капитала (особо квалифицированные рабочие Америки, Германии, Англии; печатники почти во всех странах и т. д.); сезонных рабочих, периодически входящих и выходящих из сферы промышленности; рабочих с привесками частной собственности (домиками, иногда землей и т. д.); рабочих, связанных с деревней, иногда хозяйничающих и на земле; рабочих, ставших таковыми за время войны, не прошедших капиталистической выучки, иногда рекрутировавшихся из городского мещанства, ремесленников, торговцев и проч.; рабочих, специально отобранных по социально-политическому признаку капиталистическими государствами (напр., некоторые слои железнодорожников); сельскохозяйственных рабочих, чистых батраков и полубатраков и т. д. и т. п. Таким образом, получается довольно пестрая картина «бытия» различных категорий рабочего класса, а, следовательно, и их общественного «сознания». Ясно, что среди этих групп есть и группы, совершенно развращенные капитализмом, с максимумом узких эгоистических, шкурнических» побуждений. Но даже сравнительно широкие круги рабочего класса носят на себе печать товарно-капиталистического мира. Отсюда совершенно неизбежна *принудительная дисциплина*, принудительный характер которой тем сильнее чувствуется, чем менее добровольной, внутренней дисциплины, то-есть чем менее революционен данный слой или данная группа пролетариата. Даже пролетарский авангард, который сплочен в партию переворота, в коммунистическую партию, устанавливает такую *принудительную самодисциплину* в своих собственных рядах она ощущается здесь многими составными частями этого авангарда мало, так как она совпадает с внутренними мотивами:

но тем не менее она есть [1]). Но она устанавливается не другой силой, а выражает коллективную волю всех, обязательную для каждого.

Само собою разумеется, что этот элемент принуждения, которое здесь есть самопринуждение рабочего класса, возрастает от его кристаллизованного центра в сторону гораздо более аморфной и распыленной периферии. *Это есть сознательная сила сцепления частиц рабочего класса, которая для некоторых категорий, субъективно, является внешним давлением, которая для всего рабочего класса, объективно, является его ускоренной самоорганизацией.*

В *коммунистическом* обществе будет полная свобода «личности» и отсутствие какой-бы то ни было внешней нормировки отношений между людьми, самодеятельность без принуждения. В *капиталистическом* обществе для рабочего класса не было никакой самодеятельности и одно принуждение *со стороны враждебного класса*. В *переходный период* самодеятельность рабочего класса имеется на-ряду с принуждением, устанавливаемым рабочим классом, как классом для себя, ко всем своим частям. Противоречие между принуждением и самодеятельностью выражает собою здесь противоречивый характер самого переходного периода, когда пролетариат *уже* вышел из рамок капиталистического принуждения, но *еще* не сделался работником коммунистического общества.

Одной из главных принудительных форм нового типа, действующих в сфере самого рабочего класса, является уничтожение так называемой «свободы труда». «Свобода труда» в капиталистическом обществе означала одну из многочисленных фикций этого общества, т. к. в действительности монополизация средств производства капиталистами *заставляла* рабочих продавать свою рабочую силу. Эта «свобода» сводилась к следующему: во-первых, к относительной возможности *выбора* себе хозяина (переход с фабрики на фабрику), возможности «уволиться» и «получить расчет»; во-вторых, под этой «свободой» разумелась *конкуренция между самими рабочими*. В своем последнем значении «свобода труда» отчасти уже преодолевалась

---

[1]) В Советской России коммунист, который совершил преступление, по инициативе партии, получает наказание гораздо большее, чем «простой смертный».

рабочими организациями еще в период капитализма, когда профессиональные союзы частично уничтожали конкуренцию рабочих друг с другом, объединяя их, организовывая распыленные частицы класса, сплачивая их и делая их сильнее в их борьбе против класса капиталистов. Профессиональные союзы выставляли требование, чтобы на фабрику допускались только члены союза; они подвергали бойкоту (т.-е. применяли насилие) штрейкбрехеров, это живое воплощение буржуазной «свободы труда» и т. д. При диктатуре пролетариата вопрос о «хозяине» отпадает, так как «экспроприаторы экспроприированы». С другой стороны, остатки неорганизованности, несолидарности, индивидуализма, цеховой ограниченности, пороков капиталистического общества проявляются в виде непонимания *общепролетарских* задач, которые получают свое концентрированное выражение в задачах и требованиях советской диктатуры, рабочего государства. Так как эти задачи необходимо выполнять во что бы то ни стало, то понятно, что, с точки зрения пролетариата, как раз во имя действительной, а не фиктивной свободы рабочего класса необходимо уничтожение так называемой «свободы труда». Ибо последняя не мирится с правильно организованным, «плановым» хозяйством и таким же распределением рабочих сил. Следовательно, режим трудовой повинности и государственного распределения рабочих рук при диктатуре пролетариата выражает уже сравнительно высокую степень организованности всего аппарата и прочности пролетарской власти вообще [1]).

При капиталистическом режиме принуждение защищалось от имени «интересов целого», тогда как в действительности речь шла об интересах капиталистических групп. При пролетарской диктатуре впервые принуждение действительно есть орудие большинства в интересах этого большинства.

Пролетариат, как класс, есть единственный класс, который в общем лишен собственнических предрассудков. Но ему приходится действовать бок-о-бок с иногда весьма многочисленным

[1]) Вопли российских меньшевиков против принуждения в эпоху пролетарской диктатуры совершенно то же, что вопли капиталистов о нарушении свободы труда профессиональными союзами, которые расставляют пикеты во время стачки и не дают капиталистам использовать штрейкбрехеров. Известно, что самые большие гнусности капиталистическая клика проделывала как раз под лозунгом охраны свободы труда.

крестьянством. Если крупные крестьяне (кулаки) активно борются против мероприятий пролетарской диктатуры, то «концентрированному насилию» пролетариата приходится давать более или менее внушительный отпор кулацкой вандее. Но массы среднего, а отчасти даже бедного крестьянства, постоянно колеблются, движимые то ненавистью к капиталистически-помещичьей эксплоатации, ненавистью, которая толкает их к коммунизму, то чувством собственника (а, следовательно, в годину голода *и спекулянта*), которое толкает его в объятия реакции. Последнее выражается в сопротивлении государственной хлебной монополии, в стремлении к свободной торговле, которая есть спекуляция, и к спекуляции, которая есть свободная торговля; в сопротивлении системе трудовой повинноссти и вообще всяческим формам государственного обуздания хозяйственной анархии. Эти стимулы особенно подчеркиваются, поскольку истощенные города не могут на первых порах дать эквивалента за хлеб и повинности, идущие «в общий котел». Поэтому и здесь принуждение является абсолютной и повелительной необходимостью.

Итак, по отношению к бывшим *буржуазным группам* принуждение со стороны пролетарской диктатуры есть принуждение со стороны инородного класса, который ведет классовую борьбу с объектами своего принуждения; по отношению к некулацкой *крестьянской* массе принуждение со стороны пролетариата есть классовая борьба постольку, поскольку крестьянин есть собственник и спекулянт; оно есть его сплочение и трудовая организация, его воспитание и вовлечение в коммунистическое строительство, поскольку крестьянин есть трудящийся, не эксплоататор, противник капитализма; наконец, по отношению к самому *пролетариату* принуждение есть метод организации, устанавливаемый самим рабочим классом, т.-е. метод принудительной, ускоренной *самоорганизации.*

С более широкой точки зрения, т.-е. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи. В самом деле, эпоха пролетарской диктатуры есть в то же время эпоха *деформации классов.* Капитализм сопровождался все далее и

далее идущим социальным *расщеплением* общества: он разлагал крестьянство, уничтожал «среднее сословие», доводил классовые противоречия до максимальной степени остроты. Диктатура пролетариата, выражая на первых порах, самый кричащий раскол капиталистического мира, после установления некоторого равновесия, *начинает вновь собирать человечество.* Бывшая буржуазия, пораженная, разбитая, смирившаяся, обнищавшая, приучившаяся к физическому труду, духовно перерабатывается и перевоспитывается. Часть ее гибнет в гражданской войне, но та часть, которая выживает, представляет уже иную социальную категорию. Интеллигенция тоже. Крестьянство, гораздо более других устойчивое в общем потоке, все же втягивается в общее русло и перевоспитывается медленно, но верно. Сам пролетариат точно так же «переделывает свою собственную природу». Таким образом, специфические классовые особенности стираются, классы начинают распадаться, как классы, равняясь по пролетариату. Наступает период *деформации* классов. Рычагом этой деформации является пролетарская диктатура. Будучи концентрированным насилием, она в конце концов уничтожает какое бы то ни было насилие. Будучи наивысшим выражением класса, она уничтожает всякие классы. Будучи режимом класса, организованного как государственная власть, она подготовляет гибель всякого государства. Ведя борьбу за свое существование, она уничтожает свое собственное существование. В бесклассовом, безгосударственном коммунистическом обществе, где на место внешней дисциплины станет простое влечение к труду нормального общественного человека, потеряют всякий смысл внешние нормы человеческого поведения. Принуждение в какой бы то ни было форме исчезнет раз навсегда.

ГЛАВА XI.

Мировой революционный процесс и мировая система коммунизма.

1. Система равновесия мирового хозяйства. 2. Война, как нарушение производственного равновесия. 3. Крах системы, начиная с наиболее слабых звеньев. 4. Типы коммунистической революции. 5. Соотношения между государствами пролетариата и государствами буржуазии. 6. Коммунистическая революция и капиталистические колонии. 7. Кристаллизация советских республик и союзы их. 8. Мировая диктатура пролетариата и ее уничтожение. 9. Мировая система коммунизма.

До войны система мирового хозяйства находилась в состоянии подвижного равновесия. Процесс обмена между странами, международное движение капитала (экспорт и импорт капитала), интернациональное передвижение рабочей силы крепко связывали отдельные части этой системы прочными узами «нормальных» процессов, жизненно необходимых для самого существования мирового хозяйства и его составных элементов. Законы капиталистическо-товарной системы, которые в их абстрактной форме анализировались чистой теорией, как законы абстрактного, «чистого», капиталистического общества и которые конкретно реализовались в эпоху промышленного капитализма в рамках государственно отграниченных территорий, стали стихийными законами анархической *мировой* системы прежде всего. Мировые цены, и, след., общественно-мировой труд, как их регулятор «in der letzten Instanz»; мировая конкуренция, мировой рынок, тенденция к мировой средней норме прибыли; тяготение процента к единой, опять-таки мировой, средней; выравнивание заработных плат и их тяготение к одному мировому уровню, который двигал рабочую силу из страны в страну; мировые промышленные кризисы и так далее и тому подобное,—все это было проявлением основного *факта* находящейся в состоянии подвижного равновесия, но развивающейся в противоречиях системы *мирового* капитализма.

Эта всеобщая связанность и взаимозависимость отдельных капиталистических государств друг от друга,—то обстоятельство, что все они были составными частями *общей* системы,—неминуемо влекло за собой *мировой* характер войны. Точно

также, как кризисы приняли характер *мировых* кризисов именно в силу цепной связи между частями мирового хозяйства, и *война* должна была неизбежно принять характер грандиозного мирового побоища. Кризис распространяется и катится волной потому, что нарушение равновесия в одной части системы неизбежно переносится, как по телеграфной проволоке, на все ее части. Война в условиях мирового хозяйства, означая нарушение равновесия в одном месте, превратилась с неизбежностью в гигантское потрясение *всей* системы, в мировую войну. Разрыв связей мирового хозяйства означал распадение его на куски, а процесс расширенного отрицательного воспроизводства, протекавший параллельно в воюющих странах в условиях этого разрыва, привел в конце концов к краху всей системы.

С каких звеньев должен был начаться этот крах? Само собой понятно, что он должен был начаться как раз с тех звеньев, которые были *организационно-капиталистически* наиболее слабы [1]).

В самом деле, мы уже видели в III главе этой работы, что устойчивость частных капиталистических систем внутри мирового хозяйства, поскольку война стала конкретным фактом, объяснялась той внутренней реорганизацией производственных отношений, которая приводила к форме государственного капитализма. В общем и целом можно сказать поэтому, что устойчивость этих систем была прямо пропорциональна высоте государственно-капиталистической организации. Без нее капитализм не выжил бы даже и того срока, который отвела ему история. Эта устойчивость, связанная с формой государственного капитализма, шла и по линии производственной, и по линии социально-классовой. Однако, сама государственно-капиталистическая форма народного хозяйства была возможной лишь при определенной «зрелости» капиталистических отношений вообще. Она была тем совершеннее, чем—при прочих

1) Противоположные взгляды на крепость хозяйственных организмов развивались некоторыми идеологами экономической отсталости. Такова, напр., известная книга генерала *Гулевича* о войне и народном хозяйстве. С другой стороны, опасность видели (правда, в ограниченных рамках «бедствий», не выходящих за пределы капитализма) молодые русские империалисты pur sang. См., напр., статью *П. Струве* в сборнике «Великая Россия». Ср. также *С. Прокопович*: «Война и народное хозяйство».

равных условиях—было выше развитие производительных сил, финансово-капиталистическая организация, совокупность монопольных отношений нового капитализма. Она была тем менее совершенна, чем более отсталой и аграрной была данная страна, чем менее были развиты производительные силы, чем слабее была финансово-капиталистическая организация хозяйства. Но не только с точки зрения экономической и социальной структуры, а и с точки зрения технически производственной наиболее устойчивыми, в гигантском конфликте должны были оказаться системы с наиболее развитой техникой, которой требовала империалистская война. Эта *техника* имела решающее военное значение. Совершенство *организационной формы* отчасти компенсировало процесс отрицательного расширенного воспроизводства. *Концентрация социальной мощи* буржуазии в государственной власти, сросшейся с экономическими организациями капитала, создавала гигантское сопротивление для рабочего движения. Поэтому крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народно-хозяйственных систем, с наименее развитой государственно-капиталистической организацией [1]).

С вопросом хронологического порядка пролетарских революций отнюдь не следует смешивать вопроса о высоте *типа* данной революции. Высота типа революции определяется удельным весом того комплекса производственных отношений, которые воплощены в пролетариате. Чем больше относительно концентрированного пролетариата, тем выше тип коммунистической революции, тем труднее *победить*, но тем легче *строить* [2]). Организационные предпосылки коммунизма лежат, как мы видели, в области концентрированных средств производства и обобществленного труда. В мировой капиталистической системе эти предпосылки наиболее ярко выражены в «великих державах» капитала, где наиболее крепка мощь буржуазии. С другой стороны, именно потому, что перед нами *анархиче-*

---

[1]) Само собой разумеется, что в тексте предполагается равенство прочих условий. Простой механический перевес сил может находиться и на стороне более отсталых группировок, если они составляют *количественно* большую величину.

[2]) Наиболее вульгарным «образцом» противоположной точки зрения является работа народника (левого эсэра) *В. Трутовского:* «Переходный период».

ская мировая система, с особым положением «в мировом хозяйстве» его составных частей, как раз для «великих» империалистских систем создавалась возможность эксплоатации колоний. А на этой почве создавалась и другая возможность, а именно возможность временной «общности интересов» между империалистским «отечеством» и рабочим классом. Эта «Interessengemeinschaft», в свою очередь, страшно задерживала ход революции, которая базируется на разрыве всякой общности между буржуазией и пролетариатом. И тем не менее, поскольку революция есть уже данный факт, она по своему типу выше всего именно в тех странах, где рабочий класс составляет максимальный процент всего населения и где средства производства концентрированы сильнее всего. Потому что этими двумя факторами дается, во-первых, материально-вещественный остов нового общества, а, во-вторых, основные его производственные отношения. С этой точки зрения совершенно понятно, почему революция пролетариата произошла раньше всего в России. Здесь государственная машина была наимее крепка организационно. Только наметились формы государственного капитализма. Техническая слабость аграрной, в общем, страны обусловила неслыханный военный разгром. Государственный аппарат оказался настолько неустойчивым, что мог быть сравнительно легко опрокинут пролетариатом в крупных городских центрах. Но, с другой стороны, после победы пролетаритата причины легкости этой победы диалектически превращаются в причины величайшей трудности. Экономическая отсталость страны, громадное поле расщепленного, раздробленного мелкособственнического труда в противоположность труду действительно обобществленному,—все это представляет громадные препятствия для организации планомерной общественно-хозяйственной системы. Революция победила легко и потому, что пролетариат, стремящийся к коммунизму, был поддержан крестьянством, которое шло против помещика. Но то же самое крестьянство оказывается величайшим тормазом в период строительства коммунистических производственных отношений.

Наоборот, в Германии революция шла гораздо болезненнее. Капиталистическое государство оказывает здесь сопротивление гораздо более упорное; пролетариат является единственной революционной силой; победа достается труднее. Но тип

революции здесь выше, несмотря на то, что революция приходит позднее [1]).

Таким образом, если мы рассматриваем революционный процесс в мировом его масштабе, то мы можем выставить следующее общее положение: *мировой революционный процес начинается с низших по своему уровню частичных систем мирового хозяйства, где победа пролетариата легче, но кристаллизация новых отношений труднее; скорость наступления революции обратно пропорциональна зрелости капиталистических отношений и высоте типа революции.*

Прекращение империалистской войны не может остановить распада капиталистической системы, ее краха, коммунистической революции пролетариата. Падение производительных сил продолжается и после заключения мира. Империалисты думали организовать мировое хозяйство методами, которые отрицают мировое хозяйство. Победители думали выйти из затруднений путем беспощадной эксплоатации, которая в конце концов уничтожает самую возможность этой эксплоатации. А дух мировой конкуренции играет над ними злую шутку, заставляя их бороться друг с другом. Так история показывает империализму свое роковое a posteriori, которое внезапно предстает перед «победителями» во всей своей ужасающей наготе [2]).

---

[1]) Блестящий анализ революционной обстановки и ее типов читатель найдет у *Н. Ленина:* Детская болезнь «левизны» в коммунизме (опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике).

[2]) *John Keyenes* пишет в своей книге «The economic consequences of the peace» (Macmillan and C,° London, 1920) о Европе после «мирного» договора: «The Treaty includes no provisions for the economic rehabilitation of Europe,—nothing to make the defeated Central Empires into good neighbours, nothing to stabilise the new States of Europe, nothig to reclaim Russia; nor does it promote in any way a compact of economic solidarity amongst the Allies themselves: no arrangement was reached at Paris for restoring the disordered finances of France and Italy, or to adjust the systems of the Old World and the New (p. 21i). *Keyenes* характеризует положение след. образом: «The significant features of the immediate situation can be grouped under three heads: first, the absolute falling-off, for the time being, in Europe's internal productivity; second, the breakdown of transport and exchange...; and third, the inability of Europe to purchase its usual supplies from overseas» (216). О грозящей социальной катастрофе см. стр. 213; о настроении господствующих классов—222. Крах империалистической системы задним числом *вгонягт* империалистам любовь к

Экономическая изоляция и распадение связей во время войны, последствия такого состояния после нее обостряют процесс разрушения производительных сил и ускоряют крах капиталистической системы, звено за звеном; революционное завоевание власти пролетариатом и переворот в способе производства хотя бы в одной стране крайне обостряют процесс разрушения старой идеологии, «революционизируют» рабочий класс в других странах, для чего дана подпочва всем предыдущим развитием. В первых советских республиках мировой пролетариат имеет свои организации, обладающие максимумом социальной и материальной мощности. Поэтому среди распадающейся мировой системы капиталистического хозяйства они являются неизбежно новыми кристаллизационными пунктами, центрами притяжения пролетарской энергии и крупнейшим фактором дальнейшего разложения капиталистической системы. Во всем капиталистическом мире, несмотря на попытки вдохнуть в него новую жизнь, разруха идет гигантскими шагами. Производительные силы падают. Производственные отношения разлагаются и разрываются. Экономического равновесия между производственными сферами нет, и нарушение его принимает все более и более резкие формы. Социально-классового равновесия тоже нет, и дело идет к решающему конфликту. Политическая организация, вернее, государства буржуазии переживают кризис, ибо мировой империализм оказывается неспособным вести абсолютно единую, во всех частях однородную политику. Капиталистические армии разлагаются. Поскольку мировая производственная анархия и ее выражение, мировая конкуренция, диктуют свою слепую волю буржуазным государственным организациям, постольку весь процесс все более принимает стихийный характер распада. Стихия капиталистических отношений на базисе их разрушения создает то ха-

---

содружеству в единых рамках мирового хозяйства. Так, инж. *Roedder* (l. c. S. 50) повествует: Wie Bausteine eines grossen Gefüges sich gegenseitig tragen, an einander legen und schirmen, so beruht auch im Zusammenleben und gemeinsamen Vorwärtsstreben der Nationen eine auf der anderen. Ist aber ein Baustein zermürbt, so muss bei Zeiten durch einen besseren ersetzt werden, damit nicht dem ganzen Bau eine Gefahr erwächst» и т. д. Все эти меланхолические рассуждения заканчиваются трагическим: «To be or no to be, that is the question». *Капиталистической* системе история отвечает решительным отрицанием.

рактерное состояние неуверенности, которое предвещает близкий конец. И среди этой расползающейся мировой ткани капиталистического хозяйства появляются нового типа *растущие* организации, где дана принципиально возможность *развития*, ибо только здесь возможно восстановление общественного равновесия; организации, которые как раз из разложения капиталистических систем черпают добавочное количество своей собственной мощи; государства пролетариата с новой системой экономических отношений, которые тем более укрепляются, чем более слабеют распадающиеся старые, капиталистические группировки. Капиталистический строй эпохи промышленного капитализма был воплощением стихийного процесса, ибо здесь была полная неурегулированность отношений; место сознательного регулятора занимал бессознательный «рынок». Государственно-капиталистическая форма общества, оставив неорганизованными мировые связи, заменила бессознательные процессы сознательным регулированием экономических отношений, поставив классовый план буржуазии на место стихийных закономерностей товарного общества. Эпоха распада государственно-капиталистических организаций снова разнуздывает эту стихию, которая отличается от товарной стихии прошлого направлением своего движения: там эта стихия была рычагом капиталистической концентрации и централизации, *роста* капиталистического общества и, в конце концов, его организации; здесь эта стихия является рычагом распада организованной системы на части. И опять таки: среди этого стихийного процесса распада только в пролетарских государствах может быть процесс организации и рационализации экономической жизни, но уже на принципиально иной основе. Разложение и распад старой системы и организация новой, это—*основные* и наиболее общие закономерности переходного периода. Поэтому, каковы бы ни были уклонения в сторону, равнодействующая идет по линии социализма. Соотношение между государствами пролетариата и государствами буржуазии лучше всего видно на их военных столкновениях, на классовой войне, где старые армии разлагаются, потому что всем ходом развития делается невозможным общественное равновесие на капиталистической основе.

Крупнейшим фактором разложения капиталистической системы является распад связи между империалистскими го-

сударствами и их многочисленными колониями. Так называемое «национальное государство» уже в довоенный период было чистейшей фикцией. На самом деле, реально, существовали субъекты колониальной политики, империалистские государства, представлявшие из себя сложные системы, с крепким ядром и подчиненной периферией, и объекты этой колониальной политики, с различными оттенками и степенями подчинения. Как раз в деле образования этих гигантских тел организованное «внеэкономическое» насилие, которое, как говорил Маркс, само есть экономическая сила, играло колоссальную роль. «Machtpolitik», «Armee und Flotte» и прочие прелести империализма были средствами организации империалистских государственных систем. Государственная спайка, в конечном счете опиравшаяся на вооруженную силу, имела решающее значение. Следовательно, по мере разложения государственной власти капитала, неизбежно должно начаться и разложение империалистских систем, отпадение колоний, дробление «великих держав», выделение самостоятельных «национальных государств». С точки зрения борьбы общественных сил, это может выразиться в ряде колониальных восстаний, национальных восстаний, мелких национальных войн и т. д. Конечно, колониальные восстания и национальные революции (Ирландия, Индия, Китай и проч.) абсолютно не имели бы никакого *прямого* отношения к развертывающейся пролетарской революции; их *местный* и непосредственный смысл заключается отнюдь не в установлении диктатуры пролетариата; пролетариат здесь по общему правилу не играет руководящей политической роли, ибо он крайне слаб. Но тем не менее эти колониальные восстания и национальные революции входят, как составная часть, в великий мировой революционный процесс, который перемещает всю ось мирового хозяйства. Ибо объективно здесь налицо факторы общего распада капиталистических производственных отношений, распада, который облегчает победу пролетарской революции и диктатуры рабочего класса.

Диктатура пролетариата не может победить, если пролетариат разных стран изолирован друг от друга. Поэтому уже в ходе борьбы неизбежно сцепление, связь, спайка, союз между всеми возникающими пролетарскими советскими республиками. Уже для буржуазии в переходный период объективно необходимым является ее мировой союз: он необходим для

нее и экономически, ибо только таким путем можно надеяться изжить кризис; он необходим для нее и политически, ибо только таким путем можно оказывать сопротивление пролетариату. Отсюда попытки создания «Лиги Наций». Однако, начавшийся уже распад капиталистической системы, ее колоссальная дезорганизация, масса новых возникших трений чрезвычайно усилили децентрализаторские тенденции, и поэтому буржуазия терпит крах. Стихия распада перерастает организаторский разум буржуазии. Для *пролетариата* его экономическое и политическое единство есть вопрос жизни. И так как его частичные победы (его диктатуры) выражают собой преодоление распада, то отсюда вытекает объективная необходимость объединения пролетарских государственных систем. По мере перерождения экономической и политической ткани мирового хозяйства и перемещения центра тяжести на пролетарские государства и их союзы, видоизменяется вся картина мирового хозяйства. Бывшие колонии и отсталые аграрные страны, где нет пролетарской диктатуры, тем не менее входят в экономическую связь с индустриальными социалистическими республиками. Они понемногу втягиваются в социалистическую систему, приблизительно по тому же типу, как втягивается крестьянское сельское хозяйство в отдельных социалистических странах.

Так растет мало-по-малу мировая диктатура пролетариата. По мере ее роста слабеет сопротивление буржуазии, и под конец оставшиеся буржуазные комплексы будут по всей вероятности сдаваться со всеми своими организациями in corpore [1]).

Но мировая диктатура пролетариата есть уже в сущности начало отрицания диктатуры пролетариата вообще. Государственная власть рабочего класса необходимо растет, поскольку растет сопротивление капиталистических групп. Так как процесс развертывания капиталистического краха и коммунистической революции есть целая историческая полоса, целая эпоха, которая включает и ряд беспощадных классовых войн, не говоря уже о войнах гражданских, то вполне понятно, что государство не может отмирать в *такой* обстановке. Но как скоро выясняется решающая мировая победа пролетариата, кри-

[1]) В этих случаях, которые, как легко сообразить, отнюдь не могут считаться типичными, не будет иметь места полный распад аппарата, как это неизбежно бывает в типическом случае общественной трансформации.

вая роста пролетарской государственности круто начнет падать вниз. Ибо главная и основная задача государственной власти, как таковой, задача подавления буржуазии, будет закончена. Внешне принудительные нормировки начнут отмирать: сперва отомрет армия и флот, как орудие наиболее острого внешнего принуждения; потом система карательных и репрессивных органов; далее—принудительный характер труда и проч. Производительные силы, размещаемые не по государственным делениям, а по принципу хозяйственной целесообразности, развиваются с неслыханной быстротой. Гигантские резервуары энергии, которая уходила раньше на классовую борьбу, войны, милитаризм, преодоление кризисов, конкуренцию, и т. д. обращаются теперь на производительный труд. Деформация классов и трудовое воспитание и образование новых поколений, рационализация всего производственного процесса ускоряют рост производительных сил еще более. Распределение теряет характер принудительного эквивалентного распределения «по труду». Социализм пролетарской диктатуры и дальнейшего периода развертывается в мировую систему коммунистического общества [1]). Впервые за все время существования человечества создается система, гармонично построенная во всех своих частях: она не знает ни производственной, ни социальной анархии. Она навсегда уничтожает борьбу человека с человеком и сплачивает все человечество в единый коллектив, быстро овладевающий неисчислимыми богатствами природы.

Пролетариат, который активно строит будущее человечества и ясно видит это будущее, может сказать словами великого борца науки: Novarum rerum mihi nascitur ordo. Пусть слепые не видят этого нового порядка. Его пришествие неизбежно и неотвратимо.

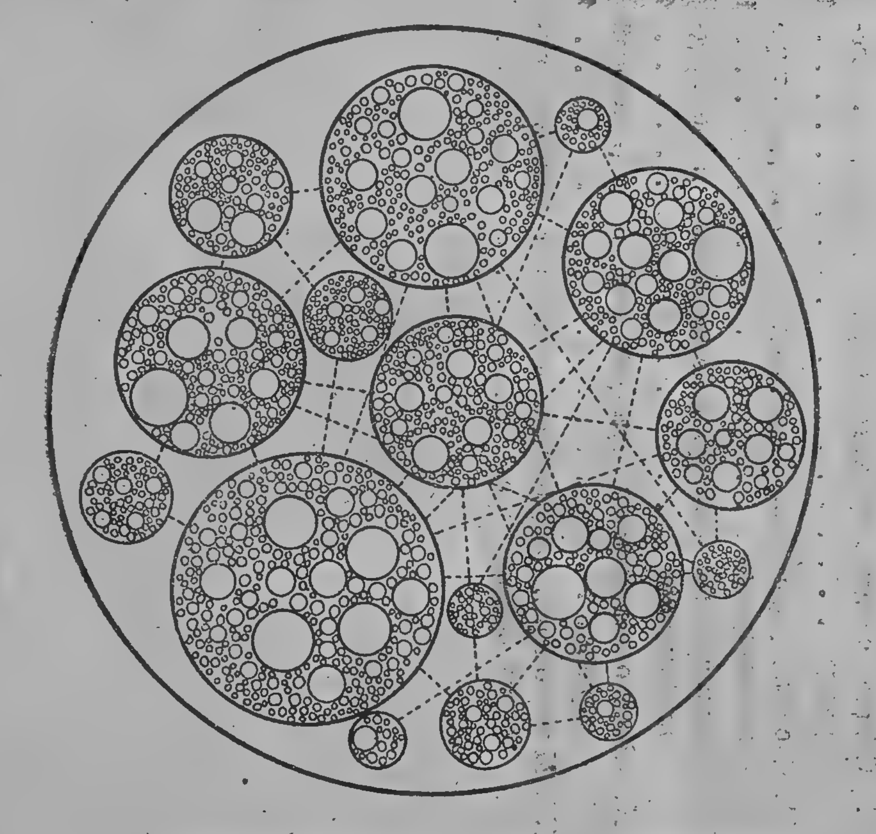
---

[1]) *Prof. C. Ballod* в своей наивности полагает, что мы, русские коммунисты, считаем коммунизм возможным на стадии пролетарской диктатуры, и делает нам целый ряд самых комичных упреков, которыми он обнаруживает лишь свое собственное невежество. См. *C. Ballod*; Kommunismus and Sozialismus. Der Sozialist (Sozialistische Auslandspolitik) № 34, 23. August 1919.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Таблица I (к гл. I).

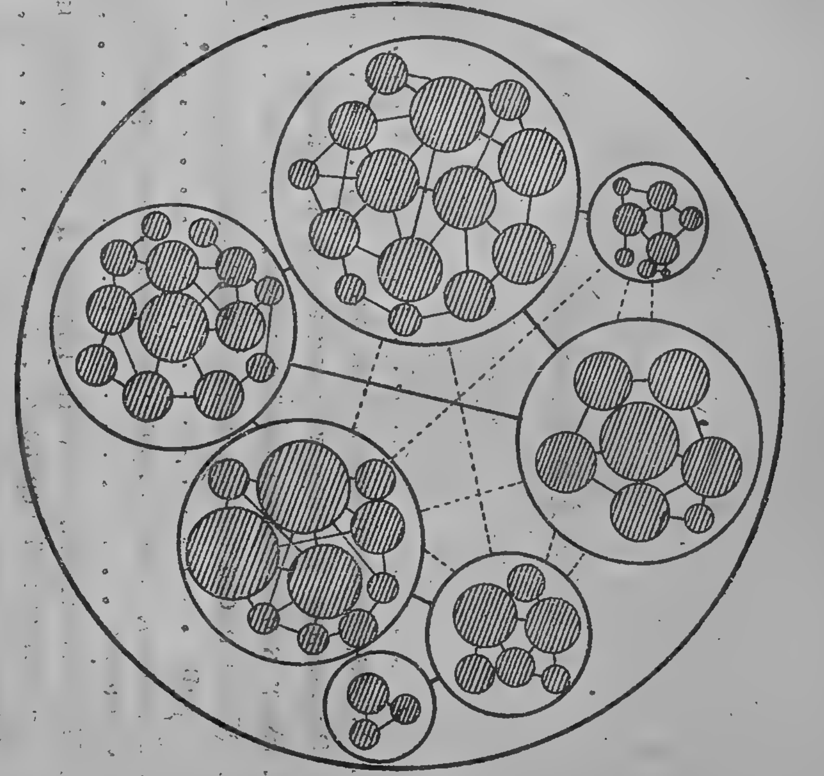
А. Мировое хозяйство в эпоху промышленного капитализма.

1. Маленькие кружочки и точки означают отдельные предприятия внутри неорганизованных „национальных“ хозяйств.

2. Пунктиром обозначены связи между последними, имеющие, гл. образом, форму связи через обмен.

В. Мировое хозяйство в эпоху финансового капитализма.

1. Маленькие кружочки—связанные друг с другом организационно банки, тресты и синдикаты, система которых образует государственно-капиталистический трест.

2. Пунктиром обозначены менее прочные связи между государств.-капиталист. трестами; сплошной линией—прочные связи, гл. образом, через участие и финансирование.

Таблица II (к гл III).

Система государственного капитализма.

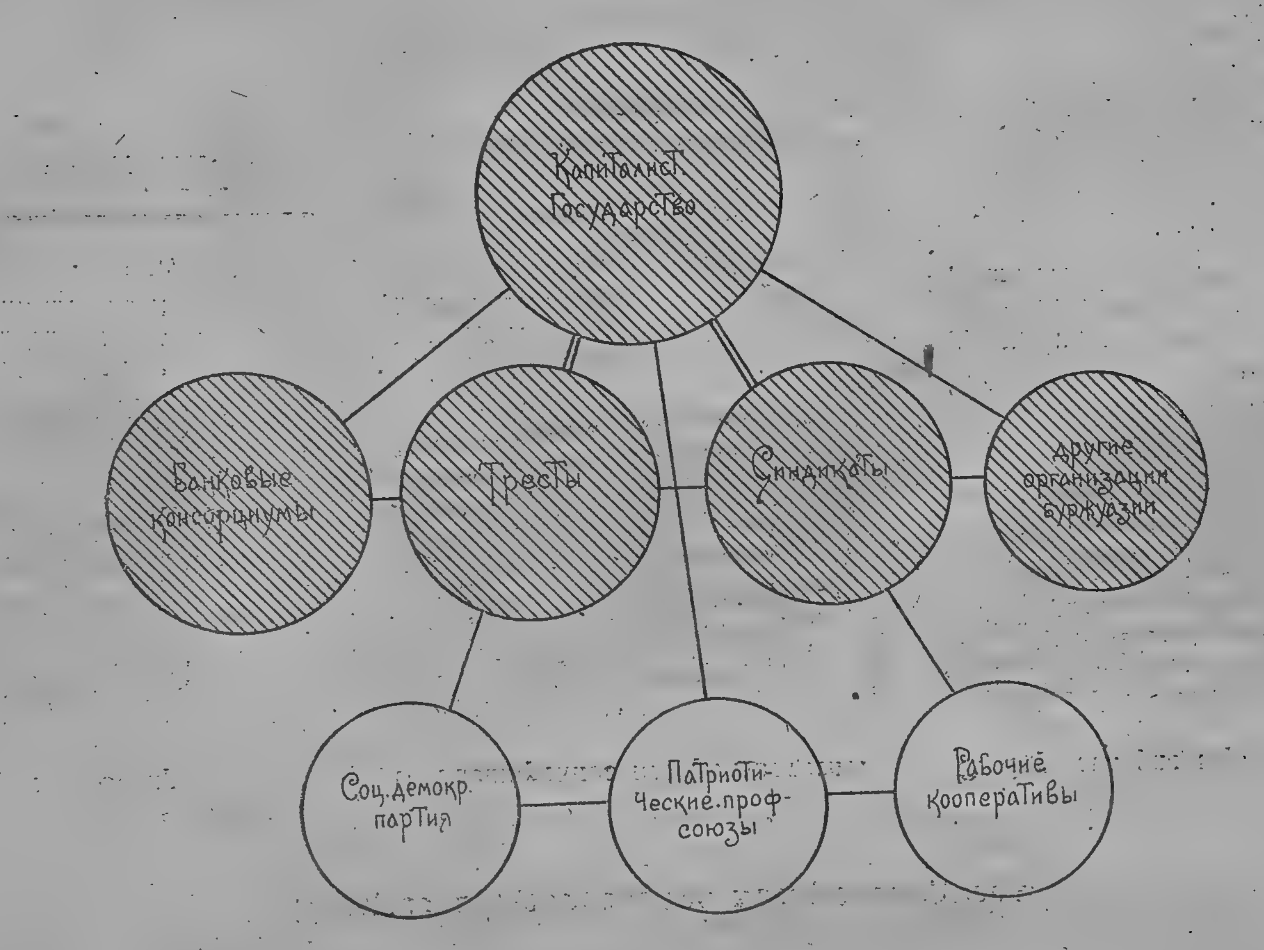
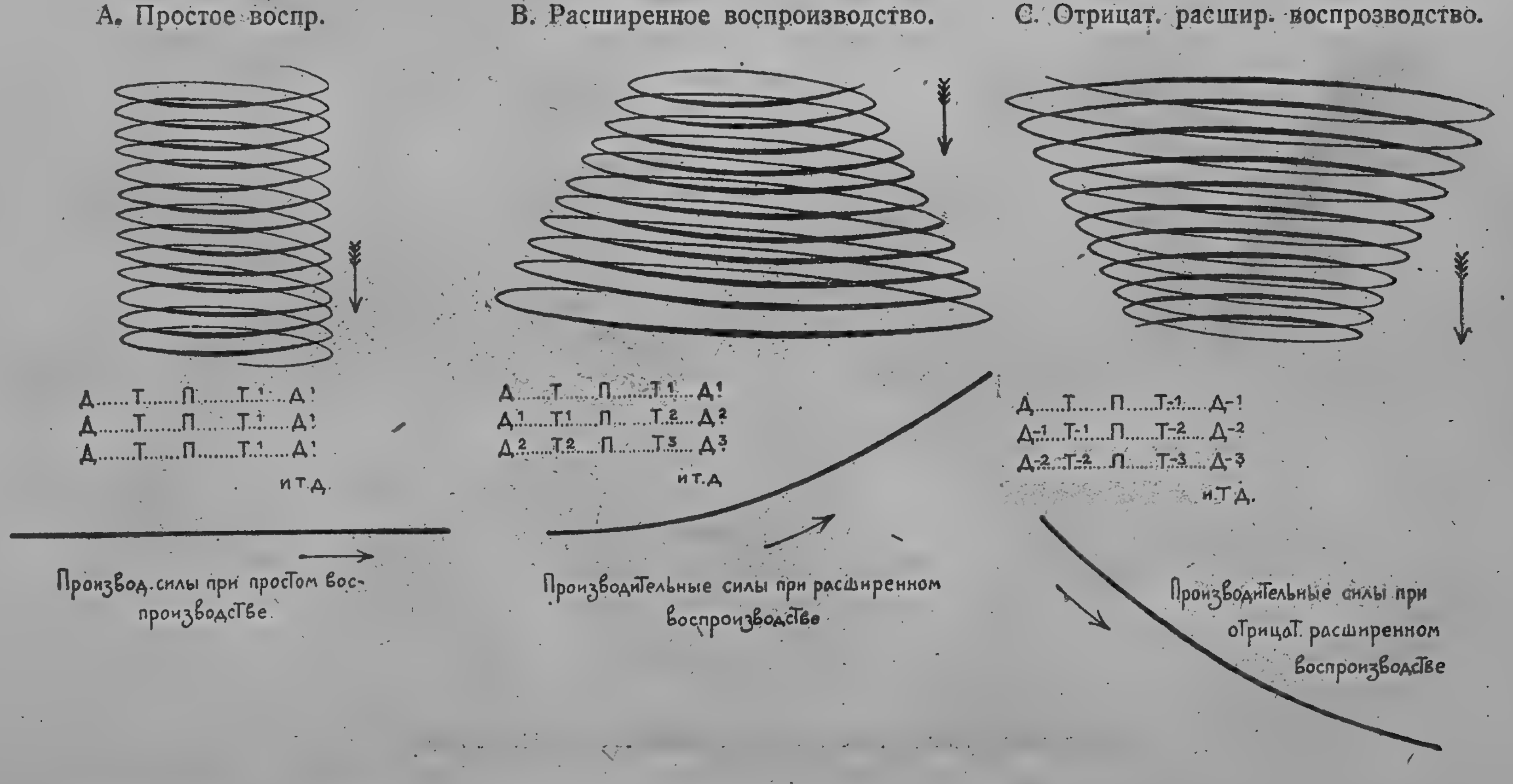

Таблица III (к гл. 3).

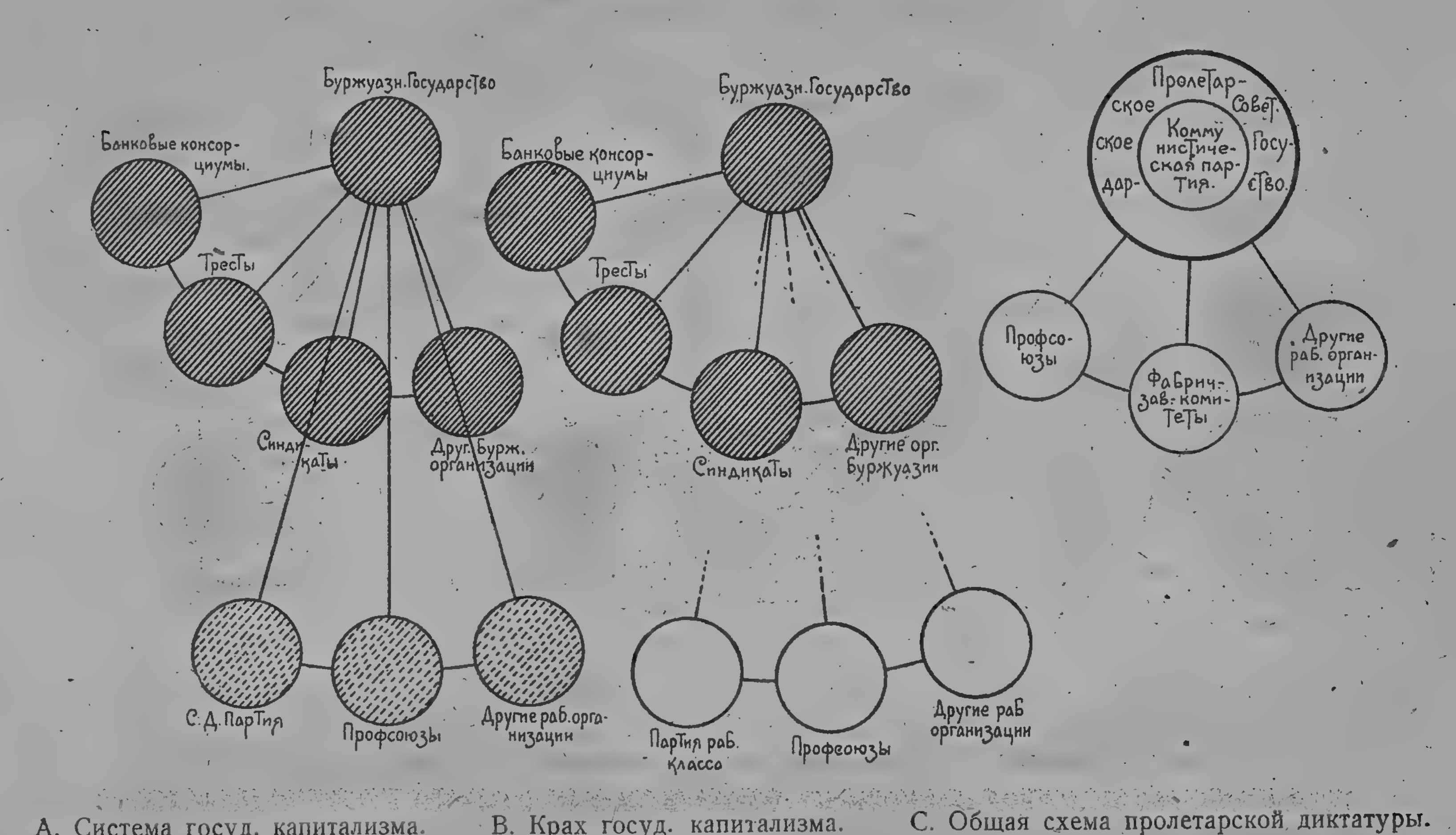
Процесс общественного воспроизводства.

Для простоты всюду отвлекаемся от непроизводит. потребления, за искл. группы А.

Таблица IV (к гл. IV).

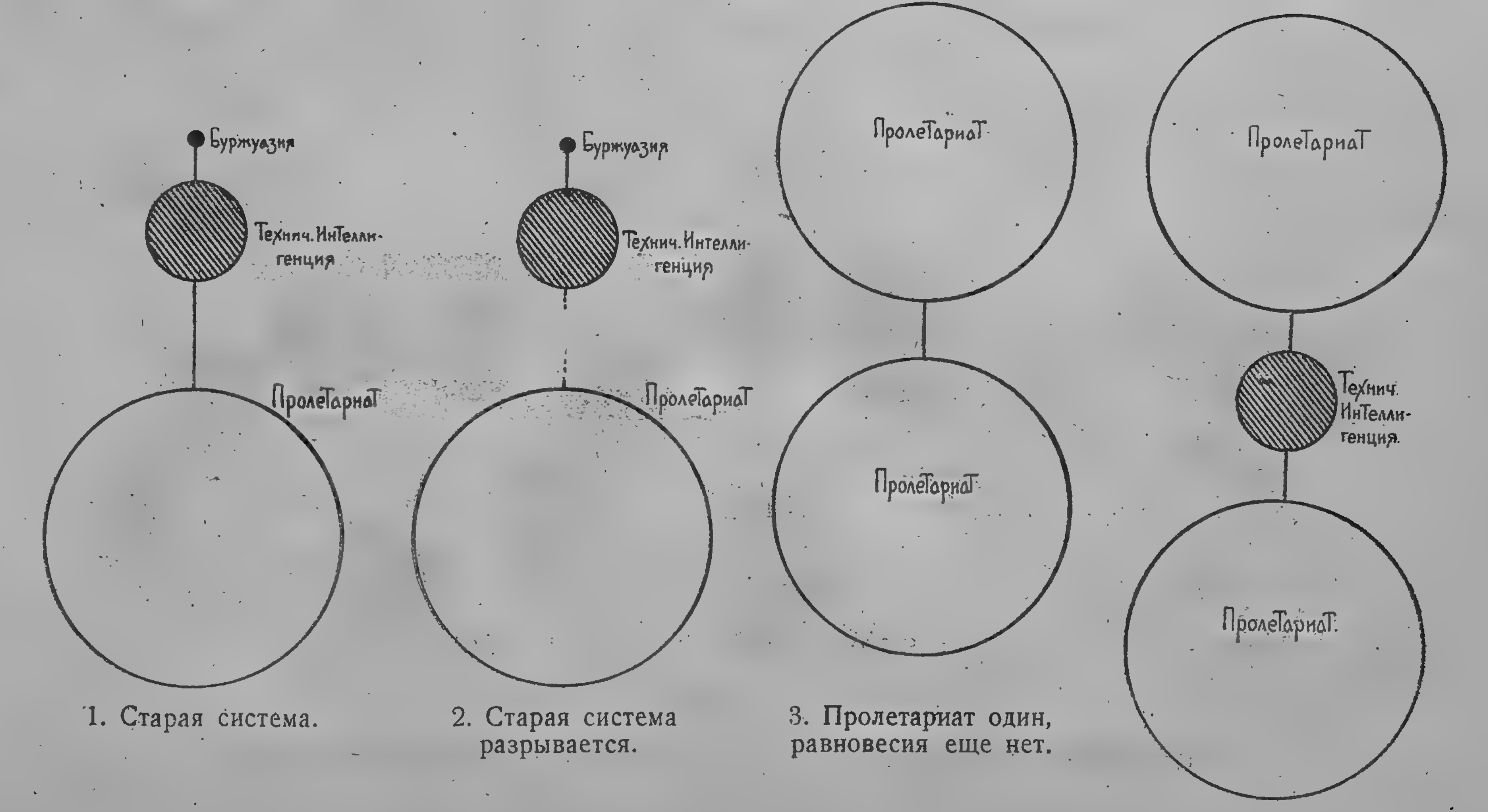
Государственный капитализм и система пролет. диктатуры.

А. Система госуд. капитализма. В. Крах госуд. капитализма. С. Общая схема пролетарской диктатуры.

Таблица V (к гл. III и IV).

Крах старой системы и организация новой. Общая схема.

1. Старая система.

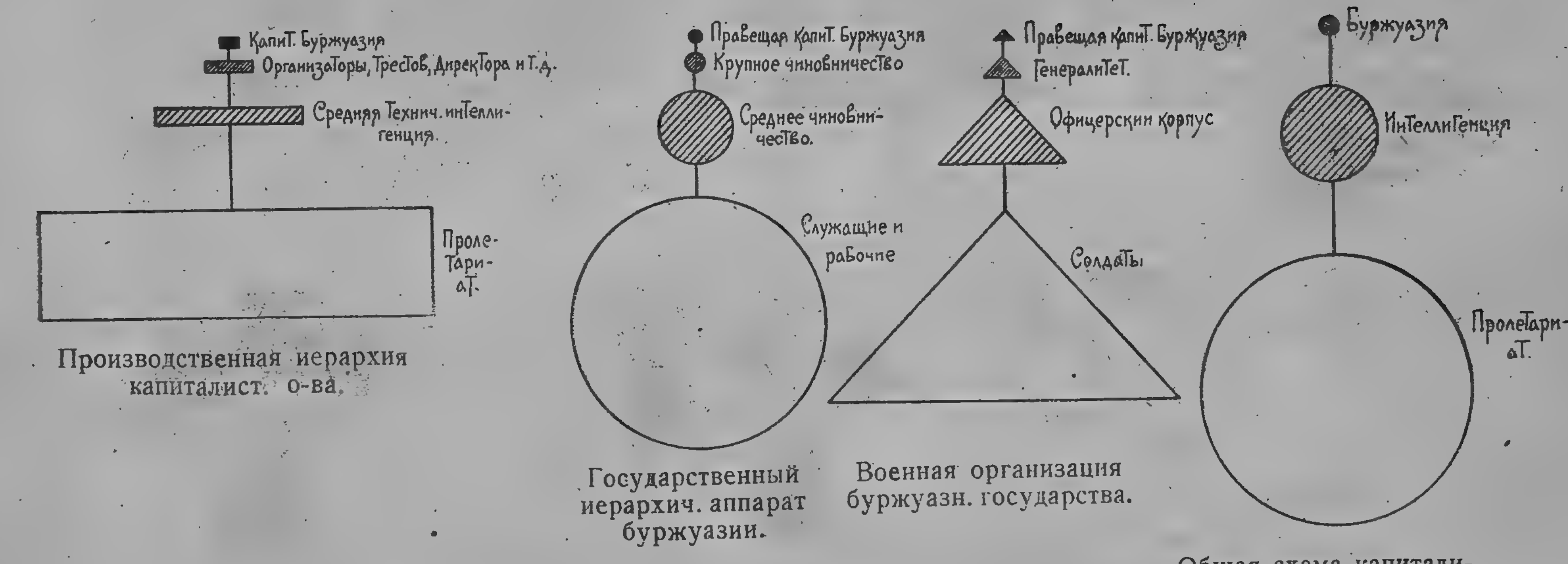
2. Старая система разрывается.

3. Пролетариат один, равновесия еще нет.

4. Новая система равновесия.

Таблица VI (к гл. III).

Отношения капиталист. иерархии.

Производственная иерархия капиталист. о-ва.

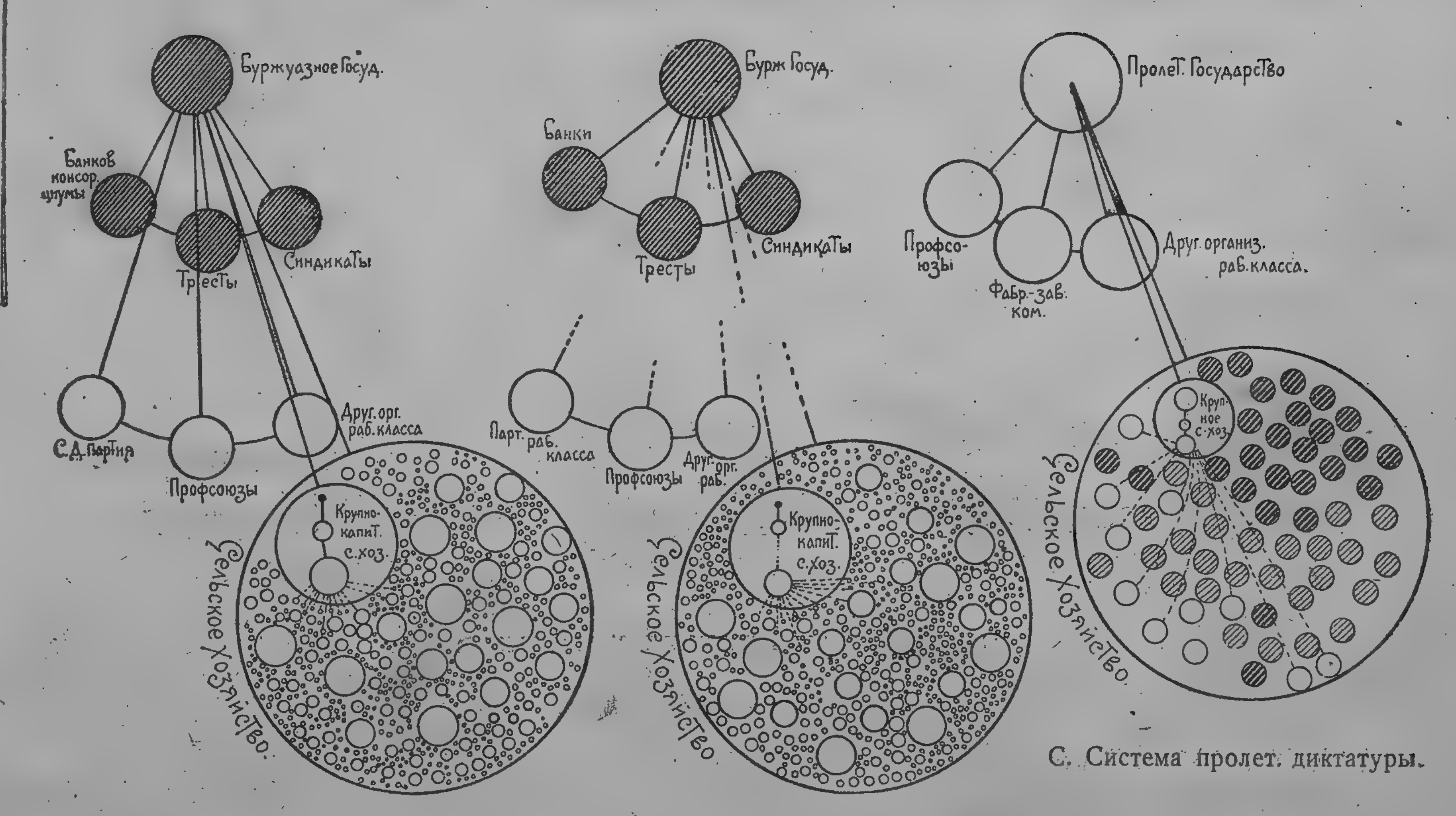
Государственный иерархич. аппарат буржуазии.

Военная организация буржуазн. государства.

Общая схема капиталистических отношений.

Таблица VII (к гл. V).

Город и деревня в процессе трансформации.

А. Государств.-капит. система.

В. Крах госуд.-капит. системы.

С. Система пролет. диктатуры.

